

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

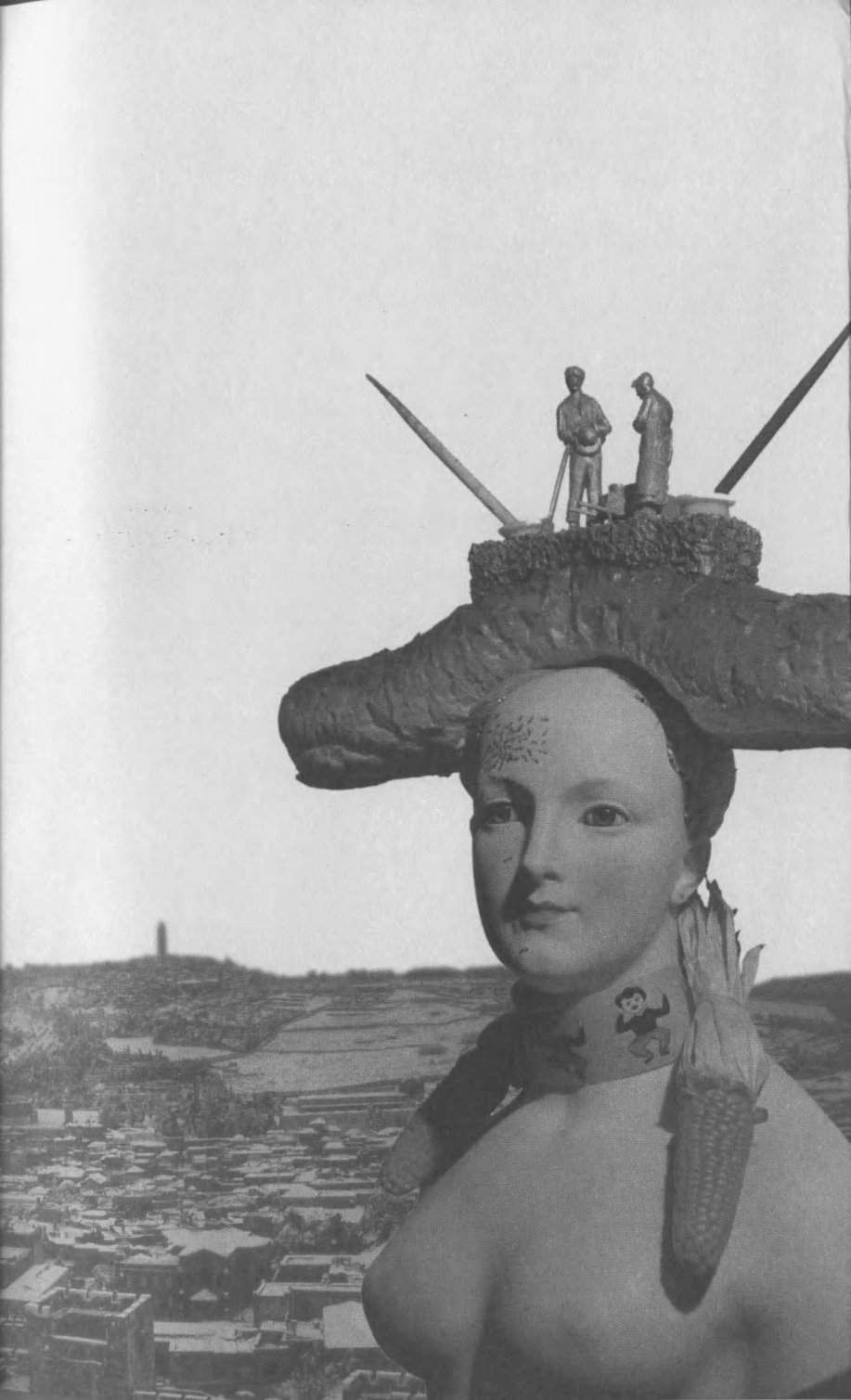
Лидия Флем

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ФРЕЙДА И ЕГО ПАЦИЕНТОВ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Лидия Флем

Lydia Flem
LA VIE QUOTIDIENNE
DE FREUD ET DE
SES PATIENTS

HACHETTE

ЖИЗНЬ ФРЕЙДА И ЕГО ПАЦИЕНТОВ

УДК 616.89(092)
ББК 56.14
Ф71

*Перевод с французского
И. А. СОСФЕНОВОЙ*

*Предисловие
В. ЛЕЙБИНА*

*Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА*

*Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de Culture –
Centre national du livre*

*Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)*

*Ouvrage réalisé avec le soutien
du Ministère des affaires étrangères français*

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции*

Перевод осуществлен по изданию:
*Lydia Flem.
La vie quotidienne
de Freud et de ses patients.
Paris, Hachette, 1986*

ISBN 5-235-02567-9

© Hachette, 1986
© Сосфенова И. А., перевод, 2003
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2003
© «Издательство Палимпсест», 2003

Ж.-Б. Понталис выразил желание стать первым читателем моей книги, и я благодарна ему за внимание к ней.

Идея создания этой книги принадлежит Морису Оландеру, и именно ему она во многом обязана своим появлением на свет.

О венском враче Зигмунде Фрейде (1856–1939) написано и опубликовано столько работ в различных странах мира, что, пожалуй, по количеству публикаций о нем и его деятельности могут сравниться лишь жизнеописания Христа. Однако, если образ Христа предстает перед поколением двадцать первого столетия в качестве божественного лика, вызывающего восхищение, поклонение и лишь в редких случаях сомнение относительно исторической истины реального существования, то фигура Фрейда не вызывает сомнений в ее историчности, хотя восприятие венского врача как человека и основателя психоанализа сопровождается амбивалентным отношением и к нему самому, и к выдвинутым им идеям.

И это действительно так. Для одних Фрейд – не только глубокий мыслитель, сумевший, подобно Эдипу, разгадать загадку Сфинкса, но и конкистадор (как он называл себя), первооткрыватель тайников человеческой психики, первопроходец, сумевший осветить лучом света темные, таинственные, ранее неведанные глубины бессознательного, а также предложить новое видение человека, включающее в себя понимание внутриспсихических конфликтов, причин возникновения психических расстройств и возможностей их лечения. Для других основатель психоанализа в лучшем случае – заблудившийся в дебрях умственных конст-

рукций фантазер, усматривавший за любыми проявлениями жизнедеятельности человека всющую сексуальность, а в худшем – сексуально озабоченный индивид, перенесший свои личные переживания и болезненный опыт самоанализа на все человечество и рассматривавший развитие детей и взрослых через призму патологии.

Подобная двойственность отношения к Фрейдю не является исключительной особенностью наших дней. Она характерна для всего, более чем столетнего периода возникновения и развития психоанализа.

Когда Фрейд выдвигал свои основные психоаналитические идеи, он не встретил восторженного приема ни в кругу венских врачей, ни со стороны венской общности. Напротив, психоанализ как таковой воспринимался в качестве курьеза, автором которого был чужак, не прислушавшийся к компетентному мнению светил науки и медицины того времени. Вместе с тем, начиная с 1902 года, идеи Фрейда приобретают многочисленных сторонников, а несколько лет спустя психоанализ вышел на международную арену и, наконец, психоаналитическое движение приобрело такой широкий размах во многих странах мира, что Фрейд стал непререкаемым авторитетом среди части интеллигенции, а психоаналитическое видение человека оказалось неотъемлемой частью культуры двадцатого столетия. И тем не менее, несмотря на проникновение психоаналитических идей в различные сферы знания и практической деятельности людей, основатель психоанализа и его детище до сих пор вызывают не только не однозначное, но подчас диаметрально противоположное отношение к себе.

Приведу несколько полярных суждений, высказанных представителями науки и литературы о Фрейде и психоанализе.

«Начинает распространяться мнение, – писал английский биолог П. Медавар, – что психоаналитическая догма является самым замечательным заблуждением интеллектуального сознания двадцатого века, а также – явлением без будущего, представляющим собой в истории идей нечто подобное динозавру или цепелину: огромную структуру, основанную на абсо-

лотно ложной концепции, которая не будет иметь продолжений».

«Психоанализ! – восклицал итальянский писатель И. Звено. – Абсурдная иллюзия, трюк, способный возбудить лишь несколько старых истеричек».

А вот противоположные мнения.

«Я рад, – писал всемирно известный физик А. Эйнштейн З. Фрейду, – что это поколение имеет счастливую возможность выразить Вам, одному из величайших учителей, свое уважение и свою благодарность... До самого последнего времени я мог только чувствовать умозрительную мощь Вашего хода мыслей, с его огромным воздействием на мировоззрение нашей эры, но не был в состоянии составить определенное мнение о том, сколько оно содержит истины... всегда радостно, когда большая и прекрасная концепция оказывается совпадающей с действительностью».

«Психоаналитическая доктрина, – замечал немецкий писатель Т. Манн, – способна изменить мир. Благодаря ей был посеян дух недоверия, подозрения к скрытым сторонам души, позволивший их разоблачить. Этот дух, однажды пробудившись, никогда не исчезнет. Он пронизывает всю жизнь, подрывает ее наивность, лишает ее пафоса, свойственного незнанию».

В работе французского психоаналитика Лидии Флем «Повседневная жизнь Фрейда и его пациентов» нет авторских оценочных суждений по поводу личности венского врача и его учения о человеке и культуре, как это имеет место во многих исследованиях, авторы которых пытаются раскрыть достоинства и недостатки психоанализа как такового. Предлагаемая читателю работа – это приглашение совершить прогулку с Фрейдом по Вене, встретиться с его бывшими пациентами, познакомиться с укладом быта основателя психоанализа и впитать в себя дух того времени, когда Фрейд жил и творил, работал и отдыхал, любил и страдал.

Это вовсе не означает, что в книге Л. Флем вообще нет никаких оценочных суждений, относящихся к личности Фрейда и психоанализу как таковому. Они есть, но принадлежат не автору книги, а пациентам и

людям, непосредственно или косвенным образом имевшим дело с основателем психоанализа.

Одно из высказываний об основателе психоанализа принадлежит неординарной женщине – Лу Андреас-Саломе, близко знавшей немецкого философа Ницше и австрийского поэта Рильке, познакомившейся с Фрейдом в 1911 году и на долгие годы сохранившей дружеские отношения с ним. «Мне нравятся, – признавалась она, – многие внешние проявления характера Фрейда, в частности его манера входить в аудиторию (например, на лекцию), проскальзывая туда бочком, я бы сказала, что в этом его движении сквозило желание остаться в одиночестве... Это впечатление усиливалось, когда вы обращали внимание на его голову и его взгляд, такой спокойный, умный и твердый».

Еще одна, противоположная характеристика Фрейда вложена в уста поэта Эзра Паунда, который отговаривал американскую писательницу Хильду Дулиттл от лечения у венского врача. «Твой ужасный Фрейд, – замечал он, – ассоциируется у меня исключительно с сивухой, но эти дураки-христиане вечно предают забвению всех своих лучших авторов... вместо того, чтобы наслаждаться наследием Данте... Ты ошиблась свинарником, моя дорогая. Но у тебя еще есть время выбраться отсюда».

Фрейд прожил почти всю свою жизнь в Вене, причем 47 лет он жил в доме на Берггассе, 19. В этом доме он принимал многочисленных пациентов, писал психоаналитические труды, выдвигал и обосновывал психоаналитические идеи. Казалось бы, именно в Вене имя Фрейда как основателя психоанализа должно быть у многих людей на слуху, а дом, в котором он жил и работал, мог бы быть своего рода Меккой для самих венцев. Однако этого не случилось. Скорее напротив, в то время как психоанализ завоевывал все большее и большее признание за пределами Австрии, а в 20–30-е годы Берггассе, 19 действительно стала Меккой для иностранцев, стремившихся попасть к Фрейду на прием или лично познакомиться с ним, засвидетельствовав ему свое почтение, в самой Вене, за исключением психоаналитиков, мало кто знал о докторе и профессоре, имевшем значительный международный авторитет.

О нем не знали не только простые венцы, далекие от науки и медицины, но и врачи, которые, как можно было бы предположить, по роду своей профессиональной деятельности могли пересекаться с Фрейдом.

В книге Л. Флем есть эпизод, свидетельствующий о том, что Вена жила своей собственной жизнью, совершенно не интересуясь Фрейдом как основателем психоанализа. Американский психиатр Абрам Кардинер, приехавший в 1921 году к Фрейду для прохождения психоаналитического обследования, столкнулся с неожиданным для него обстоятельством. Хозяин дома, расположенного в центре Вены и ставшего временным пристанищем американского психиатра, поинтересовался у постояльца, чем он занимается. Кардинер сказал, что он врач и коллега профессора Фрейда. Хозяин дома никогда не слышал о таком профессоре и на пояснение Кардинера, что Фрейд является профессором Венского университета, выразил свое крайнее удивление, поскольку его зять, будучи гинекологом и профессором, ничего не говорил ему о Фрейде. При этом хозяин дома вспомнил, что все-таки это имя ему знакомо. Оказалось, что в его записной книжке имеется пометка: «Фрейд Зигмунд, Берггассе, дом 19». Он его знал не как основателя психоанализа, а как члена еврейской организации «Бнай Брит», в которую входил Фрейд.

Как это ни странно на первый взгляд, но по отношению к Фрейду Вена наших дней мало чем отличается от Вены 20-х годов прошлого столетия. В этом я смог убедиться сам, когда два года назад посетил Вену, музей Фрейда и побывал на заседании ученых Венского университета, посвященном очередной годовщине со дня рождения основателя психоанализа. После прогулки по Вене я зашел в «Кафе Фрейда», расположенное в нескольких шагах от парадной двери на Берггассе, 19. Заказав чашечку кофе, я спросил хозяйина кафе, какой сегодня день. Он недоуменно посмотрел на меня, но вежливо ответил, что сегодня среда. Мои дальнейшие вопросы, касающиеся уточнения по поводу сегодняшнего дня, вызвали, видимо, у хозяина кафе подозрение, что посетитель, наверное, не в своем уме. Мне пришлось внести ясность, сказав, что

именно сегодня, 6 мая, исполнилось бы 144 года со дня рождения Фрейда.

Еще один штрих. Два дня спустя после этого разговора в «Кафе Фрейда» я зашел в один из венских банков, чтобы обменять доллары на соответствующую сумму шиллингов. Мне повезло, так как в моих руках оказалась банкнота в 50 шиллингов, на которой был изображен знакомый портрет, под которым стояла надпись «Зигмунд Фрейд». Не успел я испытать чувство радости по поводу того, что в Австрии таким образом сохранена память об основателе психоанализа, как тут же столкнулся с иными реалиями жизни. Рядом со мной стояла молодая пара, которая также обменивала валюту. Это были, как выяснилось, американцы, путешествовавшие по Европе и приехавшие в Австрию, чтобы посмотреть известные всему миру достопримечательности. Плохо ориентируясь в Вене, они спросили у сотрудника банка, где находится музей Фрейда и как им добраться до него. Сотрудник банка не мог им ничем помочь, так как, судя по всему, он даже не знал, что в Вене есть такой музей. Мне пришлось объяснить американцам, как лучше им пройти на Берггассе, 19. Кстати сказать, когда я сам посетил музей Фрейда, то оказалось, что рассказывающий об экспонатах сотрудник музея не знал многих тонкостей, касающихся жизни и деятельности основателя психоанализа, в результате чего не ему, а мне пришлось выступать в качестве гида. В частности, он впервые узнал о том, что прах Фрейда покоится в греческой вазе, некогда подаренной основателю психоанализа греческой принцессой, внучкой Наполеона Марией Бонапарт.

Каким был Фрейд при жизни? Как он относился к своим братьям и сестрам? Каковы были его отношения с женой и детьми? Кому довелось лежать на знаменитой кушетке профессора Фрейда? Как вел себя Фрейд во время сеансов? Чем занимался он в свободное от работы время? Какие пристрастия были у основателя психоанализа?

Ответы на эти и многие другие вопросы можно получить, прочитав книгу Л. Флем. Книга эта содержит материал, почерпнутый из различных источников, включая рассказы и письма посетителей Фрейда, бла-

годаря которому беспристрастный читатель способен увидеть основателя психоанализа как живого, реального человека, посвятившего свою жизнь служению истине. Человека, способного проникать в глубины бессознательного и наделенного чувством юмора; лечившего страдающих нервными расстройствами людей и анализирующего разнообразные факты повседневной жизни; часами простаивающего перед мраморной статуей Моисея, выполненной Микеланджело и установленной в церкви Святого Петра в Риме, и играющего почти каждый вечер по субботам в любимую им карточную игру «тарок»; принимавшего подчас по десять пациентов или учеников в день и предававшегося страсти к коллекционированию древнеегипетских фигурок или к «грибной охоте»; называвшего себя «безбожным иудеем» и считавшего себя атеистом, которому посчастливилось быть членом религиозного семейства.

Помимо ненавязчивого изложения основных положений психоанализа, в книге Л. Флем содержатся бытовые зарисовки, дающие представление об убранстве кабинета Фрейда, в котором он принимал своих пациентов, привычном маршруте прогулок основателя психоанализа по Вене, его привычках и гастрономических пристрастиях, то есть обо всем том, что, несомненно, способствует более полному, по сравнению с сухими наукообразными биографическими исследованиями жизни и деятельности венского врача, воссозданию портрета человека, которому ничто человеческое не было чуждо.

Нет необходимости останавливаться на тех «достопримечательностях», которые встретит на своем пути читатель, если он вместе с автором книги включится в увлекательнейшее путешествие по повседневной жизни Фрейда и его пациентов, позволяющее, надеюсь, не только соприкоснуться с историей Вены, становления и развития психоанализа, но и прочувствовать просторы и глубины бессознательного. Нет необходимости, как я полагаю, и в сколько-нибудь подробном описании ориентиров, намеченных Л. Флем для структурной организации вошедшего в ее книгу исторического материала.

Единственное, пожалуй, о чем стоит сказать, так это о некоторых вопросах, ответы на которые не найдет читатель, не знакомый с историей развития психоанализа, а также об отдельных неточностях, содержащихся, на мой взгляд, в представляемой книге.

Среди тех, кто был знаком с Фрейдом, имеется одно имя, в последние десятилетия вызывающее особый исследовательский интерес. Речь идет о Сабине Шпильрейн – еврейской девушке, родившейся в 1885 году в Ростове-на-Дону, прошедшей с августа 1904-го по июнь 1905 года курс лечения у швейцарского психотерапевта Карла Густава Юнга, написавшей докторскую диссертацию под его руководством, ставшей впоследствии известным психоаналитиком (у нее проходил психоаналитическое обследование швейцарский психолог Жан Пиаже), поддерживавшей дружеские отношения с Фрейдом. Между молодым, женатым Юнгом и девушкой из России установились такие отношения, которые в определенной степени коснулись основателя психоанализа, поскольку, с одной стороны, швейцарский психотерапевт делился с ним своими переживаниями в связи с этой пациенткой, а с другой стороны, Сабина Шпильрейн познакомилась с Фрейдом и по-своему рассказала ему о своем «швейцарском герое».

В книге Л. Флем приведены выдержки из писем Фрейда Сабине Шпильрейн, изложены материалы, касающиеся нависшего над ее родом проклятия, выдвинуто предположение, что, может быть, ее попытка примирить еврея с христианином, Фрейда с Юнгом, была не чем иным, как стремлением избавиться от родового проклятия – желания ее деда и ее матери создать семью с иноверцами, но вынужденных в силу семейных традиций отказаться от реализации этого желания. В конечном счете в книге поставлен, однако оставлен без ответа вопрос о том, не погибла ли Сабина Шпильрейн после возвращения в Россию в водовороте сталинских чисток, как предполагают некоторые исследователи.

Из исторических документов известно, что сперва Фрейд отговаривал Сабину Шпильрейн от ее возвращения в Россию, затем дал ей свое благословение, и в

1923 году она вернулась на родину. В Москве Сабина работала врачом, была штатным сотрудником Государственного психоаналитического института, вела семинары по детскому психоанализу. В 1924 году по семейным обстоятельствам она переехала в Ростов-на-Дону, где жили ее отец и муж – врач Павел Шевтель, за которого она вышла замуж в 1912 году. На протяжении последующих семнадцати-восемнадцати лет Сабина Шпильрейн жила в Ростове-на-Дону, работала психотерапевтом и педологом.

В своей книге Л. Флем пишет о том, что в 1936 году психоанализ был объявлен Сталиным вне закона, и в связи с этим высказывается соображение о возможной гибели Сабины Шпильрейн в водовороте сталинских чисток. В действительности имело место другое. В 1936 году вышло постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», положившее начало идеологической кампании, которая сказалась на свертывании многих направлений в развитии науки. Гонения на психоанализ начались раньше, так как уже в 1925 году был закрыт Государственный институт психоанализа. Официально психоанализ в России никогда не был объявлен вне закона. Другое дело, что под воздействием соответствующей идеологии одни психоаналитики, включая Николая Осипова и Моисея Вульфа, эмигрировали из России, в то время как другие, например, бывший секретарь Русского психоаналитического общества и ставший впоследствии всемирно известным ученым Александр Лурия, сменили свои увлечения психоанализом на иные исследовательские интересы.

Подобно многим россиянам, семья Шпильрейн была подвергнута репрессиям. В 1935 году был арестован брат Сабины профессор Исаак Шпильрейн. В 1937 году подверглись аресту два других ее брата – доцент Эмиль Шпильрейн и член-корреспондент АН СССР Ян Шпильрейн. Сабину Шпильрейн миновал ГУЛАГ. Потеряв братьев, мужа, скончавшегося от разрыва сердца в 1937 году, и отца, умершего в 1938 году, она продолжала жить и работать в Ростове-на-Дону. Ей довелось быть свидетельницей первой оккупации немцами Ростова-на-Дону в конце 1941 года. Очарованная в моло-

дости немецкой культурой и мечтавшая родить от Юнга «белокурого Зигфрида», Сабина Шпильрейн не предпринимала каких-либо попыток бегства из Ростова-на-Дону и поплатилась за это жизнью во время второй оккупации города нацистами в июле 1942 года.

Говоря о женщинах-психоаналитиках, Л. Флем отмечает в своей книге, что Анна Фрейд, Лу Андреас-Саломе и Мария Бонапарт были не только ближайшими и самыми верными ученицами основателя психоанализа, но и членами «тайного комитета», которым Фрейд вручил геммы, представляющие собой камни с углубленным изображением, предназначенные для оправы их в кольца. Действительно, дочь основателя психоанализа Анна Фрейд, ставшая детским психоаналитиком и неизменным его помощником, а также Лу Андреас-Саломе и Мария Бонапарт, почитавшие Фрейда и испытывавшие к нему искренние чувства любви и признательности, являлись его ближайшими соратниками. Известно и то, что в мае 1920 года Фрейд подарил своей дочери Анне кольцо, подобное тому, которое носили особенно приближенные к нему мужчины-аналитики. Аналогичной чести были удостоены также Лу Андреас-Саломе, Мария Бонапарт и, по свидетельству официального биографа Фрейда Э. Джонса, его жена. Однако вызывает сомнение то, что, наряду с Анной Фрейд, членами «тайного комитета» были также Лу Андреас-Саломе и Мария Бонапарт.

История возникновения и существования «тайного комитета» такова. Летом 1912 года между учениками Фрейда, английским психоаналитиком Эрнестом Джонсом и венгерским психоаналитиком Шандором Ференци, состоялся обмен мнениями о дальнейшем развитии психоанализа. В результате этого обмена мнениями возникла идея создания «секретного совета», составленного из «старой гвардии» психоаналитиков, способных взять на себя ответственную, но благородную миссию – отстаивать идеи Фрейда и защищать психоанализ от возможных ересей, подобно тем, которые имели место годом ранее, когда в рамках Венского психоаналитического общества возникли разногласия, следствием чего стал уход из этого общества Альфреда Адлера и девяти его сторонников.

«Тайный комитет», в состав которого наряду с Фрейдом вошли Карл Абрахам, Эрнест Джонс, Отто Ранк, Ганс Закс и Шандор Ференци, впервые собрался в полном составе летом 1913 года. Основатель психоанализа подарил его участникам по античной греческой гемме, которые они оправили в золотые кольца. Фрейд уже носил такое кольцо, на гемме которого была изображена голова Юпитера. В октябре 1919 года по предложению основателя психоанализа в состав данного комитета был избран Макс Эйттингон. В этом составе «тайный комитет» функционировал согласованно на протяжении десяти лет, но впоследствии между его членами обнаружились идейные разногласия, в результате чего он прекратил свое существование. Разногласия между членами «тайного комитета» были связаны прежде всего с публикацией совместно написанной О. Ранком и Ш. Ференци работы «Развитие психоанализа» (1923) и книги О. Ранка «Травма рождения» (1924), в которых излагались взгляды, выходящие за рамки психоаналитических идей Фрейда.

В 1924 году О. Ранк разослал членам «тайного комитета» письмо, в котором объявил о роспуске данного комитета. Фрейд был вынужден согласиться с этим и с горечью писал: «Я пережил Комитет, который должен был стать моим преемником. Возможно, я переживу Международное объединение. Остается надеяться, что психоанализ переживет меня». В то же время им самим и некоторыми представителями «старой гвардии» были предприняты усилия по восстановлению «тайного комитета». По предложению К. Абрахама место О. Ранка в «тайном комитете» заняла А. Фрейд, которая к тому времени начала практику психоаналитика.

Если в период 1913–1923 годов «тайный комитет» был по своему составу исключительно мужским сообществом психоаналитиков-единомышленников, то начиная с 1924 года в его составе появилась первая женщина – дочь основателя психоанализа. Но вот входили ли в данный комитет Лу Андреас-Саломе и Мария Бонапарт, – это вопрос, ответить на который однозначно можно только на основании подлинных документов, относящихся к истории развития психоанализа. Во всяком случае известно, что Мария Бона-

парт проходила курс психоанализа у Фрейда в 1925 году, а «тайный комитет» прекратил свое существование в 1927 году.

Быть может, Л. Флем располагает такими историческими документами, которые свидетельствуют о том, что в истории психоаналитического движения был еще один «тайный комитет»?

В самом деле, почему не допустить гипотезу, что после распада мужского «тайного комитета» Фрейд, придававший столь важное значение эдипову комплексу (в древности сыновья убили и съели отца, в цивилизованном мире эпохи психоанализа ученики-сыновья порывают со своим учителем-отцом, то есть прибегают к символическому убийству его), стал искать поддержку и опору среди психоаналитиков не в мужчинах (сыновьях), а в женщинах (дочерях). Принятие этой гипотезы может основываться на том, что разочарование в мужской дружбе породило у основателя психоанализа потребность в создании женского «тайного комитета». Анна Фрейд, Лу Андреас-Саломе и Мария Бонапарт как раз и были теми женщинами-психоаналитиками, которые действительно проявили трогательную заботу о преклонном Фрейде, искренне любили его и готовы были идти на любые жертвы ради поддержания его самого и его учения.

Остается только выяснить, действительно ли был создан женский «тайный комитет», по типу и подобию предшествовавшего мужского «тайного комитета», или речь идет о некоем символическом выражении, использованном автором книги для того, чтобы подчеркнуть ту важную роль, которую играли Анна Фрейд, Лу Андреас-Саломе и Мария Бонапарт в жизни Фрейда. К сожалению, в книге лишь упоминается о «тайном комитете», но нет никаких разъяснений по этому вопросу.

В связи с тем, что в предлагаемой читателям книге содержатся разночтения по части датировки некоторых фактов, принятой в психоаналитической литературе, хотелось бы внести некоторые уточнения. В частности, в книге упоминается о том, что после смерти в 1920 году дочери Фрейда Софии основатель психоанализа написал статью «Печаль и меланхолия», а так-

же закончил работу «По ту сторону принципа удовольствия». Об этом говорится в контексте влияния Софии на формирование идей Фрейда об инстинкте смерти (Танатосе). Однако следует иметь в виду, что София умерла от воспаления легких 20 января 1920 года, в то время как работу над книгой «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд предпринял в начале 1919 года и завершил ее большую часть перед летним отдыхом того же года. Данная книга вышла в свет в 1920 году. Известно также, что две недели спустя после печального события, связанного со смертью Софии, Фрейд в одном из своих писем упомянул о том, что ранее писал о «влечении к смерти». Что касается статьи «Печаль и меланхолия», то она была опубликована в 1917 году, за три года до смерти дочери Фрейда.

И наконец, работа Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» опубликована в 1905-м, а не в 1911 году, его книга «Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена» – в 1907-м, а не в 1906 году, как указано автором.

Разумеется, эти уточнения несколько не умаляют значения предлагаемой читателям книги, в которой содержится подчас уникальный, интересный материал, дающий наглядное представление не только о Фрейде как человеке и основателе психоанализа, но и о его окружении.

Мысленное путешествие в сопровождении Фрейда по просторам и глубинам бессознательного захватывает и очаровывает каждого, кто прочитает данную книгу. В ней читатель соприкоснется не только с реальными историческими личностями, некогда находившимися рядом с основоположником психоанализа, будь то его родные, близкие, друзья, пациенты, коллеги по психоаналитическому движению, но сможет почувствовать атмосферу Вены, в которой жил и работал человек, чье имя привычно ассоциируется с открытием нового, ранее неизведанного континента человеческой психики – континента бессознательного, так или иначе дающего знать о себе в повседневной жизни каждого из нас.

Благодаря книге читатель получает возможность по-новому взглянуть на привычные представления об

основателе психоанализа как холодном, беспристрастном ученом, а также враче, неспособном к проявлению каких-либо чувств по отношению к своим пациентам. Он обнаружит, что этот суровый, несколько сумрачный и никогда не улыбающийся человек, каким он изображен на многих дошедших до наших дней фотографиях, обладал поразительным чувством юмора, любил шутки и анекдоты, которые рассказывал даже во время научных сессий, дарил цветы женщинам, приходившим на сеансы психоанализа, и делал маленькие подарки своим пациентам. И совсем неожиданным для кого-то могут оказаться те отношения Фрейда с собаками и нарциссической кошкой, которые высвечивают непривычные для нас грани его характера и души.

С удивлением открывается то, что одна из его любимых собак Джофи находилась в его приемном кабинете во время психоаналитических сеансов и, сидя под столом, начинала зевать именно тогда, когда завершался прием очередного пациента. Интересно и то восхищение Фрейда нарциссической кошкой, которая неоднократно проникала к нему через окно, располагалась на его знаменитой кушетке, грациозно расхаживала по столу между его коллекцией древних статуэток, не нанося им никакого ущерба, и при этом совершенно не обращала внимания на хозяина кабинета, который различными способами пытался завоевать ее расположение к себе.

Об этих и многих других удивительных историях из повседневной жизни Фрейда и его пациентов узнает тот, кто познакомится с предлагаемой читателям книгой Л. Флем. Остается только пожелать приятного путешествия всем тем, кто проявит заинтересованность и найдет время для прочтения этой информативно полезной и написанной в доступной для понимания форме книге.

Валерий Лейбин

Моя цель состояла именно в том, чтобы привлечь внимание к вещам, которые всем хорошо известны и всеми воспринимаются одинаково, иными словами, я решил собрать различные факты повседневной жизни и подвергнуть их научному анализу. Я не вижу никаких причин тому, чтобы эта мудрость, эта квинтэссенция повседневного человеческого опыта не смогла занять подобающего ей места среди других достижений науки.

3. Фрейд. Психопатология обыденной жизни

У меня был выбор между моими собственными снами и снами моих пациентов, проходивших у меня курс психоанализа. Использованию этого последнего материала мешали те нежелательные сложности, которые приносил в механизм сновидений невротический характер. При толковании же моих собственных снов мне приходилось мириться с тем, что на всеобщее обозрение выставлялось гораздо больше фактов моей личной жизни, чем мне того хотелось бы и чем требуется от ученого, который отнюдь не является поэтом. Это было мучительно, но необходимо.

3. Фрейд. Толкование сновидений

Однажды ночью, за несколько месяцев до того, как я начала писать эту книгу, мне приснился сон: я ужинала в ресторане или столовой какой-то еврейской общины, возможно ассоциации «Бнай Брит». Одна ли я была или в компании, сейчас уже не вспомню. Фрейд сидел за соседним столиком вместе с женой Мартой. Он был точь-в-точь как на своих последних фотографиях, немного грустный взгляд его светился добротой и нежностью, жесты были медлительны и почти женственны. Закончив есть, он поднялся из-за стола. После минутного колебания я тоже встала и последовала за ним. Я стала рассказывать ему про свою семью, про то, что я никогда не видела своих родных дедушек, и про то, что именно его я всегда считала одним из них. Не помню, ответил ли он мне что-нибудь, но он взял меня за руку, и мы вместе прошли несколько шагов.

Как можно было не подумать об этом раньше? Ведь если и существовал когда-либо специалист по повседневности, то им конечно же был Зигмунд Фрейд. Кто, как не он, сделал ее предметом своих научных исследований? Воспитанный на достижениях современной ему науки и в ту пору еще не подвергавший их сомнению, Фрейд не побоялся пойти своим собственным путем. Занимаясь лечением людей, страдающих нервными расстройствами, он стал доискиваться до причин их навязчивых сновидений и непонятной забывчивости, разного рода ошибок и детских страхов, смешных и нелогичных поступков, переживаний и иллюзий. Тщательно анализируя мельчайшие факты повседневной жизни своих пациентов, чему раньше никто не придавал значения, Фрейд открыл миру новую реальность.

Если другие совершали открытия, высчитывая массу звезд, измеряя черепя или финансовые потоки, то Зигмунд Фрейд создал свое учение, вслушиваясь в с трудом произносимые, стыдливые и бессвязные признания человеческих существ. И прежде всего – прислушиваясь к самому себе. Он построил свою теорию на опыте собственной интимной жизни. Подобно поэту или романисту, он описывал перипетии своих дней и ночей, все то, что обычно считается недостойным внимания, и как ученый искал в этом приметы другого мира – мира

психики, мира бессознательного, гипотезу о существовании которого сам же и выдвинул.

Трудно восстановить сегодня в подробностях, как в процессе общения Фрейда с его пациентами зарождалось новое учение. Рассказ о светской жизни, которую на стыке девятнадцатого и двадцатого веков вел избранный круг венцев и приезжавших к Вену иностранцев, не может дать ответа на этот вопрос, поскольку именно обыденная жизнь этих людей с их сновидениями, любовными переживаниями и страхами стала почвой для появления первых ростков психоанализа. Прошло уже более столетия с тех пор, как необычный доктор решился превратить частную жизнь в предмет своих исследований, которые он считал научными, а силу слов – в средство избавления от недуга. За непроизвольным жестом, нечаянно слетевшим с губ словом, безрассудной мыслью, неожиданным сравнением, которые обычно воспринимаются людьми как случайность, обмолвка, необдуманый поступок или рассеянность, Фрейд видел проявления открытого им мира бессознательного. Разного рода анекдотические ситуации, на каждом шагу встречающиеся в повседневной жизни, стали для него источником нового знания.

Потрескивание дров в изразцовой печурке возле кушетки в приемной доктора, запах его любимых легких сигар, переливающаяся всеми цветами радуги полутьма кабинета, заснеженные улицы и витрины кафе, где пациенты коротали время в ожидании приема, открывавшая им дверь симпатичная горничная – все эти детали, которые читатель найдет на страницах моей книги, взяты из воспоминаний посетителей Фрейда. Но мое повествование об удивительном докторе и окружавших его людях не является строго документальным. Это художественное произведение. Представьте себе, что лечившиеся у Фрейда Дора, Эмма, дама, прищелкивающая при разговоре, словно токующий глухарь, Маленький Ганс, американская поэтесса Хилда Дулиттл, да и сам доктор превратились в персонажей некой фантастической истории, этакого «фрейдистского романа». У каждого из них была своя глава в летописи психоанализа и своя веточка на «ге-

неалогическом древе» новой общности людей, связанных не узами крови, а узами психики. При желании мы все можем считать себя их прямыми потомками.

Итак, моя книга не является биографией создателя психоанализа, это и не теоретическое эссе об истоках его учения, скорее это приглашение моим читателям совершить прогулку. Прогулку вместе с *человеком по фамилии Фрейд*. А сопровождать нас в ней будут те, кто приходил когда-то к нему, чтобы улечься на его покрытой восточными коврами кушетке.

Правда, сквозь приоткрытую дверь кабинета доктора лишь немногим секретам удалось просочиться наружу. Зигмунд Фрейд, великий мастер по сбрасыванию покровов, все же никогда не отказывался до конца от маски стыдливости. Говорить о своей интимной жизни для него всегда было тягостно. Он скидывал покровы и вновь их накидывал, называл вещи своими именами и прятал за завесой недосказанности. Спальня родителей должна надежно хранить тайну ночи. Возможно, человеку, чтобы жить, просто необходимо что-то оставлять невысказанным, потому что слова далеко не всегда могут верно передать самое сокровенное. Мудрость заключается в том числе и в умении вовремя замолчать.

НЕОБЫЧНЫЙ ДОКТОР (1886–1895)

Так кем же были они на самом деле: юная венгерская аристократка Элизабет фон Р., тайно влюбленная в своего зятя; девица Катарина, соблазненная «дядей»-трактирщиком; потерявшая голос певица Розалия Г., – реальными людьми или литературными персонажами? А сам доктор Зигмунд Фрейд, он-то кем был – ученым или писателем-фантастом? Суровые члены Венского психиатрического общества больше склонялись к последнему, когда весной 1896 года слушали доклад необычного доктора, пытавшегося объяснить им сексуальную этиологию истерии с помощью рассказов об археологических раскопках, жемчужном ожерелье, генеалогических древах, несчастном случае на железной дороге и истоке Нила. «Это какая-то научная сказка», – был их вердикт. Они были возмущены тем, что человек, носящий почти неприличную фамилию* и доверяющий рассказам дам, страдающих заболеваниями матки, претендовал на то, чтобы его изыскания признали научными.

«Ну и пошли они все к черту!» – отреагировал про себя отвергнутый учеными мужами доктор, а позже выплеснул свою обиду на них в письме берлинскому другу Вильгельму Флиссу. С тех пор, подобно Робин-

---

* По немецки die Freude – радость, удовольствие, веселье; das Freudenmädchen – проститутка.

зону Крузо, Зигмунд Фрейд начал приспособляться к жизни на своем уединенном острове, будучи уверенным в том, что свой дух бунтарства и свою страсть он унаследовал от далеких предков-евреев, защищавших свой Иерусалимский храм. Он не сомневался в том, что у него характер конкистадора, первопроходца. В глубине души он был убежден в своей принадлежности к тому разряду людей, которые способны нарушить покой мира. При этом Фрейд жаждал славы не писателя, а ученого, ориентирующегося на здравый смысл, истину и научную традицию. Несмотря на то, что всю жизнь он преклонялся перед теми, кто подобно Гёте и Леонардо да Винчи умело сопрягал в своем творчестве искусство и науку, сам всегда подчинял свои поэтические прозрения научной взыскательности. Излагая на бумаге истории болезней своих первых пациентов, он с удивлением замечал, что детальный рассказ об их психической жизни был очень похож на те описания, которые обычно встречаются в художественных произведениях, и лишен присущей ученым трудам серьезности. Вполне возможно, что он находил в этом своеобразную прелесть. «Меня самого до сих пор очень трогает тот факт, что изложенные мной истории болезней моих пациентов читаются как романы», – писал Фрейд в «Исследованиях истерии».

К традиционному противопоставлению науки и литературы, фактов и вымысла, материальной действительности и полетов воображения Фрейд добавил еще одно звено, новую реальность – реальность *психическую*. Он открыл некий мир обмолвок и снов, упущенных возможностей и игры слов, скрытых мотивов тех или иных поступков в повседневной жизни и закулисной стороны обыденного сознания. Покоритель этого нового пространства, не исследованного до него учеными, но так часто посещаемого поэтами, выступал одновременно в роли и археолога, и законодателя, и писателя.

С самого начала психоанализ был облечен в форму рассказа с продолжением, некоего романа о самых сокровенных тайнах психики. Велся этот рассказ от первого лица единственного числа. Это было своеоб-

разное путешествие по просторам бессознательного, в которое Зигмунд Фрейд взял с собой замечательных попутчиков: Гёте, Шекспира, Данте, Вергилия, Софокла, а также Гейне, Шлимана и Моисея. Эти выдающиеся личности мировой культуры обеспечивали ему своеобразное поэтическое сопровождение, у них он находил иллюстрации для случаев из своей практики и черпал материал для новых гипотез. А самое главное, в беседах на страницах своих научных трудов с этими гениями мировой культуры Фрейд оттачивал собственный литературный стиль.

Любовь к слову и вера в его целебные свойства заставили приват-доцента Венского университета, специалиста в области невропатологии доктора Зигмунда Фрейда постепенно отказаться от использования в своей практике традиционного медицинского арсенала того времени: электротерапии, массажа, горячих ванн и усиленного питания. Что касается гипноза, то благодаря своим первым пациенткам – Эмми, Люси, Катарине и Эмме, этим жительницам Вены, Венгрии и Англии, аристократкам и служанкам, католичкам, еврейкам и протестанткам, он и его перестал применять и полностью переключился на другую методику лечения: он внимательно выслушивал и анализировал те «небылицы» и «сказки», которые рассказывали ему посетительницы. А благодаря тому, что его натуре были присущи некоторые черты «женственности», он смог отбросить высокомерную сдержанность специалиста и склониться с почтением, дружеским участием и вниманием над страдающим истерией, не сомневаясь в том, что тому «есть что сказать».

Дама, прищелкивающая при разговоре

Чудесное утро 1 мая 1889 года было словно создано для прогулок, а Фрейд обожал ходить пешком. Своим характерным, удивительно быстрым шагом он пересек Мария-Терезия-штрассе – улицу, на которой жил уже почти три года, и вышел на знаменитый кольцевой бульвар – Рингштрассе, где по приказу императора Франца Иосифа самыми талантливыми архитек-

торами того времени была выстроена вереница зданий, поражающих воображение безудержным смешением различных стилей. Ниши и колонны, галереи и кариатиды, позаимствованные из классического искусства, смешались с фасадами Возрождения, арками викторианской готики и элементами в стиле итальянского маньеризма. Роскошь этих построек абсолютно не впечатляла Фрейда. С Веной у него вообще сложились довольно натянутые отношения, и он никогда не выказывал чрезмерной преданности королевско-императорскому двору Австрии.

Еще будучи подростком, он скорее забавно, чем уважительно описывал своему другу Эмилю Флюсу, оставшемуся в их родном городе Фрайбурге*, празднование двадцатипятилетнего юбилея царствования императора: «Если через двадцать или тридцать лет вы где-нибудь прочтете, что “первого мая 1873 года стояла изумительная погода, редкая для нашего северного климата, а вошедшая в поговорку счастливая звезда Его Величества императора Франца Иосифа не оставила его и в этот торжественный день; что в открытой карете, в сопровождении самых высокородных людей своего времени его величественная фигура рыцарской наружности продвигалась вперед среди восторженных криков толпы” и т. д. в духе придворных византийских историков, – не верьте этому, а прислушайтесь к моему свидетельству: первого мая 1873 года стоял жуткий, почти сибирский холод, демократичный дождик размыл поля и дороги, наружность Его Величества была так же далека от рыцарской, как наружность нашего (я его также считаю своим) торговца метлами, а высокородные иностранцы не имели ничего выдающегося, кроме усов и наград, и, наконец, никто не устраивал бурных оваций и не выкрикивал здравиц в честь венценосных особ, не считая нескольких орущих мальчишек, забравшихся на деревья, в то время как остальная публика попряталась под зонтиками и даже не давала себе труда приподнять шляпы. Ваш искренний друг и рассказчик далек от придворной жизни, и это очень легко понять;

---

* Ныне г. Пшибор (Чехия).

каким бы ничтожным он ни чувствовал себя временами, в эту минуту он ощущал свое величие – величие мыслящего человека и честного гражданина перед лицом этой коронованной шайки, чье существование наилучшим образом иллюстрирует ошибочность теории целесообразности, поскольку все эти принцы приносят еще меньше пользы, чем трутни в пчелином улье, иными словами, они никому не нужны».

Этот пылкий молодой человек собирался стать натуралистом, но судьба распорядилась иначе, и он, отчасти против своей воли, стал невропатологом, исследователем и практикующим врачом. И если его «борьба с Веной» уже началась, то до славы и денег было еще далеко. В свои едва исполнившиеся тридцать три года доктор Фрейд чувствовал себя одиноким, «скованным по рукам и ногам» и, временами, даже покоровшимся судьбе, но, никому в том не признаваясь, он жаждал славы и надеялся оставить после себя то, что оправдает его существование на Земле и даст его имени право красоваться на фронтонах библиотек.

На Рингштрассе Фрейд подозвал фиакр – элегантную коляску, запряженную парой лошадей, как то приличествовало любому уважаемому врачу. Конечно же, экипаж с одной лошадкой больше соответствовал бы его финансовому положению, но он не мог приехать в нем к пациенту без ущерба для своего престижа. А сесть в трамвай – это было совершенно исключено!

Итак, в тот день Фрейд направлялся к одной знатной даме, аристократке из Германии, приехавшей в Вену специально для лечения у Йозефа Брейера, который в свою очередь переадресовал ее к Фрейду. Неожиданная смерть мужа повергла эту женщину в жесточайшую депрессию, сопровождавшуюся болями и другими симптомами, среди которых было странное пощелкивание языком, регулярно прерывающее ее речь. По словам некоторых врачей, увлекавшихся охотой, этот странный треск, производимый светской дамой, очень напоминал звуки, издаваемые токующими глухарями. Эту особу, которую Фрейд увековечил под именем Эмми фон Н., на самом деле звали Фанни Зюльцер-Варт, в супружестве – Мозер. Ее муж,

богатый швейцарский промышленник, с которым она прожила совсем немного, был старше ее на сорок лет. Направляясь к шикарному пансиону, где остановилась эта дама, прибывшая из своего замка на берегу Балтийского моря, доктор Фрейд уже знал, что сейчас он впервые испробует метод лечения гипнозом, разработанный его другом и коллегой доктором Йозефом Брейером. Но он даже не подозревал, что сеансы с этой дамой станут первыми шагами к тому, что впоследствии превратится в психоанализ.

Фанни Мозер ожидала молодого врача лежа на диване, ее голова опиралась на кожаную подушку. Завидев Фрейда, женщина испуганно закричала: «Не двигайтесь! Ничего не говорите! Не трогайте меня!» А Фрейд, который пока еще не изобрел «правила говорить все» – для пациента и «правила проявлять сдержанность» – для психотерапевта, начал разговаривать с ней, расспрашивать и забросал ее таким количеством вопросов, что она сердито оборвала его: «Не надо задавать мне бесконечные вопросы, отчего произошло то да отчего это, надо просто дать мне возможность рассказать все, что я могу рассказать!» «Согласен», – ответил потрясенный Фрейд. Он сразу же проникся глубоким уважением к этой женщине, обладавшей по-настоящему мужским умом и энергией, огромной культурой и любовью к истине. Его восхищали ее врожденная скромность, изысканность манер и забота о благосостоянии людей, стоящих ниже ее на социальной лестнице. Личность этой дамы настолько заинтересовала доктора, что он стал посещать ее семь дней в неделю, иногда даже дважды в день.

После окончания первого визита Фрейд поспешил домой и сразу же бросился к письменному столу, чтобы выплеснуть на бумагу свои мысли, появившиеся во время этого захватывающего сеанса. Размашистым готическим почерком, вплетая строку за строкой в узорный ковер слов, в тот момент он сформулировал начальные абзацы своего собственного романа. Конечно, психоанализ пока еще не родился, но днем его зачатия вполне можно считать 1 мая 1889 года – день, отмеченный также и другими событиями – официальным открытием Эйфелевой башни, самоубийств-

вом эрцгерцога Рудольфа и появлением расистского памфлета «Основы XIX века» Х. С. Чемберлена, пережившего в том году в Вену.

Но «нельзя все время быть только врачом», поэтому, встав из-за своего письменного стола, Фрейд поспешил в гости к Йозефу Панету, чтобы встретиться там со своими друзьями Оскаром Рие, Леопольдом Кёнигштейном и Людвигом Розенбергом и до часу ночи играть с ними в карты. Ни за что на свете он не смог бы отказаться от традиционной партии в тарок. В Австро-Венгерской империи эта карточная игра пользовалась такой популярностью, что стала почти национальным увлечением. Карты Таро, по всей видимости, были завезены в Европу с Востока и отличаются от традиционных: помимо обычной колоды в 56 карт в игре участвуют 22 специальные козырные карты, называющиеся «арканы», в том числе джокер, или шут, считающийся самой сильной картой.

Интересно, какие картинки были изображены на картах, которыми играли Фрейд и его друзья? Виды Парижа 1848 года – этакий тарок периода либеральной революции, или деревенские зарисовки из жизни народов, населявших империю Габсбургов, а может быть – сценки в турецком духе? Или это были карты «Industrie und Gluck»*?

А какие мечты посещали Фрейда во время игры в тарок? Возможно, перед его внутренним взором томо возлежала под луной парочка восточных влюбленных, или он видел столь желанную Италию – родину Колумбины и Арлекина, а может быть, просто-напросто мечтал о том, чтобы ему пришел джокер в своем клетчатом костюме и дурацком колпаке с изображением его же собственной танцующей фигурки в сильно уменьшенном виде? В этой дружеской и лихорадочно возбужденной атмосфере, где гости всегда могли насладиться хорошей сигарой и отведать венских пирожных, что-то неудержимо тянуло Фрейда к карточному столу. Что же? Культ дружбы и рожденные им традиции? Пылкое единение нескольких друзей-евреев, которые очень скоро нашли себя в новом брат-

---

* Промышленность и счастье (нем.).

стве – еврейской либеральной ассоциации «Бнаи Брит»? Поддержка четверых коллег-медиков? До тех пор пока их не разлучила смерть, все они были верны своей еженедельной партии в тарок, и столь длительное общение – единственный случай в истории дружеских связей Фрейда – было обязано, по всей видимости, тому, что эти встречи носили чисто личный характер. Из целого списка фрейдовских друзей лишь те из них, кто не имел отношения к его психоаналитическим исследованиям, прошли вместе с ним через поколения.

На следующий день Фрейд чувствовал себя таким усталым, что решил отложить ответ на письмо доктора Йозефа Брейера, который собирался написать, но дал себе слово обязательно навестить своего друга и коллегу в один из ближайших вечеров. Йозеф и Матильда Брейеры жили в одном доме со старым учителем Фрейда Самуэлем Хаммершлагом в самом центре Вены, за собором Святого Этьена, по адресу: Брандштетте, дом 8.

Многие годы Фрейд проходил мимо витрины торговца шкатулками и несгораемыми шкафами, чтобы подняться к дорогим для него людям, ставшим ему опорой в жизни. Он не знал никого лучше, человечнее и щедрее них. Эти сердечные и все понимающие друзья всегда относились к нему как к сыну и не скупились для него на доброе отношение, советы и деньги. Поговорить с ними было все равно что «посидеть под солнцем». Еще в гимназии учивший юного Фрейда Священному Писанию и древнееврейскому языку Самуэль Хаммершлаг привил ему любовь к классической культуре и пробудил интерес к еврейской истории, преподавая ее «без национализма и догматизма». Когда учитель умер, Фрейд почтил его память такими словами: «В нем горела искра того же огня, что озарял умы великих еврейских провидцев и пророков». А что касается Йозефа Брейера, то, будучи старше Фрейда на четырнадцать лет и имея уже репутацию солидного врача, он направлял к нему пациентов и всячески поддерживал его – во всяком случае, в тот конкретный период – в его научных изысканиях. Они встретились примерно в 1880 году в Институте физиоло-

гии Венского университета. Спустя некоторое время после их знакомства Брейер приступил к лечению Анны О., она же – Берта Паппенгейм, чье имя навсегда осталось связанным с зарождением психоанализа. Именно она придумала образное выражение для катартического метода лечения под гипнозом, назвав его «talking cure» (лечение разговором), или в шутку – «прочисткой печных труб». Когда в конце лечения у нее вдруг появились признаки ложной беременности и она закричала: «Сейчас на свет появится ребенок доктора Брейера!», тот настолько перепугался, что сбежал от своей пациентки и немедленно отправился с женой в Венецию в повторное свадебное путешествие! Спустя несколько месяцев родилась их дочь Дора... Через пятьдесят лет после этих событий, познав на себе самую дьявольскую силу бессознательного и столкнувшись с неожиданными проявлениями трансфера*, Фрейд вот как прокомментировал это бегство: «В тот момент Брейер держал в руках заветный ключ, которым мы могли бы отпереть врата в “обитель Матерей”, но выронил его. Он был человеком большого ума, но при этом в нем не было ничего фаустовского».

Сам же доктор Фрейд-Фауст, напротив, всегда бросался навстречу любым чертям из преисподней. «Тот, кто, подобно мне, будит, чтобы побороть, самых страшных демонов, притаившихся в глубине человеческой души, должен быть готов к тому, что в этой борьбе ему самому тоже не будет пощады», – размышлял он, ясно представляя себе опасность и не собираясь отказываться от своих опытов. Но давайте вернемся к истории лечения Эмми фон Н.

Итак, день за днем в течение семи недель доктор Фрейд приезжал с визитами к этой пациентке. Теперь она рассказывала ему о своих жутких снах с участием животных: ножки стульев и спинки кресел превращались в этих снах в змей; чудовище с головой грифа клевало тело бедной женщины; отовсюду на нее прыгали жабы и мыши и сыпались насекомые. «Так, – размышлял Фрейд, – это как раз вся та живность, что, по

---

* Перенос пациентом на психоаналитика чувств, испытываемых им к другим лицам.

словам Мефистофеля, находится в его власти...» Но как он ни старался, и под гипнозом, и в состоянии бодрствования пациентки, притупить страхи и смягчить упреки, которые сама себе придумывала Эмми фон Н., у него ничего не получалось. С тем же успехом он мог бы воздействовать на средневекового монаха-аскета, во всем видящего перст Господень или дьявольское искушение.

«Какое же нужно терпение», – подумал доктор, решив сделать передышку. Он быстро шел по улочкам Старого города, продолжая искать в уме решение мучившей его проблемы. «Все происходит так, будто разбираешься в архивах, содержащихся в идеальном порядке... Но процесс анализа затрудняется тем, что хронология воскрешения в памяти различных событий оказывается нарушенной... По мере проникновения во все более глубокие слои сознания все труднее ориентироваться в воспоминаниях, и продвижение вперед происходит зигзагом, подобно ходу коня на шахматной доске!» Развеселившись от такого сравнения, Фрейд представил себе «узкую щель сознания» и подумал о том, что прорыв через нее болезненных воспоминаний вполне можно нарисовать в виде верблюда, пытающегося пролезть в игольное ушко! И, продолжая свой путь все тем же быстрым шагом, он, возможно, вспомнил слова взволнованного Фауста:

И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился
И тайну бытия открыл.
Чтоб я, невежда, без конца
Не корчил больше мудреца,
А понял бы, уединясь,
Вселенной внутреннюю связь,
Постиг все сущее в основе
И не вдавался в суесловие*.

Направляясь к своему дому, Фрейд должен был пройти мимо Вотивкирхе – Обетовой церкви, построенной в неоготическом стиле в благодарность Господу за то, что он уберег императора Франца

---

* Перевод Б. Пастернака.

Иосифа во время покушения на него в 1853 году. Интересно, звонили ли колокола этой церкви в тот момент, когда доктор проходил мимо, думая об одной своей пожилой пациентке, у которой он вызывал такой суеверный страх, что, встречая его, она всегда сжимала в кулаке крошечное распятие из слоновой кости? «Словно при встрече с сатаной», – думал про себя Фрейд, возможно не без удовольствия.

Со своей элегантно подстриженной бородкой, густыми черными волосами, аккуратно зачесанными на пробор, в хорошо сшитом строгом костюме, доктор Зигмунд Фрейд больше походил на молодого буржуа, чем на гостя из преисподней. Вот только глаза его... они как будто полыхали каким-то странным огнем. И этот пронзительный и пугающий своим невыносимым блеском взгляд нарушал целостность благопристойного облика молодого доктора. Еще не так давно, в период своей затянувшейся помолвки, Фрейд живо интересовался тем, как он выглядит, и даже писал Марте: «Неужели правда, что внешне я выгляжу симпатичным? Видишь ли, я лично в этом сильно сомневаюсь... Я очень страдаю от того, что природа не додала мне чего-то такого, я даже точно не знаю – чего именно, что обычно нравится людям». Но с тех пор как он стал наконец жить вместе со своей возлюбленной Мартхен, «нежной маленькой принцессой», его «Корделией», он несколько успокоился на сей предмет. И теперь, когда он наблюдал за своей полуторагодовой дочуркой, он не мог отказать себе в удовольствии считать ее красавицей, не сомневаясь при этом, что похожа она именно на него... «Крошечное, но самое настоящее человеческое существо с ярко выраженным женским началом», – писал он жене об их малышке, которую, естественно, назвал Матильдой – в честь красивой и доброй супруги Брейера.

Еще задолго до того, как стать крестной матерью первенца Фрейда, Матильда Брейер с удовольствием брала на себя заботу о молодом докторе и, словно добрая фея, помогла ему оборудовать его первый медицинский кабинет. Это произошло в апреле 1886 года, когда Фрейд переехал на другую улицу – Ратхаусштрассе, в дом за ратушей, недавно построенной с вы-

чурной роскошью в неоготическом стиле между псевдоклассическим зданием парламента и зданием университета в стиле ренессанс. Матильда пожелала лично прикрепить дощечки, на которых золотыми буквами было написано имя молодого врача Зигмунда Фрейда и часы его приема: одна дощечка, темного стекла, была повешена на воротах, вторая, керамическая, – на входной двери. Спустя десять дней, в пасхальное воскресенье 25 апреля 1886 года, в популярной либеральной газете «Нойе Фрейе Пресс» появилось следующее объявление:

Доктор Зигмунд Фрейд, приват-доцент Венского университета по невропатологии, вернулся после шестимесячного пребывания в Париже и ныне проживает по адресу: Ратхаусштрассе, 7.

Своих гипотетических больных Фрейд в шутку называл «неграми» по аналогии с карикатурой, увиденной им в юмористическом журнале «Флигенде Блеттер»: изображенный на ней голодный лев с широко разинутой пастью жаловался: «Уж полдень, и ни одного негра!» В день своего тридцатилетия, 6 мая, Фрейд сделал такую запись: «Сегодня на прием ко мне пришли только два старых больных Брейера, и больше не было никого. Я взял себе за правило принимать по пять человек в день: двоих на электролечение, одного обязательно бесплатно, еще один сам пытается не заплатить, ну а последний бывает чьим-нибудь сватом».

На свой первый скромный гонорар Фрейд купил друзьям вина, а Марте перо на шляпу! Постепенно его приемная стала наполняться пациентами, но платили по-прежнему лишь немногие. Особо интересные случаи Фрейд лечил бесплатно по собственной инициативе. Среди его первых пациентов были двое полицейских, португальский посол и несколько жен знакомых преподавателей и врачей. Успех не спешил к молодому доктору. Иногда в приемные часы ему совершенно нечего было делать, кроме как заниматься собственной корреспонденцией. В одном из писем к свояченице Минне Бернейс он с юмором описывал свою малочисленную клиентуру: «Думаю, а не пове-

силь ли мне в приемной свою фотографию с надписью “Наконец один”. Боюсь только, что, к сожалению, там некому будет ею любоваться!»

Гувернантка, директор и сгоревший пудинг

«Истерия никогда не мешала женщинам добиваться прекрасных успехов в области литературы или истории; склонность к истерии не означает, что страдающий этой болезнью человек не может обладать яркими и самобытными способностями», – смело заявлял молодой венский невропатолог, и это его утверждение шло вразрез с представлениями о наследственных пороках и признаках вырождения, принятыми во французской психиатрической школе. «Назвать моих пациенток дегенератками – значит до неузнаваемости исказить смысл этого слова!» – возмущался доктор.

Все его пациентки были в высшей степени благопристойными и преданными своим семействам дамами, и Фрейд отдавал должное их многочисленным добродетелям, но особенно его восхищала в них способность употреблять в разговоре слова в их изначальном, буквальном смысле. Так, когда они говорили: «Это ранило меня в самое сердце», они действительно чувствовали боль в области сердца, а когда им наносили оскорбление, на которое они не могли ответить, которое им приходилось «проглотить», у них сразу же перехватывало горло. Это преобразование душевной боли в боль физическую шло от избытка их искренности... искренности, в которой они сами не отдавали себе отчета, потому что потом чистосердечно жаловались на парализованные ноги, тошноту и затрудненное дыхание. Они позабыли, эти прекрасные дамы, с легкостью произносившие подобные слова, каким образом физическая боль переводится на язык слов. «Они страдают от воспоминаний!» – поставил диагноз доктор Фрейд, когда, подобно Шампольону, открывшему тайну древнеегипетских иероглифов, начал сопоставлять слова двух языков – языка здоровых людей и языка страдающих истерией – и обнару-

жил, что тошнота означает отвращение, а паралич – потрясение.

«На самом деле они все прекрасно знают, но не отдают себе в этом отчета. Мне просто нужно заставить их это осознать...» – размышлял Фрейд, направляясь в свой кабинет для приема больных. Сегодня к нему опять должна была прийти мисс Люси Р. – англичанка, работающая гувернанткой в семье директора одного завода. Вот уже вторую неделю девушке приходилось проделывать неблизкий путь из пригорода Вены до дома доктора, а Берггассе – улица, на которой Фрейд обосновался несколько месяцев назад, была одной из самых крутых в городе, поэтому каждый раз Люси появлялась запыхавшаяся и побледневшая. Она страдала от черной меланхолии и переутомления, но больше всего мучений ей доставлял преследовавший ее повсюду запах сгоревшего пудинга. Фрейд попытался под гипнозом выяснить у девушки причину возникновения этого расстройства, но не добился никакого результата, поэтому решил применить новый метод. Уложив пациентку на кушетку, он положил ей руку на лоб и объявил:

– Сейчас при надавливании моей руки вы начнете вспоминать. В тот момент, когда надавливание прекратится, у вас перед глазами возникнет какая-нибудь картинка или в голове появится какая-нибудь мысль, их обязательно нужно будет ухватить, это именно то, что мы ищем. Итак, что вы увидели? Вы помните, при каких обстоятельствах вы в первый раз почувствовали этот преследующий вас запах сгоревшей еды?

– Да, конечно, – ответила мисс Люси, – я прекрасно помню, как все произошло. Это случилось примерно два месяца назад, за два дня до моего дня рождения. Я была с девочками в классной комнате и учила их стряпать. Прямо во время урока мне передали письмо, его только что принес почтальон. По марке и почерку на конверте я сразу же поняла, что это письмо от моей матери, она живет в Глазго. Я хотела вскрыть его и прочитать, но дети бросились ко мне и вырвали его у меня из рук, при этом они кричали: «Нет, ты не будешь сейчас читать это письмо. Это наверняка поздравле-

ние к твоему дню рождения. Давай мы пока спрячем его!» Дети прыгали и возились вокруг меня, когда вдруг по комнате начал распространяться резкий запах. Это горел забытый нами пудинг. Теперь этот запах всюду меня преследует, я чувствую его все время, причем когда нервничаю, чувствую его особенно сильно.

– Вы отчетливо видите эту сцену? – задал вопрос Фрейд.

– Я как будто вновь переживаю все, что было тогда, – был уверенный ответ.

– Что же могло так потрясти вас в тот момент?

– Я была очень тронута, что дети проявили такую любовь ко мне.

– Они не всегда к вам так относились? – задал очередной вопрос доктор.

– Не всегда. Но именно в тот момент, когда я получила письмо от матери, они продемонстрировали мне свою любовь.

– Мне непонятно, – пошел дальше в своих расспросах Фрейд, – почему проявление детской любви и письмо от вашей матери смогли войти в противоречие друг с другом, на что, как мне кажется, вы сейчас намекаете.

– Дело в том, что я как раз собиралась уехать к матери, и мне было жаль расставаться с этими детьми, я к ним очень привязалась, – ответила Люси.

– Расскажите мне о вашей матери, – попросил Фрейд, – она что, чувствовала себя одинокой и хотела, чтобы вы вернулись к ней? Или в тот момент она была больна, и вы ждали от нее известий?

– Вовсе нет. У нее довольно слабое здоровье, но опасений ее состояние не внушает, кроме того, рядом с ней всегда находится компаньонка.

– Тогда почему же вы решили уехать от детей? – удивленно спросил Фрейд, с интересом ожидая ответа девушки.

После минутного молчания мисс Люси заговорила:

– Обстановка в доме стала для меня просто невыносимой. Экономка, кухарка и гувернантка-француженка решили, что я возомнила себя хозяйкой, и начали интриговать против меня, они нарасказали вся-

ких глупостей обо мне дедушке девочек. А когда я пожаловалась на этих интриганок хозяевам, то не нашла у них той поддержки, на какую рассчитывала. Тогда я попросила расчет у господина директора, отца девочек. Он очень тепло со мной побеседовал и посоветовал подумать еще две недели перед тем, как принять окончательное решение. История с письмом произошла именно в тот трудный для меня период, когда я не знала, как поступить: я думала об отъезде, но пока еще оставалась в доме своих хозяев.

– А было ли что-нибудь еще кроме любви детей, что привязывало вас к этому дому? – задал очередной вопрос доктор, которого совершенно не удовлетворил предыдущий ответ.

– Да. У постели умирающей матери девочек, которая была дальней родственницей моей матери, я поклялась ей не бросать детей, отдавать им всю душу и постараться заменить им мать. Потребовав расчет, я нарушила свою клятву, – проговорила Люси, машинально разглаживая складки своего строгого платья.

Набравшись храбрости, Фрейд решился открыть девушке правду:

– Не думаю, что причина ваших страданий заключается только в любви к детям. Я подозреваю, что, возможно, сами не отдавая себе в том отчета, вы влюблены в своего хозяина, господина директора. По всей видимости, вы лелеяли надежду действительно занять место матери его детей. Вдобавок вы стали очень ревниво относиться к другим слугам, с которыми раньше у вас были хорошие отношения. Вы боялись, что они догадаются о ваших желаниях и поднимут вас на смех.

– Думаю, вы правы, – как всегда лаконично ответила Люси.

– Но если вы знали, что любите своего хозяина, почему же сразу не сказали мне об этом? – удивленно спросил Фрейд, не удержавшись от вздоха.

– Я не знала этого, вернее, не хотела знать, я старалась гнать от себя эту мысль, старалась не думать об этом. И мне кажется, что в последнее время мне удалось справиться с собой, – убежденно проговорила молодая особа.

Фрейд бросил взгляд на часы, которые незаметно вынул из кармана, поблагодарил девушку за искренность, с какой она отвечала на его вопросы, и попросил ее вновь прийти на прием на следующей неделе. Провожая пациентку до комнаты ожидания, где уже сидели другие больные, Фрейд с раздражением думал о том, что ему пришлось прервать этот сеанс психоанализа, так и не добравшись до причин болезненного симптома и не устранив его. Из-за того, что сегодня доктору не хватило времени для продолжения беседы с мисс Люси, в следующий раз им придется потратить немало сил, чтобы восстановить прерванную цепь воспоминаний...

Эта юная гувернантка, влюбленная в своего работодателя; госпожа Эмми фон Н., не знавшая после смерти мужа другого мужчины и томьящаяся в своем замке; еще одна молоденькая девушка, мечтающая выйти замуж за своего овдовевшего зятя... это же готовые персонажи для какого-нибудь романа! Так размышлял Фрейд, приглашая в свой кабинет очередного пациента.

Следующим утром, приняв, как всегда, холодный душ, он взял в руки свежий номер газеты «Нойе Фрейе Пресс», на ее первой странице обычно печатались с продолжением литературные новинки: Артур Шницлер, Гуго фон Гофмансталь, Теодор Герцль, а позднее Стефан Цвейг регулярно держали в напряжении венскую публику, с нетерпением ждавшую очередных глав их произведений. Не во время ли чтения этих отрывков Фрейда посетила мысль о том, что это очень похоже на его собственную работу? «Все эти неизбежные перерывы в лечении, переносы сеансов... разве мое недовольство по этому поводу не сродни тому чувству, которое испытывает читатель газеты, дождавшийся наконец очередной главы, но после решающей реплики героини или прогремевшего выстрела наталкивающийся на слова: “Продолжение в следующем номере”?»

У Фрейда были все основания ощущать духовную близость с этим поколением писателей, обеспокоенных лживостью и замаскированной пустотой слов и не удовлетворенных традиционной эстетикой и

уровнем взаимоотношений своего Я с окружающей действительностью. «Не слова находятся во власти человека, а человек во власти слов», – писал Гофмансталь. Кроме того, автор «Письма лорду Чендосу» и «Андреаса» вот как выразил навеванную ему Шекспиром мысль о возможном существовании мира бессознательного: «Мы не имеем собственного Я, оно приходит к нам извне, принесенное ветром».

...Белый пушистый снег укутал Вену. Не из-за этого ли установилась такая тишина? Зимним утром 1892 года Фрейд сидел в своей квартире у одной из многочисленных изразцовых печурок и предавался размышлениям. В последнее время он очень сблизился со своим берлинским другом Вильгельмом Флиссом. Сможет ли тот приехать к нему на Рождество с новой женой – Идой Бонди, бывшей пациенткой Брейера? А Брейер... почему он начал отдаляться от него? Фрейда удивила реакция Йозефа на его последнюю книгу «К концепции афазии», которую он посвятил ему в знак дружбы и уважения. При встрече Брейер едва поблагодарил его за это, выглядел крайне смущенно и, что вовсе было непонятно Фрейду, отозвался о книге резко отрицательно. Он не нашел в ней ни одного заслуживавшего похвалы тезиса, а в конце разговора, чтобы подсластить пилюлю, похвалил автора за стиль. Фрейд с горечью вновь представил себе эту сцену. «Ничто не может заменить мне общения с другом, эта потребность подпитывается во мне чем-то совершенно необъяснимым, возможно, присутствующим в моей душе женским началом», – размышлял он в письме к Флиссу, радуясь, что нашел в лице этого немецкого отоларинголога нового собеседника. В 1897 году по настоянию Фрейда Флисс опубликовал в Вене свою работу «Взаимосвязь между носом и женскими половыми органами, установленная на основе их биологических функций».

Посылая Флиссу некоторые из своих статей, Фрейд советовал другу не показывать их молодой жене, а одну из статей даже написал на латыни, чего никогда раньше не делал. Неужто таким образом он решил замаскировать затронутую им тему сексуальности? И это он, кто почти на сто лет опередил свое время

и принятые тогда воззрения, утверждая, что «единственно правильным было бы узаконить свободные отношения между юношами и девушками из хороших семей, но для этого необходимо располагать безопасными противозачаточными средствами».

«Этиология неврозозов всюду преследует меня, словно песенка о Мальбруке – английского путешественника», – писал Фрейд своему другу Флиссу. Он удивлялся, почему попытка установить связь между нервными и сексуальными расстройствами вызвала такое неприятие у его коллег и даже у Йозефа Брейера, но, покопавшись в самом себе, как он требовал того от своих больных, Фрейд вынужден был признать, что «едва переступив порог школы Шарко, я точно так же краснел при мысли о возможной связи истерии с сексуальностью, как это обычно делают мои пациентки».

Стоит лишь вспомнить возмущенные крики протеста одной из его молоденьких пациенток – фрейлейн Элизабет фон Р. – в ответ на его утверждение, подкрепленное целой чередой фактов, что она уже давно влюблена в своего зятя. «Неправда! Это невозможно! Это было бы непростительно!» – испуганно закричала девушка и сразу же принялась жаловаться на сильнейшие боли в ногах – именно из-за них она и была вынуждена обратиться к этому странному доктору, который позволил себе бросить ей в лицо такую страшную правду. «Бедное дитя!» – пожалел девушку Фрейд и попытался найти слова утешения. Он стал говорить ей, что люди не могут быть в ответе за свои чувства и что ее поведение и болезнь как раз и являются доказательствами ее высоких моральных качеств. С самого начала лечения Фрейд подозревал, что девушке хорошо известна причина ее болезни, что дело не в каком-то инородном теле, терзающем ее плоть, а в мучающей ее душу тайне. Под лукавым и немного язвительным взглядом Элизабет Фрейд на секунду представил себя в роли ее отца, вынужденного упрекнуть свою любимую дочь в «дерзком поведении». Имея дело с молоденькими девушками, доктор всегда старался отождествлять свою роль с ролью родителя. Молчание и, пусть доброжелательный, нейт-

ралитет не входили в арсенал его лечебных средств, скорее наоборот. Он не жалел для своих пациенток ни времени, ни душевных сил. Несмотря на то, что общение с Элизабет поначалу разочаровало его, Фрейд не мог отказать ей в дружеской симпатии. Доктор всячески демонстрировал свой интерес к проблемам больной, давал ей почувствовать, что хорошо понимает ее состояние, старался внушить надежду на выздоровление и не сомневался, что в ответ на его старания пациентка откроет ему свой секрет. Он вслушивался в слова девушки с таким же волнением и вниманием, с каким археолог раскапывает исчезнувший с лица земли древний город.

Заставив пациентку рассказать ему обо всем, что ее мучило, он начал подталкивать ее к более глубоким пластам воспоминаний, требуя от нее ничего не упускать, говорить обо всем, что всплывает перед ее внутренним взором. «Часто все происходило так, будто она читала книжку с картинками, которую кто-то перелистывал у нее перед глазами», — вспоминал Фрейд. Иногда же пациентка словно наталкивалась на препятствие, которое никак не могла преодолеть, но доктор не отчаивался, он был уверен в своем новом методе лечения и проявлял настойчивость. Ни один след, ни один знак, как бы малы и незначительны они ни казались, не должны были ускользнуть от его внимания, любое подозрение он немедленно начинал проверять, пытаясь спровоцировать признания, могущие пролить свет на причину болезни. Он хотел установить истину. Без колебаний он поощрял Элизабет фон Р., чье детство прошло в родовом поместье в Венгрии, чаще выходить в свет, где она могла встретить друзей ранней юности, или же отправлял ее на могилу сестры: доктор старался использовать любые ситуации, способные вывести на поверхность сознания давно забытое. И когда наконец Фрейду удалось помочь пациентке сбросить груз накопленных эмоций, он с еще большим усердием и дружеским участием принялся искать возможности облегчить ее теперешнее состояние. После разговора с матерью Элизабет он убедился в том, что желаемый девушкой финал этой истории, в котором она связа-

да бы свою судьбу с зятем, невозможен, и попытался убедить ее спокойно отнестись к превратностям судьбы...

В самом начале 1893 года, спустя несколько недель после Рождества, мисс Люси Р., гувернантка из Англии, вновь появилась в кабинете у Фрейда. Преследовавший ее ранее запах сгоревшего пудинга исчез, но мучения девушки не закончились, теперь она страдала от навязчивого запаха сигарного дыма. Лечение не принесло желаемого результата и не удовлетворило самого доктора. После беседы с пациенткой он констатировал: «Произошло то, что обычно происходит, если пытаются лечить только отдельные симптомы: в данном случае один симптом я заменил другим».

Итак, нужно было во что бы то ни стало избавить Люси от одуряющего сигарного дыма, и Фрейд не жалел на это труда, но ему даже в голову не пришло использовать собственный опыт заядлого курильщика. Невропатолог пока еще не стал отцом психоанализа; он еще не приступил к самоанализу, исследованию своего прошлого, своих корней, своих сновидений и различных проявлений бессознательного, а также не решил для себя вопрос о трансфере. В противном случае он бы непременно вспомнил, что сам с двадцатичетырехлетнего возраста пристрастился к курению, переняв эту привычку у отца, причем считал, что сигара, ни больше ни меньше, стимулирует его работоспособность и умение владеть собой! Порой Фрейд выкуривал до двадцати сигар в день, зажигал очередную, едва загасив предыдущую. Без сигареты или сигары во рту он не мог представить себе нормального повседневного существования. Во время ежедневных прогулок по центру Вены он непременно заходил в табачную лавку «Табак-трафик», чтобы пополнить запас курева. Обычно он покупал «Трабуккос» – маленькие, довольно легкие сигары, считавшиеся в его время лучшими из всего, что производила австрийская табачная промышленность. Ароматный дым этих сигар окутывал не одно поколение пациентов, приходивших в кабинет доктора, чтобы улечься на его кушетке. Когда в 1900 году Фрейд проводил психоаналитические сеансы с юной

Дорой, он впервые открыл для себя ту связь, которая существовала между отношением его пациентки к дыму сигары и ее отношением к его собственной персоне. «Это чувство было не чем иным, как желанием поцелуя, причем известно, что поцелуй курильщика имеет привкус дыма... собрав воедино все признаки того, что я стал объектом трансфера, и приняв во внимание, что я также курильщик, я вполне могу допустить, что во время одного из наших сеансов у Доры возникло желание, чтобы я ее поцеловал».

Но в эти последние годы уходящего девятнадцатого века перенос чувств пациента на личность врача воспринимался Фрейдом исключительно как побочный эффект в работе, как вызывающее недовольство препятствие, как «мезальянс», с которым приходилось мириться. Пока еще он не признал в трансфере движущей силы лечебного процесса.

Итак, считая, что преследующий мисс Люси запах является следствием травмировавшего ее в прошлом события, Фрейд попытался заставить девушку восстановить в памяти это событие. И вот под действием руки доктора, надавливавшего на лоб пациентки, начала проявляться некая картина, вначале довольно туманная и отрывочная.

– Вглядитесь в нее внимательно, – потребовал Фрейд, – она должна стать более полной и четкой.

– Да, я вижу гостя – главного бухгалтера завода, которым руководит мой хозяин. Этот пожилой господин любит детей директора словно родных племянников. Но в его приходе нет ничего необычного, он часто обедает в доме, – ответила доктору Люси, воскресившая в памяти сцену семейного обеда.

– Продолжайте вспоминать, – настаивал Фрейд, уверенный в своем методе лечения, – что-то непременно должно произойти.

– Ничего не происходит, мы встаем из-за стола, дети, как всегда, должны попрощаться с гостем, после этого мы обычно поднимаемся на второй этаж.

– А потом? – спросил Фрейд в надежде найти хоть какую-нибудь зацепку.

– Вы правы, кое-что все-таки произошло. Теперь я хорошо вижу это. В тот момент, когда дети стали про-

щаться, бухгалтер захотел их поцеловать, но хозяин вдруг вскочил и закричал на него: «Не смейте целовать детей!» Его поведение потрясло меня до глубины души, а поскольку мужчины в этот момент уже курили, то запах дыма сигар врезался мне в память, – припомнила Люси.

– Почему подобная реакция отца детей так потрясла вас, ведь его замечание относилось не к вам? – задал вопрос Фрейд, хотя у него самого уже сформировалось определенное мнение на сей счет.

– Мне показалось, что не очень вежливо так одергивать пожилого человека, друга семьи и плюс ко всему гостя. Можно было сказать то же самое по-другому.

– Так, значит, вас оскорбил грубый тон вашего хозяина? А может быть, вам стало неловко за него? Или, увидев, как из-за пустяка он столь резко обошелся со старым другом, вы представили себе, что точно так же он мог бы обойтись и с вами, будь вы его женой? – сделал предположение доктор.

– Нет, дело совсем не в этом, – отвергла предположение доктора Люси, скрестив руки на груди.

– Но вас поразила его грубость? – продолжал настаивать Фрейд, он не собирался сдаваться.

– Да, его грубость из-за того, что кто-то пытался поцеловать его детей, ему никогда это не нравилось.

Фрейд опять положил руку на лоб девушки и стал побуждать ее вспомнить еще что-нибудь. И тогда Люси рассказала ему о разочаровании, которое постигло ее, когда хозяин грубо выговорил ей за то, что она позволила какой-то женщине поцеловать детей в губы. После этого случая, а он произошел гораздо раньше неприятной истории с бухгалтером, Люси поняла, что у нее нет никакой надежды на то, что господин директор может полюбить ее.

Спустя два дня молоденькая гувернантка вновь появилась в кабинете доктора, но это была совершенно другая девушка – с улыбкой на лице и с высоко поднятой головой. Фрейд было решил, что роль Люси в доме хозяев изменилась и из гувернантки она превратилась в невесту господина директора...

– Нет, нет, ничего не произошло, – поспешила разуверить доктора девушка, по глазам прочитав его

мысли, – вы просто совсем меня не знаете. Вы всегда видели меня больной и угнетенной, тогда как по натуре я очень веселый человек. Проснувшись вчера утром, я вдруг поняла, что тяжесть, мучившая меня, куда-то исчезла, и теперь я прекрасно себя чувствую.

– А что вы думаете о своем будущем? – спросил Фрейд.

– Я отдаю себе отчет в том, что мне не на что надеяться, но не собираюсь убиваться по этому поводу, – ответила девушка, по-прежнему улыбаясь.

– Но вы все еще любите вашего хозяина? – был следующий вопрос.

– Конечно, я его люблю, но теперь не испытываю от этого никакой боли. Каждый волен думать и чувствовать так, как считает нужным, – проговорила Люси нежным голосом, поправляя выбившуюся из прически прядь золотисто-каштановых волос.

Обследовав в последний раз ее нос, Фрейд с радостью отметил, что обоняние пациентки и связанные с ним рефлексy практически не имеют отклонений от нормы. Результаты проведенного в течение девяти недель лечения доктор счел весьма удовлетворительными и расстался с очаровательной англичанкой, укрепившись во мнении, что избрал правильный путь.

Несколькими часами позже, закончив прием и визиты к больным и отужинав в семейном кругу, Фрейд вернулся в рабочий кабинет, чтобы записать свои мысли, которые позже войдут в его труд «Исследования истерии»: «Часто на мое предложение использовать для лечения катартический метод я слышал от больных такие слова: “Вы же сами говорите, что моя боль находится в зависимости от обстоятельств моей жизни, от моей судьбы. Как же вы сможете мне помочь?” Мой ответ был таков: “Вне всякого сомнения, и судьбе, и мне самому было бы гораздо проще избавить вас от болей как таковых, но в случае удачного исхода моего лечения вы сами сможете убедиться в том, что для вас гораздо полезнее преобразовать ваши проблемы психического порядка – ваши истерические симптомы – в банальное несчастье. И тогда, обретя здоровую психику, вы с гораздо большим успехом сможете бороться с этим последним”».

*Вареная говядина, девственница
и Восточные Альпы*

Ровно в час пополудни в столовой на Берггассе одновременно открывались обе двери: из одной – со стороны двора – появлялась горничная, она несла супницу с дымящимся супом, во вторую – со стороны сада – входил Фрейд и занимал свое место во главе длинного семейного стола, за которым уже сидели Марта с детьми. Обед в этой семье всегда состоял из одних и тех же блюд: супа, мяса с овощами и десерта. Фрейд был крайне консервативен в еде. По распоряжению хозяев кухарке приходилось каждый день подавать на обед вареную говядину, и она страшно гордилась своим умением разнообразить это блюдо с помощью по меньшей мере семи соусов. Как вспоминал потом Мартин, старший из сыновей Фрейда, соусы ее были «один восхитительнее другого».

Этот ритуал семейного обеда, установленный Фрейдом, вызывает в памяти и другие примеры его приверженности раз навсегда заведенному порядку. Интересно, откуда эта приверженность проистекает? Из особенностей характера Фрейда, из стремления соблюдать этикет, принятый в хороших домах, или это рудимент отправления религиозных культов?

С тем же постоянством, с каким он ел на обед вареную говядину, Фрейд любил дважды в день прогуляться по Рингштрассе: быстрым шагом берсальера – итальянского солдата-пехотинца – совершал он круг по центру города, чтобы затем вновь вернуться на Берггассе и, миновав вереницу громоздких зданий восемнадцатого века, войти в свой дом № 19. В этом доме, построенном в 70-х годах девятнадцатого столетия, семейство Фрейдов занимало второй этаж. Кроме того, для своих нужд доктор использовал трехкомнатную квартиру на первом этаже, состоявшую из салона, где больные проводили время в ожидании приема, приемной и рабочего кабинета. В этой квартире он проработал с 1892 по 1908 год, а потом перебрался на второй – «семейный» – этаж в квартиру своей сестры Розы, которая уехала оттуда после смерти мужа. Слева от входной двери в подъезде находилась каморка

привратницы, которая открывала двери жильцам, не имевшим, согласно бытовавшей у венцев привычке, собственных ключей. Вспоминал ли Фрейд весной 1893 года то время, когда, будучи беззаботным ребенком и живя с родителями во Фрайбурге, он ютился вместе со всей семьей в доме, принадлежавшем владельцу слесарной мастерской? Один из сыновей этого столяра, Иоганн Зайиц, вспоминал на старости лет о «бравом» мальчишке, «хорошо развитом, веселом и проворном», который часами пропадал в столярной мастерской и удивлял всех «ловкостью и фантазией, с какой изобретал игрушки из обрезков металла».

Но пока для Зигмунда Фрейда не пришло время «копаться в шкафу с провизией» и «проникнуть в тайну метаморфоз Пэка»*, о чем он писал Вильгельму Флиссу в 1897 году. Пока он был поглощен идеей, что некоторые из его пациентов в детстве подверглись сексуальным домогательствам и перенесли на этой почве травму. В письме от 30 мая 1893 года к тому же Флиссу Фрейд делился с ним своими мыслями на этот счет: «Мне кажется, я понял природу невротических страхов некоторых молодых людей, которые считаются девственниками и вроде бы не подвергались сексуальному насилию». 20 августа он послал другу еще одно сообщение: «Недавно я консультировал дочь хозяина трактира, стоящего на дороге к Раксу**. Очень любопытный случай!»

Случай же был такой. Чтобы немного отдохнуть от медицины и особенно от неврозов, Фрейд отправился в Восточные Альпы – в горы Тауэрн и обнаружил, что «и там, на высоте более двух тысяч метров, вполне могут процветать неврозы». Наслаждаясь прекрасным видом, открывавшимся с горы, вдали от Вены и своих повседневных забот, он не сразу отреагировал на вопрос, который задала ему молоденькая трактирщица: «Господин и вправду доктор?» В традиционных нидерландских – широких панталонах, застегивающихся

---

* Персонаж английского фольклора, лесной дух, действующее лицо некоторых произведений Шекспира, в частности комедии «Сон в летнюю ночь».

** Одна из горных вершин в Австрийских Альпах.

под коленом, в подстать им серо-зеленой бархатной шляпе, подпоясанный широким темно-зеленым шелковым поясом, Фрейд стоял, опираясь на толстую палку, и в таком виде больше походил на жителя окрестных гор, нежели на городского врача. Ему понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить слова, с которыми он обычно обращался к больным.

– Так что вас беспокоит? – спросил он наконец, а девушка, вошедшая в историю психоанализа под именем Катарина, ответила:

– Мне бывает трудно дышать, а иногда даже кажется, что я могу задохнуться.

– Присядьте сюда, – Фрейд указал девушке на деревянную скамью, он решил провести эксперимент без гипноза и надавливания рукой, – и расскажите, что происходит в тот момент, когда у вас возникают трудности с дыханием.

– Это находит на меня совершенно неожиданно. Вначале я чувствую, как что-то давит мне на глаза, потом мутится в голове и появляется шум в ушах, который невозможно терпеть, после этого голова начинает кружиться так, что я почти падаю, и в этот момент я ощущаю тяжесть в груди, она не дает мне дышать.

– И одновременно вы чего-то боитесь, не так ли? – осведомился Фрейд.

– Да, мне все время кажется, что кто-то стоит у меня за спиной и собирается броситься на меня, – подтвердила Катарина севшим голосом.

– Вы что-то видите перед собой в момент приступа? – задал очередной вопрос Фрейд, пытаясь нащупать след.

– Да, каждый раз я вижу жуткое лицо, с угрозой глядящее на меня, – призналась девушка.

– А когда подобный приступ случился впервые?

– Два года назад... – не совсем уверенно проговорила Катарина.

– Если вы сами этого не знаете, то я вам сейчас расскажу, чем, на мой взгляд, объясняются все эти ваши приступы, – решил на довольно смелое заявление странный городской врач, не заботясь о том, что может напугать девицу. – Два года назад вы увидели или услышали что-то, что привело вас в сильное сму-

щение, что-то, чего вы предпочли бы вообще не видеть.

– Да! Милостивый Боже! Это действительно так, – воскликнула Катарина, – я увидела моего отца с этой девушкой, Франциской, моей кузиной!

– Что это за история? – заинтересовался Фрейд, обрадованный таким поворотом в разговоре. – Не могли бы вы рассказать ее?

И вот, после бесчисленных наводящих вопросов и такого же количества довольно откровенных подсказок типа «Возможно, вы увидели часть обнаженного тела?» Фрейд наконец выяснил, что дочь трактирщика не только видела отца со своей кузиной, тот также приблизился и к ней самой, и она «почувствовала прикосновение части его тела».

– Сейчас вы уже взрослая девушка и многое знаете, назовите мне ту часть его тела, которая прикоснулась к вам, – стал настаивать Фрейд, больше заботясь о том, чтобы получить подтверждение своей новой гипотезе, чем думая о девичьей стыдливости, но, увидев смущенную улыбку совращенной девственницы, доктор осознал, что не может заходить дальше в своих расспросах, и вынужден был отступить.

Несколько месяцев спустя, работая над своей книгой «Исследования истерии», Фрейд включил в нее эпизод с Катариной, заметив с отеческой заботой: «Надеюсь, наша беседа пошла на пользу этой молоденькой девушке, так рано познавшей сексуальные переживания, нанесшие травму ее душе». На страницах этой книги Фрейд выразил признательность Катарине за ее искренность и откровенность в разговоре с ним, чего ему порой так не хватало при общении с притворно добродетельными дамами из его венской клиентуры, которым все казалось *naturalia turpia*^{*}.

А поскольку своих коллег с медицинского факультета Фрейд считал не меньшими, если не большими ханжами, чем эти дамы, то в этой своей книге всех отцов-соблазнительей он назвал «дядюшками» и лишь гораздо позднее решился открыть скандальную истину.

---

^{*}Что естественно, то постыдно (*лат.*).

ФРЕЙДОВСКИЕ ПОРТРЕТЫ (1895–1913)

Дора, Маленький Ганс, Человек с волками, Сабина Шпильрейн, Ирма из сновидения про инъекцию или Эмма из «Наброска...» – все эти имена хорошо знакомы тем, кто любит прогуляться по галерее фрейдовских портретов. В конце двадцатого века мы стали воспринимать их как литературных героев и отвели им место где-то между Германтами, господином де Шарлю, Вердюренами, Альбертиной и Сваном Пруста и Йозефом К. Кафки. Мы как будто бы забыли, что главные герои этих венских историй были реальными людьми. У каждого из них была своя жизнь и своя семья, свое имя и свое социальное происхождение: от аристократки славянских кровей до социалистов и австромарксистов – выходцев из еврейской среды; а также своя родина, находившаяся порой далеко за пределами Австро-Венгерской империи.

Кто же посещал кабинет доктора Фрейда в период между последними годами девятнадцатого века и началом Второй мировой войны? Почему некоторые больные избрали именно этот метод лечения, приведший их на покрытую восточными коврами кушетку в доме на Берггассе? Случайно, из любопытства, по совету другого врача, от безысходности или из любви ко всему передовому? А после того, как стали появляться в печати и переводиться на другие языки скандальные

описания психоаналитических опытов Фрейда, кто же решался ехать к нему в Вену подобно тому, как когда-то поэты и художники совершали паломничество в Италию? И как объяснить тот факт, что среди многочисленных друзей, учеников и пациентов Фрейда было так много людей творческих профессий: от отца Маленького Ганса музыковеда Макса Графа, ставшего одним из первых учеников Фрейда и посещавшего его научные среды, до композитора Густава Малера; от его пациентки, американской поэтессы Хилды Дулиттл – невесты Эзры Паунда и близкой приятельницы Д. Г. Лоуренса – до Стефана Цвейга, Артура Шницлера, Романа Роллана и Томаса Манна, состоявших с Фрейдом в переписке; от его ученицы и верного друга Лу Андреас-Саломе, близкой подруги Рильке и Ницше, до Иветт Гильбер – певицы кабаре, которую рисовал Тулуз-Лотрек, с ней Фрейд любил посидеть за чашкой чая в каком-нибудь из залов гостиницы «Бристоль»...

Фрейда окружало множество людей искусства, увлекавшихся поисками новых художественных форм, но не в их произведениях черпал он пищу для своих чувств и ума, гораздо охотнее он обращал свой взор на сокровища классического искусства, нежели на творения авангарда: его притягивали к себе полотна Рембрандта, Леонардо да Винчи и Тициана и оставляли равнодушными работы Шиле и Климта. При этом он наверняка знал, что брошенный в тюрьму за соращение малолетних и распространение «порнографических» рисунков Эгон Шиле писал оттуда 25 апреля 1912 года: «Неужели взрослые могли позабыть, какими развратными сами они были в детстве, иными словами, насколько они были подвержены разного рода сексуальным фантазиям и переживаниям?» И если у Шекспира и Гёте Фрейд черпал вдохновение, то от Ницше старался держаться подальше, а в лице Артура Шницлера боялся обнаружить своего двойника. Что касается сюрреалистов, которые не спросясь провозгласили его своим духовным отцом, то их он считал если не стопроцентными дураками, то девяностопятипроцентными – подобно спирту – точно. Лишь Сальвадору Дали, посетившему Фрейда в его лондонском убежище в июле 1938 года, удалось

пленил старого профессора. «Этот молодой испанец с горящим взором фанатика, бесспорно мастерски владеющий кистью, заставил меня изменить мнение о нем», – писал Фрейд Стефану Цвейгу. Дали набросал на промокашке его портрет.

Несмотря на то, что Фрейд считал себя лишенным музыкального дарования, он знал наизусть арии из разных опер: «Кармен» Бизе, «Женитьбы Фигаро», «Волшебной флейты» и «Дон Жуана» Моцарта и даже из «Нюрнбергских мейстерзингеров» Вагнера. А вот музыкальные сочинения в новаторском духе Густава Малера или Шёнберга, которые он слышал в исполнении струнного квартета, приглашенного его другом и издателем Геллером, не произвели на Фрейда никакого впечатления. Точно так же, гуляя по улочкам Вены мимо претенциозных строений типа «Дома без бровей» Лооса, он предпочитал воскрешать перед внутренним взором виды столь милого его сердцу античного Рима... Между тем Лоос интересовался теорией Фрейда и разделял его мысль о том, что любое искусство эротично.

Но конечно же натура Фрейда на самом деле «была несколько сложнее» – именно это выражение употребил он в письме к Стефану Цвейгу, упрекая последнего за то, что в описании его личности тот делал основной упор на его мелкобуржуазные воспитание и привычки. Нужно признать, что, несмотря на равнодушные, с каким Фрейд относился к эстетическим изысканиям своего времени, он всегда находил удовольствие в чтении современной литературы.

И если в своем творчестве Фрейд в первую очередь равнялся на произведения великих классиков западной культуры, а не на работы ученых коллег, то делал это потому, что при создании принципиально новой теории ему нужно было опираться на ту художественную традицию, что была создана людьми искусства, ведь именно они испокон веку обладали интуитивным знанием бессознательного, а он собирался построить свою теорию именно на *бессознательном*. И если Фрейд гораздо чаще оглядывался назад, чем смотрел вокруг себя, то это еще и потому, что *прошлое* с его седой стариной больше всего волновало его сердце.

Его страсть к археологии можно объяснить двояко: во-первых, в качестве иллюстраций для своих научных прозрений он всегда старался использовать стихи, полотна художников и археологические находки как зримые свидетельства прошлого, а во-вторых, он просто находил удовольствие в приобщении к первым шагам человечества, сделанным в незапамятные времена.

И еще: этот человек – настоящий революционер в своих научных исследованиях – в повседневной жизни был типичным обывателем, получившим хорошее образование и придерживавшимся либеральных взглядов; все его привычки, вкусы, нравственные правила, «неброский шарм» выдавали в нем представителя своего класса. А вот те, кто приходил к нему на прием, частенько принадлежали к маргинальным общественным группам того времени: были среди них члены литературных и политических объединений, бурлящих от новых идей; были люди, порвавшие или находившиеся на грани разрыва с семьей, религией или со своей социальной средой. Все они обращались к Фрейду в надежде вновь обрести себя.

Эмма Экштейн

Из всех пациенток Фрейда самой таинственной, без сомнения, была та, о ком он писал осенью 1895 года своему берлинскому другу Вильгельму Флиссу: «Сейчас Эмма находится во власти идеи, что ей нельзя *одной* заходить в какую-либо лавку». Это было время, когда Фрейд и Флисс не просто дружили, а дружили взахлеб, их связывали общие идеи и общая жажда славы; оба они разделяли мысль о существовании бисексуальности; почти одновременно объявили друг другу о беременности своих жен, а кроме того, оба поиграли «в доктора» с Эммой.

В самом начале все того же 1895 года Фрейд отправил свою пациентку под скальпель Флисса, который прооперировал ее нос, пытаясь излечить таким образом от сексуального расстройства, поскольку считал, что между носом и страхами невротического

и сексуального характера существует прямая связь. Результаты операции были просто катастрофическими. Флисс забыл почти полметра хирургической марли в полости, образовавшейся после операции, что привело к возникновению инфекции и кровотечению, чуть не унесшему жизнь пациентки; кроме того, лицо несчастной женщины было окончательно изуродовано.

Фрейд было стыдно, но поначалу он пытался выгородить друга и найти для него оправдания. «В своих мыслях я уже смирился с тем, что бессилён был помочь этой бедняжке, и ругаю себя за то, что втянул тебя в эту историю, закончившуюся для тебя столь плачевно», – написал он Флиссу 20 марта 1895 года. И там же добавил: «Я чувствую себя ужасно несчастным из-за нее еще и потому, что по-настоящему полюбил ее». А 11 апреля в словах Фрейда прозвучало завуалированное обвинение в адрес друга: «Я потрясен, что столь страшное несчастье произошло из-за операции, которая считалась совершенно безобидной». Эта история до такой степени растрожила Фрейда, что у него появилось двойственное отношение к Флиссу, вначале не осознаваемое им, но ставшее явным при попытке расшифровать сон об «инъекции Ирме», увиденный им 24 июля 1895 года.

В предварительном сообщении к анализу этого сна в «Толковании сновидений» Фрейд отметил: «...Мне пришлось подвергнуть психоанализу одну молодую даму, которая находилась в тесной дружбе со мной и моей семьей. Вполне понятно, что такое смешение отношений может стать источником всякого рода неприятных явлений для врача, а в особенности для психотерапевта. Личная заинтересованность врача в успехе значительнее, а авторитет меньше. Неудача же может стоить дружбы с семьей пациентки». И хотя эти слова относились к так называемой Ирме, под чьим именем на самом деле скрывалась Анна Лихтгейм – единственная дочь Самуэля Хаммершлага, глубоко уважаемого друга и учителя Фрейда, они в равной степени могли быть справедливыми и в случае с Эммой. Ведь Эмма Экштейн также принадлежала к семье друзей Фрейдов, и даже отпуск они не раз проводили

вместе. Эмма, родившаяся в Вене в 1865 году, была дочерью изобретателя и фабриканта бумаги Альберта Экштейна и Амалии Веле; у нее было пять сестер и два брата. Один из братьев, Густав Экштейн, был соратником Карла Каутского по социалистической партии, второй, Фридрих, по прозвищу «философ с Рингштрассе», – санскритолог, вегетарианец и поклонник йоги – стал одним из партнеров Фрейда по игре в тарок. Фридрих дружил со многими музыкантами, в том числе с Гуго Вольфом и Антоном Брукнером, и создал глубокий научный труд, посвященный роману Достоевского «Братья Карамазовы». Он попросил Фрейда написать для своей работы предисловие с психологическим анализом; в связи с этим в 1927 году появилось эссе Фрейда на тему «Достоевский и отцеубийство». Двумя годами позже в своей статье «Неудовлетворенность культурой» именно на Фрица Экштейна намекал Фрейд, когда писал: «Один из моих друзей, чья неутомимая любознательность постоянно толкала его на самые невероятные эксперименты и в конечном счете привела к тому, что он стал сведущ во многих сферах бытия, уверял меня, что, занимаясь йогой, то есть полностью отрешаясь от внешнего мира и концентрируясь на некоторых функциях своего организма, в частности овладев специальной системой дыхания, он смог открыть в себе новые ощущения, и среди них чувство единения с космосом». Но этой «мистической мудрости» Фрейд предпочитал стихи Шиллера: «Пусть возрадуется тот, кому повезло увидеть розовый свет...»

Среди сестер Эммы наиболее преуспела Тереза Экштейн-Шлезингер: как и ее брат Густав, она стала видным деятелем социалистической партии и членом парламента. Что же касается Эммы, то помимо того, что она была одной из первых пациенток Фрейда, подвергшихся психоанализу, она еще, по всей видимости, стала одним из первых психоаналитиков. Об этом свидетельствует фраза из остававшегося долгое время неопубликованным письма Фрейда Флиссу от 12 декабря 1897 года: «[Эмма] Экштейн, занимаясь лечением своей пациентки, специально строила его таким образом, чтобы не затрагивать тему бессозна-

тельного, и в процессе общения она, помимо всего прочего, смогла восстановить те же сцены с отцом. Девушка, кстати говоря, чувствует себя прекрасно». Кроме того, Эмма стала автором нескольких научных работ по воспитанию детей, одна из них, под названием «Вопрос сексуальности в воспитании ребенка», была опубликована в 1904 году. Еще одна статья появилась в социалистическом журнале «Ди Нойе Цайт», именно ее цитировал Пауль Федерн, родственник Экштейнов (он также вступил в социалистическую партию, но гораздо позже – в 1918-м), на заседании Венского психоаналитического общества 4 января 1911 года, сказав: «В работе Эммы Экштейн о сексуальном воспитании ребенка, одной из первых работ, написанных под влиянием Фрейда, в качестве профилактической меры против преждевременного пробуждения детской сексуальности рекомендовалось не наказывать ребенка, а всячески развивать его Я». Из переписки Эммы и Фрейда нам стало известно, что Эмма активно пользовалась его библиотекой, работая над своей статьей о детском онанизме.

Познав горечь разочарования в любви – ее бросил возлюбленный, венский архитектор, – Эмма закончила свои дни среди книг, в комнате, которую никогда не покидала. Однажды Фрейд написал ей: «Я обидел Вас, объяснив, почему случилось так, что наши отношения не переросли в любовь...» Смогла ли она простить ему это?

Эмма Гольдман

В 1895 году жизнь свела с Фрейдом еще одну Эмму, но доктор, возможно, никогда об этом так и не узнал. Под ирландским псевдонимом Э. Дж. Брейди Эмма Гольдман – юная анархистка родом из России – приехала из Соединенных Штатов в Вену, чтобы получить диплом акушерки и медсестры. Вена очаровала девушку: все в этом городе казалось ей ярким и праздничным. У нее было лишь одно желание: с головой окунуться в эту жизнь и проводить время, наблюдая за венской публикой с террасы какого-нибудь кафе или

гуляя в парке Пратер. На акушерских курсах Эмма познакомилась с молоденькими еврейками, приехавшими в Вену из Киева и Одессы. Жили эти девушки в «жуткой крысиной дыре», и она пригласила их переехать в свою квартиру и стала обучать немецкому языку; в скором времени ее комната превратилась в излюбленное место общения студентов – выходцев из России. От них она узнала о лекциях, которые читал «молодой, но уже снискавший известность преподаватель по имени Зигмунд Фрейд». Эмме удалось записаться на лекции Фрейда. Они стали для нее настоящим откровением. В своей книге «Эпопея анархистки» она вспоминала: «Его блестящий ум, простота и открытость производили на слушателей потрясающее впечатление, им казалось, что из темной комнаты их вывели на яркий свет. Впервые в жизни я поняла, что такое подавление сексуального влечения и какое влияние оно может оказывать на мышление и поведение человека. Фрейд помог мне познать самое себя. Я поняла также, что только извращенный ум мог усомниться в правильности фрейдовских мотивировок, а самого Фрейда счесть “порочным”, не оценив величия и красоты его личности».

Она-то сразу все поняла, эта «Красная Эмма», у нее не было ни малейших сомнений в том, что в лице Фрейда она повстречала подлинного революционера! А вот остальные, его пациенты например, почувствовали ли они, что, переступая порог фрейдовского кабинета, они соприкасаются с грядущим веком? Поняли ли они это, все эти М. К. и М. ф. Ф. из Будапешта, банкир – «старый холостяк и прожигатель жизни», перезревшая девица из квалифицированных работниц, супруга коммивояжера, пережившая приступ истерии во время собственного исполнения сегидильи из оперы «Кармен»?.. Каждый из них приходил к доктору со своими страхами, своей депрессией, своей ипохондрией или своей импотенцией, а в качестве лечения не получал ни микстуры, ни электротерапии, ни каких-либо рецептов; их ожидала лишь удивительная магия чуткого Фрейда, который с интересом и вниманием выслушивал пациента и на основе анализа пытался разобраться в его проблемах.

Когда Генрих Гомперц, преподаватель философии и, как и его отец Теодор Гомперц, специалист по классической литературе, обратился к Фрейдю с просьбой истолковать его сны и исследовать его душевные порывы, тот воспринял это как подарок судьбы. «Среди моих пациентов до сих пор не было никого, кто мог бы сравниться с вами по уровню интеллектуального развития», – заявил он Гомперцу. Но радость отнюдь не помешала доктору предупредить возможного пациента о том, что того ожидало. Предприятие, в которое он собрался ввязаться, могло оказаться довольно рискованным: раз начавшись, лечение могло затянуться и отодвинуть на задний план другие, возможно более срочные дела пациента. Готов ли тот к подобному развитию событий? Доктору непременно придется задавать анализируемому нескромные вопросы, не будет ли тот в обиде? И сможет ли он пережить все те тягостные чувства, которые психоаналитик обязательно пробудит в нем? «Короче, – написал Гомперцу Фрейд, – если вы со свойственной философам любовью к истине хотите подвергнуть свою внутреннюю жизнь беспристрастному анализу, я буду счастлив оказать вам в этом содействие». И, не откладывая дела в долгий ящик, назначил Гомперцу встречу на следующий день – в четверг, 16 ноября 1899 года.

На момент обследования Генриху Гомперцу было двадцать шесть лет, в своей карьере он следовал по стопам отца: как и тот, всю жизнь отдал преподаванию в Венском университете, прервав его лишь из-за вынужденной эмиграции в Соединенные Штаты, где умер в 1942 году в Лос-Анджелесе. Генрих Гомперц принадлежал, и по праву, к венскому истеблишменту, поскольку в детстве по воле отца был крещен. Что же могло подтолкнуть его к тому, чтобы испытать на себе фрейдовский психоанализ? Фрейд относил этого пациента к разряду «истериков, которые вполне могут чувствовать себя здоровыми и способны на сопротивление...». Итак, попав в умеющий хранить тайны кабинет Фрейда, где уже заняли свои места несколько копий античных статуй и стояли вереницы бронзо-

вых и глиняных статуэток, решился ли Генрих заговорить о своем отце, восстал ли он против него или остался благоразумным и послушным сыном?

Теодор Гомперц был потомком влиятельного еврейского рода, в незапамятные времена обосновавшегося в Центральной Европе; начиная с пятнадцатого века это семейство насчитывало среди своих членов немало придворных, банкиров, врачей и раввинов. Сам Теодор принадлежал к тем евреям-просветителям, знатокам Древней Греции, которые были ярыми сторонниками ассимиляции. Член Академии наук и автор монументального труда по античной философии «Греческие мыслители», этот ученый находил время и для активного участия в общественной жизни. Он защищал позиции либеральной партии и резко критиковал Теодора Герцля и его детище – сионизм. Генрих продолжил дело отца, он переиздал принадлежавший перу Теодора труд «Греческие мыслители», составил его биографию, но, возможно в память о другой фигуре, ассоциировавшейся у него с образом отца (Фрейд был старше Генриха на семнадцать лет), он написал книгу о творчестве Парменида и Сократа в духе психоаналитического исследования...

Ассимиляция, сионизм, социализм, для самых талантливых – авангардизм в различных областях культуры – вот те пути, которыми на стыке девятнадцатого и двадцатого веков шли многие венские евреи. Правда, выбрать свой путь было им нелегко, поиски себя сопровождались конфликтами и крахом давно сложившихся отношений. Евреи – пациенты Фрейда и их семейства принадлежали именно к тем людям, которые приезжали в Вену в поисках места, где они могли бы залечить свои душевные раны и обрести свое утраченное Я.

В этой загнивавшей и разваливавшейся на части империи, названной Робертом Музилем *Каканией**, где антисемитские и националистические настроения принимали угрожающий размах, слова немецко-

---

* Слово образовано от аббревиатуры «к-к.» (kaiserlich-koniglich (нем.) – кайзеровско-королевская), предпосылавшейся названиям всех институций старой Австрии.

го языка помогали новоиспеченным венцам обрести душевный покой. И так было до самой их эмиграции из Австрии – как правило, в англоговорящие страны. Первым пациентам и ученикам Фрейда было совсем не сложно выполнять требование доктора говорить все, что им приходило в голову, поскольку для них было не в новинку делиться своими воспоминаниями и воскрешать в памяти оставшиеся далеко в прошлом мгновения их жизни, утраченные семейные традиции и бывшие когда-то родными места, разбросанные по дальним провинциям Австро-Венгерской империи, на языках которых они уже давно не говорили.

Дора, она же Ида Бауэр

Общаясь с Дорой, приходившей в его кабинет с 14 октября по 31 декабря 1900 года, чтобы вдохнуть запах его сигар и рассказать о своих любовных переживаниях, Фрейд не стеснялся называть вещи своими именами. Зато со своими читателями он был более чем осторожен: на пять лет отложил публикацию описания этого клинического случая, рассыпался в извинениях по поводу предания гласности фактов личной жизни и секретов своей пациентки и, плюс ко всему, категорически отрицал, что этот фрагмент психоаналитического исследования истерии имел реальный прототип... Однако на самом деле под псевдонимом «Дора» скрывалась сестра человека, которому было предопределено большое политическое будущее: излагая историю болезни Иды – она же Дора, Фрейд одновременно оставлял потомкам первые страницы биографии крупного деятеля социалистического движения Отто Бауэра. «Единственный брат девушки, – писал Фрейд, – был когда-то тем идеалом, на который она стремилась походить в своих честолюбивых мечтах... А молодой человек всячески старался избегать семейных ссор». Далее Фрейд приводил слова самой Иды: «Мой брат говорит мне, что мы не имеем права критиковать поведение нашего отца, что мы должны даже радоваться, что он смог найти женщину, к которой так привязался, поскольку наша мать совсем не

понимает его. Я признаю правоту брата и хотела бы разделить его мнение, но не могу. Я не могу простить отца».

Чуть позже Ида точно так же не смогла простить своему доктору того, что он совсем не понял ее чувств к нему, а также недооценил ее нежную привязанность к госпоже К... Тепло поздравив Фрейда с Новым годом, Ида неожиданно для него прервала лечение. Почти сразу же она вышла замуж и всю жизнь упрекала мужа в неверности, хотя тот никогда не изменял ей. В 1922 году она вновь обратилась к специалисту по психоанализу, на этот раз к Феликсу Дойчу, жалуясь на невыносимый шум в правом ухе... На сей раз она упрекала во всем своего единственного сына: тот начал проявлять интерес к женщинам, приходил домой глубокой ночью, а она с тревогой ожидала его возвращения, напряженно вслушиваясь в ночные звуки. Со слезами на глазах она обвиняла мужчин в эгоизме и низости и сетовала на их непомерные притязания. Она очень боялась, что ее сын ничего не добьется в жизни (а он между тем сделал прекрасную карьеру, став блестящим музыкантом), в отличие от ее брата, о котором она отзывалась с большой нежностью и все время подчеркивала, что всю жизнь их связывали самые близкие отношения. И действительно, Отто немедленно мчался к сестре, как только узнавал, что она нуждается в его помощи, он неоднократно звонил Феликсу Дойчу, чтобы поблагодарить того за помощь, оказанную сестре, и даже выказывал желание встретиться с врачом, но тот уклонился от этого предложения.

Вторая мировая война вынудила Иду Бауэр и ее мужа покинуть Австрию, они уехали из Вены во Францию, а оттуда в Соединенные Штаты. Ида умерла в Нью-Йорке от рака кишечника, а ее муж скончался от коронарной недостаточности. По свидетельству одного из близких друзей этого семейства, муж Иды «скорее предпочел бы смерть, чем развод с женой». Так, может, Дора, заявлявшая в 1900 году: «Мужчины настолько отвратительны, что я вообще предпочла бы не выходить замуж. Это моя месть!» – отомстила таким вот образом?..

Зигмунд Фрейд (1856—1939).

Восьмилетний З. Фрейд со своим отцом Якобом.

З. Фрейд и его мать Амалия.

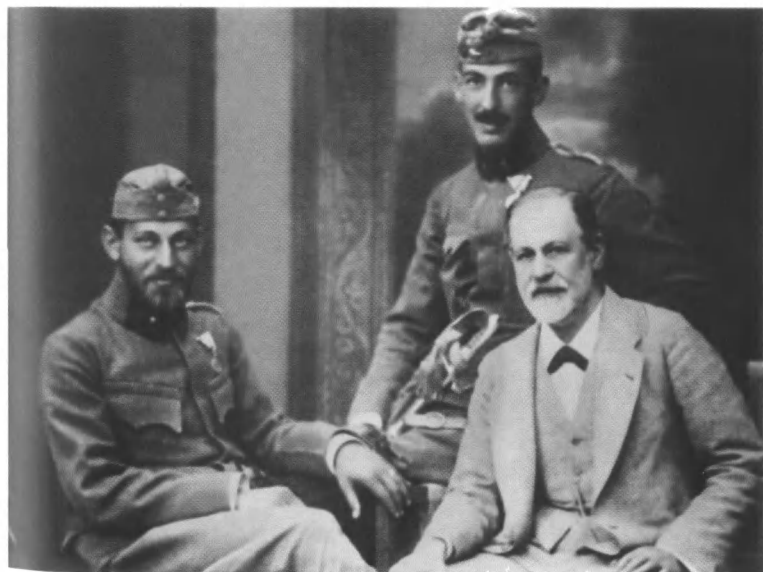

Марта Бернейс —
невеста З. Фрейда. 1884 г.

З. Фрейд с дочерью Софией, умершей
в 1920 г.

З. Фрейд с сыновьями Эрнстом и Жан-Марином. 1916 г.

З. Фрейд в своем
рабочем кабинете
с собакой чау-чау.
Фото М. Бонапарт.
1937 г.

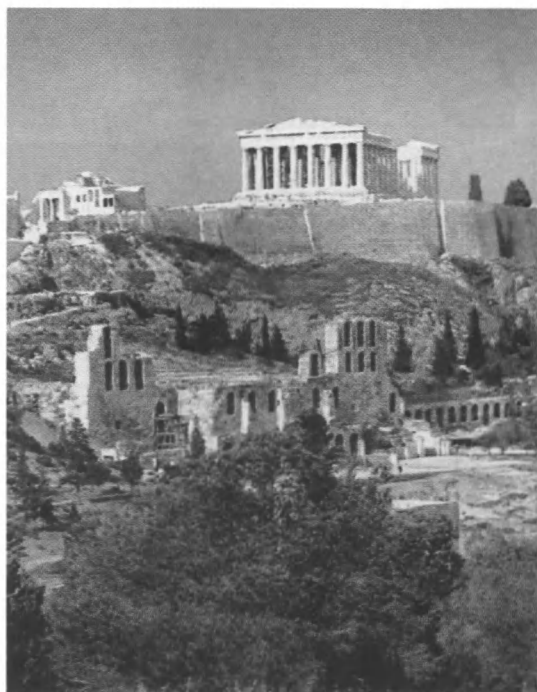
Антиквариат
в кабинете
З. Фрейда.

Иерусалим.

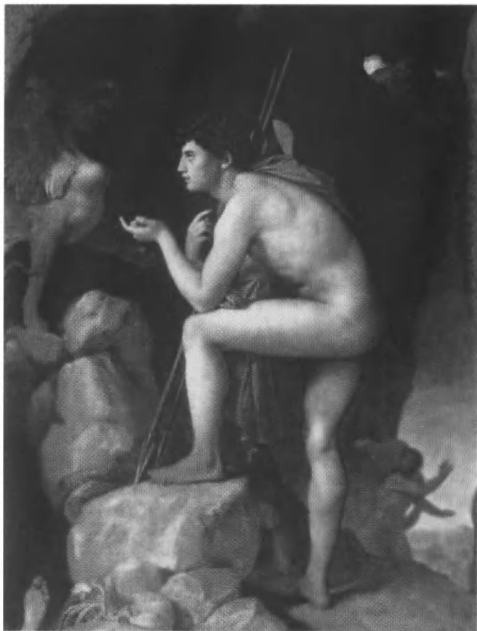
Афины. Акрополь.

Рим времен З. Фрейда.

Вена. Кафе «Фрейд».
2000 г.

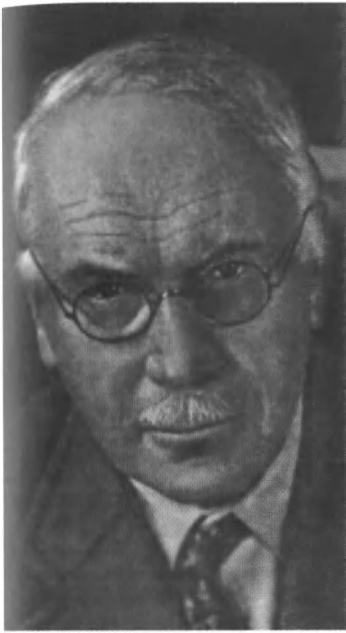

Ж. Энгр. Эдип
и Сфинкс. Ок. 1827 г.

Дж. Пизано (?). Пророк
Моисей. 1280—1290 гг.

К. Г. Юнг.

А. Муха. С. Бернар в роли Медин.

С. Цвейг.

Г. Малер. Карикатура О. Гарвенса.

Р. Роллан.

Т. Манн.

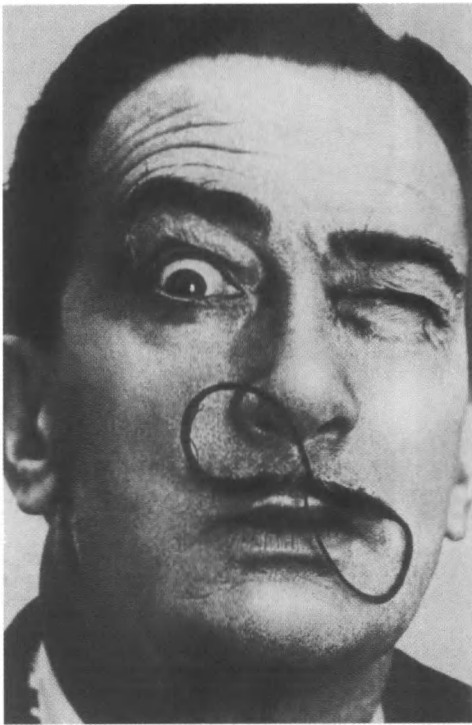

А. де Тулуз-Лотрек. Иветт Гильбер поет английскую песенку. 1894 г.

М. Бонапарт, З. Фрейд и американский посол У. Буллит.

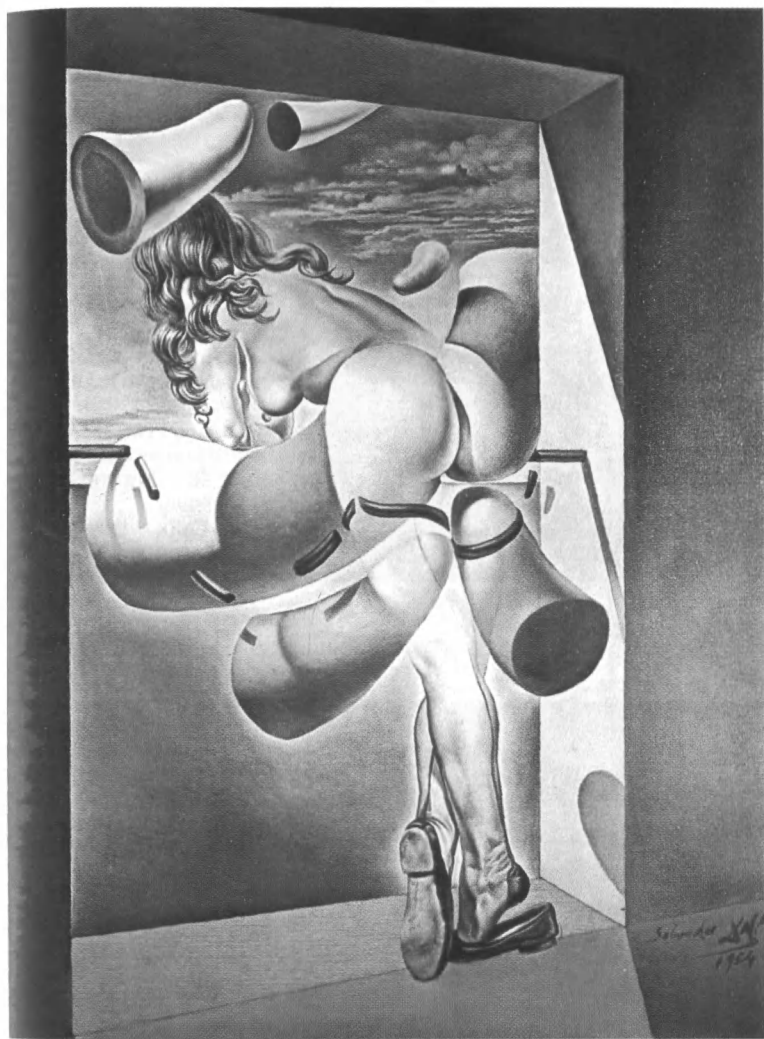

С. Дали.

Э. Уорхол приветствует
С. Дали на приеме
в Нью-Йорке.
Сер. 1970-х гг.

С. Дали. Юная девственница, удовлетворяющая себя рогами собственного целомудрия. 1954 г.

С. Дали. Портрет
Луиса Бюнюэля. 1924 г.

Участники первой
выставки
сюрреалистов,
состоявшейся
в Лондоне в 1936 г.
Задний ряд (слева
направо): Р. Ли,
Р. Тодд, П. Элюар,
Р. Пенроуз, Г. Рид,
Э. Л. Т. Мезенс,
Д. Риви,
Х. Сайкс-Дэвис.
Передний ряд (слева
направо): Д. Ли,
Н. Элюар, Э. Агар,
Ш. Ледже
и неизвестная
приятельница.

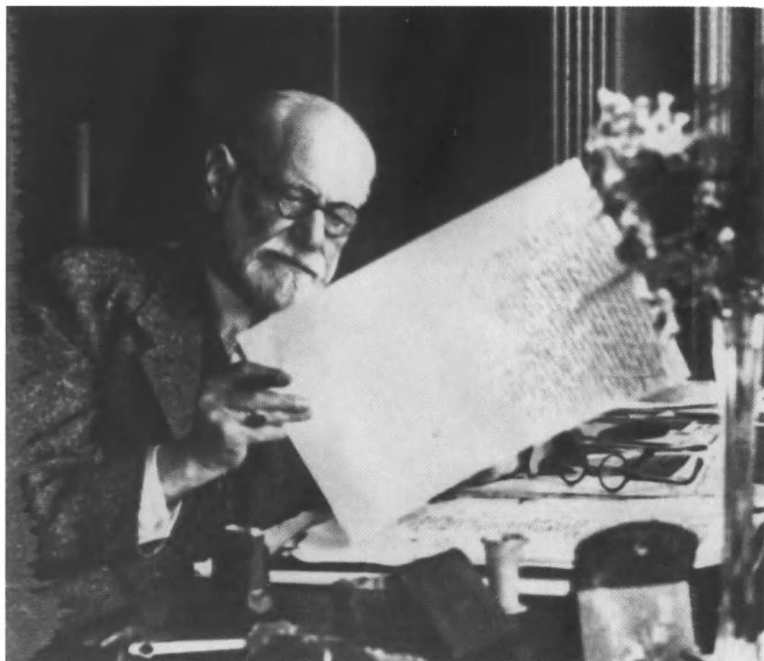

Художник Л. Фрейд —
внук З. Фрейда. 2002 г.

Л. Фрейд. Девушка
с белой собакой.

3. Фрейд за работой над «Очерком психоанализа». 1938 г.

Австрийская банкнота в 50 шиллингов с портретом З. Фрейда.

Если Ида Бауэр снискала известность благодаря своей истерии, то ее брату Отто повезло больше, славу ему принесла политическая карьера: он был теоретиком австромарксизма, завоевавшим международное признание, и министром иностранных дел Австрийской Республики после падения монархии, а с 1918 по 1934 год – одним из лидеров австрийской социалистической партии. Как и его сестра, он родился в Вене, а умер в эмиграции, в Париже в июле 1938 года. Хоронили его почти с теми же почестями, каких обычно удостоивались крупные государственные деятели; организацией похорон занимался лидер французской социалистической партии Леон Блюм. Биографы Отто Бауэра отдавали должное его ораторскому искусству и писательскому таланту, но ставили в упрек некоторую двойственность натуры: временами он, хотя и высказывался за радикальные меры, действовал излишне осторожно и консервативно, пытаясь избежать конфликтов.

Отто Бауэр был очень привязан к своей матери и долгое время жил вместе с ней. Женился он только после смерти обоих родителей, его жена была старше него на десять лет и уже имела троих детей. Поговаривали, что перед женитьбой он ходил на консультацию к Фрейду, но никаких свидетельств тому не сохранилось. Подобно отцу, помимо жены Отто имел связь с другой женщиной – Хильдой Шиллер-Марморек, которая была младше его на десять лет и оставалась его любовницей до самой смерти. Вступив в социалистическую партию, Отто Бауэр открыто выступил против своего отца – либерала, франкмасона и процветающего текстильного магната.

Семейство Бауэр принадлежало к ассимилировавшимся евреям, не отделявшим себя от немецкой культуры. Отто был сторонником идеи, что евреи, в противоположность другим народам, не являются нацией, поскольку у них нет ни собственной территории, ни собственной истории, ни даже своего национального характера. Отто выступал против любого подчеркивания принадлежности к еврейской национальности, что, по его мнению, могло способствовать развитию у трудящихся «психологии лавочников», и

свою борьбу начал с отца, блестящего коммерсанта, по отношению к которому, видимо, испытывал эдипов комплекс. Различные факты косвенным образом подтверждают эту догадку; подобная мысль, по всей вероятности, посещала и Фрейда. Его запись о Филиппе Бауэре выдержана в очень лестных выражениях; возможно, описывая этого человека, доктор думал о собственном отце Якобе, не слишком удачливом коммерсante: «В то время, когда я лечил девушку, ее отцу было около пятидесяти лет. Это был человек незаурядных способностей и кипучей энергии, крупный промышленник, обладающий солидным состоянием». Фрейд довольно хорошо знал Филиппа Бауэра, поскольку шестью годами раньше лечил его от сифилиса.

Фрейд охотно поддерживал отношения с родственниками своих пациентов. Из близких Доры-Иды он познакомился с одной из ее теток, отцом и дядей Карлом, которого в своих заметках назвал «холостяком и ипохондриком». Между тем благодаря именно этому дяде у Отто очень рано появился интерес к социалистической литературе. Повстречался Фрейд и с господином К. – главным героем несчастного любовного романа Доры. «Я увидел его совершенно случайно. Он как-то зашел ко мне вместе с отцом пациентки. Это был молодой еще человек приятной наружности». Мог ли доктор, имевший такое благоприятное мнение о господине К., прочувствовать всю глубину отвращения, охватившего Дору, когда этот привлекательный мужчина предпринял попытку поцеловать ее? И думал ли он при этом о своих собственных чувствах к этой очаровательной особе с умным и милым личиком, которой было всего восемнадцать лет, тогда как ему, все еще интересному, но уже, видимо, лишенному услад супружеского ложа мужчине, было сорок четыре года?

Почему Фрейд выбрал для своей пациентки имя Дора? «Кого звали Дорой?» – сам себе задал он вопрос на страницах «Психопатологии обыденной жизни» и тут же на него ответил, что так звали няню детей его сестры. На самом деле имя этой няни было Роза, такое же, как у ее хозяйки – Розы Фрейд. Во избежание пута-

ницы няня попросила называть себя по-другому и выбрала имя Дора. «Когда мне понадобилось найти псевдоним для пациентки, которую я не мог назвать ее собственным именем, мне пришло в голову именно это имя – Дора», – подытожил свой рассказ Фрейд.

Но в тот период жизни Фрейд был знаком еще как минимум с двумя Дорами: одна из них – Дора Телеки – посещала его лекции в университете и спустя много лет сделала повторную операцию Эмме Экштейн, вызвав крайнее неудовольствие Фрейда, который не мог забыть неудачного опыта Флисса. Со второй Дорой у Фрейда было связано еще больше личных переживаний. Она была ровесницей Иды Бауэр, и фамилия ее звучала настолько похоже на фамилию Иды, что их можно было спутать: звали ее Дора Брейер, она была дочерью Йозефа Брейера – ученого, который направил Фрейда на путь лечения истериков, рассказав однажды о своей больной Анне О., а также когда-то близкого, но потом отдалившегося от него друга. Нельзя не заметить сходства фрейдовской Доры и брейеровской Анны: тот же возраст, та же еврейская среда, интеллект, те же чувства, которые пациентки испытывали к своим лечащим врачам... Само существование Доры Брейер было напоминанием об Анне О.: ревность Матильды Брейер к этой пациентке мужа была столь сильной, что он вынужден был увезти жену в повторное свадебное путешествие в Венецию, после чего и родилась их дочь Дора. Произошло это событие 11 марта 1882 года (Ида родилась 1 ноября того же года). Поскольку Фрейд назвал двух из своих дочерей именами представительниц семейства Брейера, эта последняя история еще раз высветила ту роль, какую играет сила привычки в хитросплетениях сознательного и бессознательного.

Знаменитые и безымянные пациенты Фрейда стали нам известны либо благодаря их собственным литературным произведениям, либо благодаря оставленным ими следам – мимолетным, загадочным, порой тягостным – в обширной фрейдовской переписке. Вспомним, например, строчки из письма Фрейда к Юнгу, сегодня они воспринимаются как шутка, как анекдот, как ностальгия по Прусту: «Только что у меня

на приеме была одна пациентка, она совершенно заморочила мне голову, и я вообще перестал что-либо соображать. Беспокоивший ее симптом заключался в том, что в присутствии других людей она не могла держать в руках чашку с чаем...»

Ольга Хёниг

Многочисленные намеки и записи свидетельствуют о том, что примерно в 1900 году среди пациентов Фрейда были Ольга Хёниг, будущая мать Маленького Ганса, и Г. Свобода – молодой венский философ и друг Отто Вейнингера. Эти два друга стали поводом для окончательного разрыва Фрейда с Флиссом: во время одного из психоаналитических сеансов Фрейд рассказал Свободе об идее бисексуальности, выдвинутой Флиссом, Свобода поделился этим с Вейнингером, а тот написал о бисексуальности в своей книге «Пол и характер», перехватив у Флисса первенство в опубликовании этой идеи и снискав ненависть последнего.

Вступив в новый, двадцатый век, Фрейд не только продолжал выступать дуэтом с каждым из своих пациентов и пациенток, но также начал исполнять произведения для камерного оркестра. Если мы продолжим эту музыкальную метафору, сказав, что к нему пришли новые музыканты, то всего лишь констатируем то, что происходило в действительности. Пришли же к нему: музыкальный критик одного из социалистических изданий и организатор первых концертов для рабочих в Вене Давид Бах, музыковед и близкий друг композитора Альбана Берга Макс Граф, а также Хиндемит, Стравинский и Малер. Кроме того, среди четверки медиков, первыми проявивших интерес к психоанализу, был сочинитель вокальной музыки Рудольф Рейтлер. Всем, кто хотел его слушать, Фрейд рассказывал, что он так же далек от музыки, как и от мистики, но для объяснения больным происходящего на психоаналитическом сеансе он совершенно бессознательно использовал такие выражения, какие больше подошли бы для характеристики музыкальных инструментов –

виолончели или альты, звучавших под его умелыми пальцами. «Мне отвечает каждая струна», – говорил он. Или: «Сегодня опять все звучит в унисон с моими последними догадками, инструмент охотно подчиняется пальцам играющего на нем».

Первые ученики

В 1902 году Фрейд отправил две почтовые открытки; одна из них поставила точку в его отношениях с Флиссом, с которым его связывала пылкая дружба и который был практически его зеркальным отражением, а вторая привела к рождению кружка, объединившего первых сторонников психоанализа, начавших регулярно собираться вечером по средам в приемной Фрейда на Берггассе. Картинка с храмом Нептуна в Пестуме сопровождала прощальные слова Флиссу: «Шлю тебе привет из кульминационного пункта моего путешествия». Вторая открытка, изображение на которой осталось неизвестным, была адресована осенью 1902 года четверым молодым медикам: Максу Кагане, Вильгельму Штекелю, Альфреду Адлеру и Рудольфу Рейтлеру. На смену «конгрессам» для двоих с его берлинским alter ego, бывшим для него самой лучшей аудиторией, на смену «блестящему одиночеству», которым было отмечено начало его научной карьеры, пришло психоаналитическое братство, приведшее к созданию собственной организации и защите общего дела.

Разочарования в мужской дружбе один на один (Брейер, Флисс, Юнг – последняя потеря) привели Фрейда к тому, что он начал поддерживать дружеские отношения сразу с целой группой единомышленников, но и для этих новых отношений по-прежнему были характерны страстность, потребность в обмене мыслями и атмосфера творчества. После неудачи с Юнгом никто больше не смог стать для Фрейда единственным – с тех пор он сам стал единственным для других.

К нему начали приезжать писатели, педагоги, музыкальные критики, молодые врачи, был среди них и

один издатель. Они были родом не только из Вены, но и из Тироля, Хорватии, Праги, Триеста, Швейцарии, Венгрии, России и Голландии. Среди первых адептов его учения было много членов австрийской социал-демократической партии, таких, как Альфред Адлер, Карл Фуртмюллер и Йозеф К. Фриджюнг, который одновременно был депутатом ландтага Нижней Австрии и членом муниципального совета Вены. В 1909 году к кружку присоединилась первая женщина, допущенная туда; ею стала доктор Маргарита Гильфердинг – супруга одного из лидеров австрийской и германской социал-демократии и выдающегося теоретика социализма. Такая политическая ориентация членов кружка не могла не сказаться на повестке дня некоторых его заседаний. Так, 10 марта 1909 года Альфред Адлер сделал доклад на тему «Психология марксизма», в заключении которого выразил надежду на то, что ему удалось показать полное соответствие теории классовой борьбы выводам фрейдовской теории о влечениях.

Интересы членов кружка не замыкались только на рассмотрении клинических случаев проявлений садизма, сексуальной бесчувственности, паранойи или условий возникновения мазохизма в младенческом возрасте; очень часто любопытство заводило ученых в заповедные леса творчества. В своих многочисленных докладах они обсуждали и подвергали анализу жизненный и творческий путь поэтов и писателей, среди которых были Ницше, Жан Поль, Конрад Фердинанд Мейер, Франц Грильпарцер, Генрих фон Клейст, Карл Краус, Достоевский и другие.

В лихорадке, сопровождавшей становление нового учения, в руки этим мужчинам и нескольким женщинам словно попала чудесная игрушка, и они начали вертеть ее в разные стороны, пытаясь постичь все ее возможности. Самые разнообразные темы: эротизм кожи, выбор профессии, основы материнской любви, магия, корсет в костюмах разных народов, любовь к природе, женщины-медики и история дьявола – обсуждались этими новоиспеченными «очистителями» душ на их собраниях.

«В комнате, где мы собирались, царил атмосфера зарождения новой религии, – вспоминал Макс Граф,

один из свидетелей самых первых мгновений этого процесса, – Фрейд выступал в роли нового пророка, а его ученикам – убежденным и горячим его сторонникам – отводилась роль апостолов. Итак, самый первый узкий круг адептов Фрейда начал собираться по средам в его приемной. Во главе длинного стола восседал сам основатель психоанализа, сосредоточенно куря виргинскую сигару».

После доклада одного из членов кружка собравшимся предлагались черный кофе и сладости – яблочный штрудель и другая выпечка, все это конечно же было приготовлено кухаркой семейства Фрейдов. Почти все присутствовавшие курили сигареты или сигары. После нескольких минут передышки и светской беседы начиналось обсуждение доклада. Сизый табачный дым, витавший в комнате, окутывал участников собрания и многочисленные статуэтки из коллекции «местного Дон Жуана»: в одном из писем Флиссу Фрейд как-то сказал, что «когда старая дева заводит собачку, а старый холостяк коллекционирует статуэтки, то таким образом первая компенсирует отсутствие супружеской жизни, а второй создает иллюзию многочисленных любовных побед. Все коллекционеры – своего рода Дон Жуаны».

Маленький Ганс

Из целого ряда главных героев, персонажей второго плана и статистов, постоянно находившихся или единожды появившихся на венских подмостках в психоаналитическом спектакле либо в роли пациентов, либо в роли учеников Фрейда, некоторые – пусть и не самые известные, но очень симпатичные, а может быть, просто самые разговорчивые – больше других приковывают к себе внимание. В этой длинной галерее фрейдовских портретов, которая создавалась более пятидесяти лет, давайте остановимся на минутку перед семейным портретом Графов. Это семейство подарило Фрейду пациентку, последователя и Маленького Ганса – героя одного из пяти самых известных психоаналитических исследований доктора.

В год выхода книги «Толкование сновидений» Ольга Хёниг лечилась у Фрейда и рассказала об этом лечении молодому человеку, который за ней ухаживал. Звали его Макс Граф. Метод вопросов и ответов, применявшийся Фрейдом, заинтересовал Графа: у него появилась мысль, что с помощью психоанализа можно открыть тайну художественного творчества. По настоянию родителей, евреев из Богемии, Макс получил юридическое образование, хотя всегда мечтал стать композитором и пробовал себя на этом поприще. Получив негативный отзыв о своих способностях к сочинению музыки вначале от Брамса, а позднее от Брукнера, Граф решил заняться музыковедением и начал одновременно преподавать музыку, выступать в качестве музыкального критика и историка, а также помогать подающим надежды музыкантам пробиться к славе; с ним сотрудничали самые талантливые музыканты того времени. Макс Граф с готовностью принял приглашение Фрейда – «этого единственного в своем роде ученого, над которым насмехалась вся Вена», – и присоединился к кружку посвященных, собиравшихся по средам.

Когда в апреле 1903 года у него родился сын Герберт, Граф обратился к Фрейду с вопросом, стоит ли делать мальчику обрезание. «Когда родился мой сын, я начал задумываться над тем, а не следует ли мне оградить его от антисемитской ненависти, которую активно насаждал доктор Люгер, весьма популярная в Вене личность. Я даже стал подумывать, не лучше ли будет воспитать сына в христианской вере, но Фрейд отговорил меня от этого. “Если вы не позволите своему сыну расти как еврею, вы лишите его тех энергетических источников, которые ничем нельзя заменить. Ему придется бороться как еврею, и вы должны развить в нем ту энергию, что понадобится ему в его борьбе. Не лишайте его этой поддержки”, – ответил мне Фрейд».

Спустя три года, направляясь на день рождения этого ребенка, на теле которого, возможно, именно благодаря ему появилась известная отметина, Фрейд поднялся на пятый этаж дома на Фуксталлергассе, где находилась квартира Графов, неся новорожденному подарок: *деревянную лошадку-качалку...*

По просьбе Фрейда Макс Граф самым тщательным образом следил за всеми словами и жестами сына, имевшими отношение к его сексуальному развитию, и регулярно сообщал о своих наблюдениях доктору, который, по мнению благопристойных венских обывателей, «в любой вещи видел секс» и «со свойственной ему бестактностью мог упомянуть “это” в присутствии дам». И вот однажды – дело было в 1908 году, Герберту вот-вот должно было исполниться пять лет – Граф написал Фрейду, что у ребенка появились признаки нервного расстройства, выражавшегося в совершенной глупости: *боязни, что его на улице укусит лошадь...* Таким образом Герберт превратился в Маленького Ганса. Кому же это превращение доставило особое удовольствие? Отцу, преданному приверженцу Фрейда, или матери, которая никогда не теряла связи с доктором, когда-то лечившим ее, а может быть, самому профессору Фрейду, в какой-то мере крестному отцу ребенка, ведь ему так нужен был материал для подтверждения своей теории детской сексуальности и эдипова комплекса?

Сам же ребенок – веселый, открытый и независимый мальчуган, вырос и все забыл. Ганс стал для него чужим. Жизнь увлекла Герберта в чудесный мир звуков и изображений. Психоанализ больше не скреплял его семью: родители развелись, и каждый из них вступил в новый брак. Макс Граф женился на Розе Центнер, но расстался и с ней, связав позже свою жизнь с исполнительницей лирических песен Полли Бастик. Младшая сестра Герберта Ханна пропала во время Второй мировой войны.

У Герберта же фантазии больше не перерождались в фобии, его страхи перестал старательно фиксировать отец и анализировать – во имя науки – Фрейд; теперь он в соавторстве с величайшими музыкантами и художниками, при помощи костюмеров и декораторов стал воплощать свои мечты и свои познания о человеческих страстях в спектакли, которые он ставил на величайших оперных сценах мира. И думается, что Фрейду, считавшему себя совсем не музыкальным и запрещающему вначале сестрам, а потом детям подходить к пианино, но очень любившему Моцарта, было

бы интересно побывать на спектаклях, которые поставил его Маленький Ганс. Возможно даже, это было бы для него счастьем. Среди спектаклей, поставленных Гербертом, была опера «Волшебная флейта»; когда в 1937 году ее давали во время фестиваля в Зальцбурге, оркестром дирижировал Тосканини; в 1955 году ту же оперу в Зальцбурге Герберт ставил при участии знаменитого экспрессиониста Кокошки, создавшего декорации и костюмы для этого спектакля... А перед самой смертью Герберта на сцене нью-йоркской Метрополитен-оперы «Волшебная флейта» в его последней постановке звучала на фоне будоражащих воображение декораций Марка Шагала...

С 1960 по 1963 год Герберт руководил Цюрихским оперным театром и умер в Швейцарии в возрасте семидесяти лет. По случаю его кончины «Нойе Цурхер Цайтунг» написала: «5 апреля 1973 года в Женеве после семимесячной болезни скончался Герберт Граф; смерть унесла плодовитого театрального деятеля, замечательного режиссера и педагога». Никто больше не помнил, что когда-то он был самым известным ребенком в истории психоанализа. Маленький Ганс и Герберт Граф, видимо, просто не могли сосуществовать ни в его собственной, ни в нашей памяти.

Человек с волками

В бестиарии фрейдовских пациентов за 1907 год значился Человек с крысами (его настоящее имя – Эрнст Лерс), а с 1910 года там появились записи, посвященные Сергею Константиновичу Панкееву, прозванному Человеком с волками. Он родился 24 декабря 1886 года (по григорианскому календарю) в поместье своих родителей где-то на берегах Днепра и принадлежал к тем представителям русской аристократии, которые жили, повелевая другими, и не представляли себе другой жизни; они научились сами одеваться и обслуживать себя только тогда, когда их принудили к этому изменившиеся политические и экономические условия. Будучи сыном богатого по-

мещика, он мог позволить себе длительные и дорогостоящие путешествия, в которых его всегда сопровождали личный врач и доверенное лицо; но после Октябрьской революции он потерял все свое состояние и превратился в нищего эмигранта, человека без родины, нашедшего приют в Австрии – стране, по которой еще совсем недавно он проезжал, как настоящий принц. В своих воспоминаниях Панкеев писал: «Наше финансовое положение было настолько тяжелым, что нам просто нечем было бы платить за жилье, если бы не профессор Фрейд, которому время от времени удавалось доставать для нас с помощью пациентов-англичан английские книги для перевода...» После курса психоанализа он вернулся в Одессу, где оставался до самой революции. По возвращении сына домой его мать, по существовавшему обычаю, заказала молебен, в котором имя профессора Фрейда конечно же не было забыто. «Таким образом она хотела выразить ему свою благодарность за мое удачное излечение, и православный поп торжественно возносил молитву за благоденствие Сигизмунда», – писал Панкеев.

По словам Фрейда, этот человек стал для него «неотъемлемой частью психоанализа».

Густав Малер

Попытка составить полный список фрейдовских пациентов относится скорее к области желаемого, нежели реально достижимого: многого нам просто не хватает, каких-то записей вообще не существовало, часть исчезла, некоторые упоминания разбросаны по крупичкам в обширной переписке или осели в остающихся до сих пор неизданными архивах Фрейда, которые хранятся в Нью-Йорке и Лондоне и к которым нет доступа. Тем не менее, изучив попавшие в наше распоряжение документы, мы смогли установить, что с 1905 по 1920 год среди пациентов Фрейда были: мальчик из Гёрлица; некий пациент со случаем «острой паранойи»; один фетишист; маленький бесцветный человек – ярко выраженный меланхолик, который был

не кем иным, как Эйзенбахом, лучшим венским комиком того времени. Помимо них доктора посетили Альберт Гирст, племянник Эммы Экштейн, Хелен Дойч и Джонс со своей подругой Лу Канн. Три недели у него находился Ференци, и всего один летний вечер провел вместе с доктором Густав Малер.

Прогуливаясь вместе с Фрейдом по улочкам голландского города Лейдена, где профессор проводил отпуск вместе с семьей, Малер неожиданно для себя самого постиг тайну своего творчества, узнав, с чем связано то, что в решающие, драматические моменты создания его произведений у него в мозгу почти всегда возникала простенькая, всем хорошо известная мелодия... Причина этого крылась в том, что ребенком он часто бывал свидетелем родительских ссор, которые приводили его в такой ужас, что он всегда убегал из дома на улицу, где шарманщик наигрывал популярную в Вене песенку: «Ах мой милый Августин». Таким вот образом драматичность ситуации навсегда связалась в его душе с этой мелодией.

Бруно Гётц

Среди бессмертных ликов египетских богов, статуй греческих героев и китайских фигурок в приемной Фрейда, больше походившей на археологический музей, чем на кабинет врача, часто появлялись люди, приходившие туда, чтобы доверить доктору свои самые неприличные воспоминания, нарисовать самые немислимые картины, создаваемые их воображением, и представить свидетельства дьявольской работы подсознания. Побывал в этой приемной и молодой поэт Бруно Гётц, сын морского офицера, позже преподававшего в военно-морском училище Риги. Бруно приехал в Вену, чтобы посещать лекции Леопольда фон Шростера по «Бхагавадгите». За один сеанс Фрейд излечил этого молодого человека от жесточайших приступов головной боли. В своих воспоминаниях о Фрейде Бруно Гётц писал: «Это один из тех чудо-лекарей, подобных которому можно встретить в Индии. Ему не нужна никакая методика, он мо-

жет произносить какую-то абракадабру, но ты при этом начинаешь чувствовать себя все лучше и лучше и становишься практически здоровым».

Сабина Шпильрейн

Приходила в эту приемную и еврейская девушка родом из России, с роскошной косой. Родители отправили ее в Цюрих изучать медицину, и там она прошла курс лечения у Юнга. Произошло это в августе 1904 года. В свои девятнадцать лет Сабина имела формы зрелой женщины и нежную кожу. Юнгу в это время было тридцать. Пылкая натура девушки толкнула ее на попытку совместить два чуждых друг другу мира: мир швейцарского врача и мир истеричных молодых людей со смуглой кожей и черными волосами. Юнг стал ее другом, потом ее «поэтом», как она его называла, то есть любовником. Сабина мечтала о ребенке от Юнга, о новом Зигфриде, сказочном рыцаре... Карл Густав Юнг называл Сабину «египтянкой». Он предал ее, и глубоко обиженная девушка бросилась к профессору Фрейду – «еврею и доброму дедушке», чтобы залечить душевные раны.

Как когда-то Эмма Экштейн сыграла важную роль в истории непростой дружбы Фрейда и Флисса, так Сабина Шпильрейн высветила уже наметившуюся трещину во взаимоотношениях Фрейда с его молодым коллегой Юнгом, в котором он видел своего преемника. 17 января 1909 года он писал Юнгу: «Если я Моисей, то вы будете тем, кто, подобно Иисусу Навину, доберется до земли обетованной психоанализа и покорит ее, тогда как я лишь узрел ее в дали». А в мае все того же 1909 года на сцене появилась Сабина Шпильрейн. В ответ на жалобы девушки смущенный Фрейд говорил, что у него есть все основания думать, что Юнг «не способен на такие легкомысленные и неделикатные поступки».

Между тем Сабина получила диплом врача и приехала в Вену для участия в семинарах и собраниях фрейдовского психоаналитического общества; она находилась в Австрии с октября 1911-го по март 1912 года. Летом 1912 года она вышла замуж за своего кол-

легу-медика, еврея по национальности, доктора Пауля Шефтеля. Узнав об этом браке, Фрейд порадовался, что Сабина смогла частично излечиться от болезненной привязанности к Юнгу, и поделился с ней своими мыслями на этот счет: «Теперь я могу вам признаться, что мне совсем не нравилась ваша навязчивая идея родить Спасителя от смешанного брака. Во время своей антисемитской фазы Бог уже сотворил его, выбрав для этого самую лучшую расу – еврейскую. И пусть это всего лишь мои предрассудки». А 20 апреля 1913 года Фрейд написал Сабине: «Мои личные отношения с вашим швейцарским героем окончательно прерваны. Его поведение было слишком отвратительным. Со времени вашего первого письма мое мнение о нем очень сильно изменилось».

Сабина ждала ребенка, и Фрейд вновь повторил то, что уже говорил при рождении Герберта Графа: малыш должен принадлежать к еврейской среде. Мысль, что эта молодая женщина ждет воображаемого ребенка Юнга, была Фрейду просто невыносима. Это должен был быть его ребенок, ребенок Фрейда! И что удивительно, он вдруг произнес слово «сионист», несвойственное его лексикону. Была ли это метафора или же это был намек на идеологическое и политическое движение Теодора Герцля? «Что касается меня, то, как вы знаете, я уже излечился от всех последствий преклонения перед арийцами, и мне бы хотелось надеяться, что ваш ребенок – если, конечно, родится мальчик – станет сионистом. Нужно, чтобы он был брюнетом или, во всяком случае, стал им. И никаких блондинов!» – писал Фрейд.

Помимо этих слов, которые могут удивить своей резкостью, но которые нужно рассматривать сквозь призму глубокого разочарования Фрейда в Юнге, а также с учетом терминологии, бытовавшей среди ученых девятнадцатого века, у Фрейда вырвалась еще одна фраза, оразившая его глубоко личные переживания, которые он почти никогда не выставлял напоказ: «Мы евреи и останемся ими, все остальные только и делают, что используют нас, никогда не понимая и не уважая».

Осенью 1913 года Сабина Шпильерейн родила дочку и назвала ее Ренатой – от «Ренессанс». Смогла ли она

примириться со своей родной средой? Перестала ли противопоставлять себя ей, как было тогда, когда она с головой ушла в мечты о сказочном немецком рыцаре? А может быть, она просто на свой лад продолжила семейную традицию, разыграв как по нотам повторяющийся из поколения в поколение сценарий?

Сабина родилась в 1885 году в Ростове-на-Дону; она навсегда сохранила память о своем прадедушке-раввине, который в свое время был очень уважаемым человеком в Екатеринославе. Запомнился он ей большим и добрым, всегда одетым в черное. Он обладал даром предвидения и точно предсказал час своей смерти. Прадед решительно воспротивился желанию сына связать свою судьбу с дочерью врача-христианина и вынудил его жениться на еврейской девушке, которую сам ему и выбрал.

«По всей видимости, – писала Сабина в своем дневнике, – мой дедушка всю жизнь бессознательно хранил в себе образ своей первой любви, потому что превыше всего ставил всегда христианскую науку». Он отправил свою дочь (мать Сабины) учиться в христианскую школу, а затем в университет. Боясь полюбить человека, которого не примет ее семья, девушка ответила отказом на предложение о браке молодому человеку не своей веры, и на следующий день бедняга покончил жизнь самоубийством. А дед поступил с ней так же, как в свое время поступил с ним его отец: он сам устроил брак дочери, выдав ее замуж за благочестивого еврея. Она же, видимо, так и не смогла обрести счастье в этом союзе с богатым коммерсантом, от которого вначале родила Сабину, потом еще одну дочь, умершую в младенчестве, и, наконец, троих сыновей: Исаака, Жана и Эмиля.

Но вот пришла очередь Сабины отправляться в университет, в Цюрих. «Думаю, трудно представить себе большую радость, чем та, что испытал мой дед, благословляя мой выбор стать врачом...» – писала девушка. То, что должно было случиться, не заставило себя ждать: Сабина встретила врача-иноверца, и семейная традиция продолжилась. Но, может быть, пытаясь примирить еврея с христианином, Фрейда с Юнгом, Сабина Шпильерейн хотела избавить свой род от висевшего над ним проклятия?

Чем закончилась история Сабины, мы, наверное, никогда не узнаем. Известно лишь, что в 1923 году она вернулась на родину, и до 1937 года имя Сабины Шпильрейн значилось в списке советских психоаналитиков. Но за год до этого психоанализ был объявлен Сталиным вне закона. Не погибла ли она в водовороте сталинских чисток, как предполагают некоторые исследователи?

Евгения Сокольницкая

В первые годы двадцатого столетия вокруг Вены и Фрейда вращалось множество людей, чьи судьбы причудливо переплетались; эти люди видели друг друга на Берггассе, сидели рядом в венских кафе «Ронахер» и «Альзерхоф» и ресторане «Старая сорока». Пересеклись ли там пути аристократки царских кровей Луизы фон Саломе с еврейкой из России Сабиной Шпильрейн? И встречались ли они обе с полькой Евгенией Сокольницкой, которая вначале с Юнгом, а потом с Фрейдом открывала для себя психоанализ, пыталась привить его во Франции, а потом трагически ушла из жизни?

Евгения Сокольницкая-Кутнер родилась в 1884 году в семье польских евреев – людей образованных и активно участвовавших в политической жизни своей страны. Ее дед по отцовской линии служил офицером в повстанческой армии, сражавшейся против царизма во время восстания 1830 года, а мать была столь заметной активисткой этого движения, что хоронили ее как национальную героиню. Евгения училась в Сорбонне; познакомившись с психоанализом, вначале она стала ученицей Юнга, а в 1913 году приехала к Фрейду, чтобы пройти у него психоаналитическое обследование. Вернувшись в Польшу, она попыталась заняться там медицинской практикой и познакомить своих соотечественников с методами психоанализа, но успеха не добилась. В 1921 году Фрейд, желавший приобщить Францию к своему открытию, отправил Евгению в Париж, но и там ее успехи оказались более чем скромными. К новой теории проявили интерес французские писатели из «Нувель Ревю Франсез» – Андре Жид, на-

пример, прошел у Сокольнической психоаналитическое обследование, которое описал потом в своем романе «Фальшивомонетки», но медицинский мир встретил ее весьма настороженно. Евгения Сокольницкая приняла активное участие в создании Парижского психоаналитического общества и стала его вице-президентом. 19 мая 1934 года она покончила с собой, отравившись газом, в квартире, которую предоставил в ее распоряжение один из ее учеников, видный деятель реакционной монархической организации «Аксон Франсез» Эдуард Пишон.

После 1920 года в расположенной в двух шагах от Берггассе гостинице «Регина» все больше и больше останавливалось учеников, а не пациентов Фрейда, они съезжались в Вену отовсюду, чтобы под руководством старого профессора-еврея приобрести новую специальность.

Абрам Кардинер, Мария Бонапарт, Смайли Блантон, Хилда Дулиттл и Джозеф Уэртис в своих дневниках оставили тысячи деталей, воспроизводящих повседневную жизнь приемной Фрейда: не забыты в них ни серый плед на кушетке, ни открывавшая дверь горничная Паула, ни толкования Фрейда; особое внимание уделено в них жестам доктора, его движениям – быстрым, словно птичьим, и одновременно ловким и изящным, так что казались почти женственными; отразились в этих записях и упоминания о мимолетных встречах на лестнице с другими пациентами или с Мартой, направлявшейся куда-то с корзинкой в руке... Но обо всем этом мы поговорим в следующей главе нашего повествования.

Несмотря на то, что во время нашей прогулки, читатель, нам часто встречались пациенты, принадлежавшие к еврейской нации, это совсем не значит, что они составляли большинство клиентуры Фрейда, да и вообще невозможно вычислить их процент среди всех, кто приходил к доктору в течение пятидесяти лет. Просто благодаря своему положению в венском обществе – в общественно-политической или артистической сфере, а также благодаря тем произведениям, которые создали

они сами или их близкие, эти люди обращали на себя внимание чаще, чем остальные. Но из этого совсем не следует, что Фрейд притягивал к себе исключительно евреев. К нему приходило множество людей творческих профессий, представителей интеллигенции, но были среди его посетителей и гораздо более скромные и менее образованные люди; их объединяло то, что все они страдали от психических травм и, приходя на Берггассе, рассчитывали восстановить душевный покой.

Вводя в наше повествование всех этих мужчин и женщин только из-за того, что в течение нескольких часов они вдыхали запах душистых сигар Фрейда, мы рискуем оставить в тени большую часть их жизни. Попытавшись же вывести их из-за закрытых дверей фрейдовского кабинета, где они подвергались психоанализу, чтобы добавить о них что-то еще, мы вновь столкнулись с необходимостью заговорить о самом Фрейде, ведь, рассказывая о своих пациентах в письмах и книгах, он таким образом рассказывал о себе самом, как будто каждый из тех, с кем он соприкасался, олицетворял собой его собственные мечты и чувства, сомнения и ошибки и вписывал свою главу в создаваемую им теорию.

Думается, что и мы, пытаясь понять этих людей, в свою очередь, открываем что-то в себе.

Но ведь эти Эмма, Ида, Генрих, Герберт, Сергей, Бруно и Сабина в первую очередь существовали для самих себя, не так ли? Так по какому же праву мы «роемся в их белье»? Неужели только из-за того, что однажды они пришли к Фрейду, чтобы связать в одну цепь свои и его ассоциации, они стали принадлежать не только себе, но и всем нам? Конечно же, эти люди и их жизнь будят в нас не только инстинкт Шерлока Холмса, они также вызывают у нас и нежность, и грусть, и то особое романтическое чувство, которое, будучи детьми, мы испытывали к некоторым сказочным и литературным героям.

А те из нас, кто по каким-то своим – эстетическим или глубоко личным – мотивам хотел бы причислить себя к этому воображаемому венскому семейству, могут дополнить «фрейдовскими портретами» свой семейный альбом.

НА КУШЕТКЕ ПРОФЕССОРА ФРЕЙДА (1913–1939)

После произведений Агаты Кристи, Д. Г. Лоуренса, Альфреда Хичкока и Конан Дойла «Восточный экспресс» вызывает у нас ассоциации прежде всего с таинственными убийствами и откровенными эротическими сценами, но оказывается, что в 20–30-х годах двадцатого века этот волшебный поезд, украшенный резьбой по дереву в стиле Ар-деко, мозаикой Рене Лалика и лаковой китайской живописью, часто привозил к Фрейду его пациентов. Они ехали к нему из Америки, Англии, Швейцарии и Франции, пересекали в разных направлениях Центральную Европу, чтобы улечься на кушетке в полумраке его кабинета на Берггассе. Пусть не все из этих мужчин и женщин могли позволить себе путешествие в шикарном спальном вагоне международных экспрессов, но те, кто ездил в них, возможно, видели в вагоне-ресторане за соседним столиком Жозефину Бейкер или румынского короля Кароля и его любовницу Магду Лупеску. О чем думали они, наблюдая за мелькавшими за окном лесами и озерами, горами и огнями вокзалов? Чего ждали от своего путешествия эти иностранцы, расположившиеся на роскошных диванах из ценных пород дерева с искусной инкрустацией в виде листьев и цветов?

Юные жительницы Вены, благодаря которым более века назад Фрейд создал психоанализ, даже не подозревали о том, что, беседа с этим странным докто-

ром при помощи обычных слов, они говорили с ним о своем бессознательном, о своем «эдиповом комплексе», о своем сверх-Я. Они вносили свою лепту в развитие психоанализа, даже не догадываясь об этом, подобно тому, как мольеровский Журден не знал, что всю жизнь говорил прозой. Позже, когда улица Берггассе стала столь же известной, как Бейкер-стрит, где жил Шерлок Холмс, путешественники и путешественницы, сходявшие с поезда на венском вокзале, спешили к старому профессору, чтобы получить от него хотя бы крупицу его нового знания, надеясь на чуть ли не мистическое приобщение к психоанализу. И пусть они не страдали так же, как первые больные Фрейда, подверженные истерии, например, Человек с волками или Человек с крысами, но они хотели избавиться от другого – от незнания. И Фрейд, который в молодости любил представлять себя Фаустом, устремившимся на поиски никому не ведомого знания, став старше, видимо, легко мог вообразить себя таким Мефистофелем, открывающим заветные врата «обители Матерей» своим молодым ученикам, приехавшим к нему перенять его колдовское мастерство.

У каждого из тех, кто решался на поездку в Вену, был свой побудительный мотив. Кое-кто из женщин приезжал туда, чтобы найти в лице Фрейда овеянный славой образ отца. «Всю свою жизнь, – писала в дневнике Мария Бонапарт, супруга греческого принца Георга, – я больше всего дорожила мнением нескольких «отцов», любовь и одобрение которых стремилась завоевать, причем выбирала для себя я этих «отцов», руководствуясь все более и более высокими требованиями; последним из них стал мой великий учитель Фрейд». Главное, от чего она стремилась излечиться, так это от своих любовных проблем, она хотела найти «тот единственный пенис» и достичь «нормального оргазма». Перекопать землю и с корнем вырвать все сорняки – такова была цель американской поэтессы Хилды Дулиттл. Ей нужен был «акушер» для ее души, мудрый человек, «папочка, папуля, дедушка». Она ехала к Фрейду, чтобы признаться ему в своих дочерних чувствах, и была страшно удивлена, когда тот истолковал ее привязанность к нему таким образом, будто

она видела в нем не отца, а мать. Фрейд признался ей: «Нужно, чтобы я сказал вам это, – вы были откровенны со мной, и я отплачу вам той же монетой, – я очень не люблю выступать в трансферах в роли матери. Для меня это всегда неожиданность и даже шок, поскольку сам я чувствую себя настоящим мужчиной».

Американский психиатр Абрам Кардинер, еврей по национальности, решил потратить свои последние средства на то, чтобы подвергнуть себя психоанализу для проверки своей профессиональной пригодности. Психоанализ, по его мнению, должен был повысить его квалификацию и одновременно помочь ему самоутвердиться и побороть наконец страх перед отцом – ярко выраженным холериком, всегда наводившим на него ужас; свои чувства к нему Кардинер путем трансфера перенаправил на Фрейда. А доктор Смайли Блантон, южанин и строгий пресвитерианец, считавший Фрейда больше «творческой личностью, чем ученым», приехал к нему потому, что только ему, ему одному он мог рассказать о своей неуверенности в этой жизни, о своих гастрономических маниях, о своей повышенной чувствительности к шуму. Он хотел показать доктору, каким образом он попытался побороть свои слабости, «призвав на помощь подсознание». Перед самым началом сеанса психоанализа на Блантона вдруг напал страх. Его первый визит к Фрейдю был назначен на пятнадцать часов, с самого утра он порезал палец и весь день страдал от сильнейших приступов колита. Несмотря на все принятые им меры предосторожности, такси доставило его на Берггассе с небольшим опозданием. Не было ли это первым признаком той агрессивности, которая мешала ему найти общий язык с доктором в течение всего сеанса?

Обычно Фрейд отправлял пациенту письмо, написанное от руки, с указанием дня и часа первого сеанса. Так, в конце апреля 1921 года Кардинер получил следующее приглашение:

«Дорогой доктор Кардинер,

Я счастлив принять вас для проведения психоанализа, тем более что доктор Х. В. Фринк отрекомендовал мне вас с самой лучшей стороны... Прошу вас быть в Вене первого октября, поскольку график сеансов я буду

составлять сразу же после возвращения из отпуска. Прошу вас заблаговременно подтвердить мне ваше намерение приехать и сделать это, скажем, в начале сентября. За свои услуги я беру по 10 долларов в час, что составляет примерно 250 долларов в месяц, и прошу выплачивать мне мой гонорар наличными, а не чеками, поскольку чеки я смогу обменять только на кроны.

Если вы знаете немецкий язык, то это будет весьма полезно для нашего психоанализа, и вы сможете поработать здесь в нашем Международном психоаналитическом издательстве.

С наилучшими пожеланиями, искренне ваш, Фрейд».

В «черной тетради», в которой Мария Бонапарт вел учет своей переписки с Фрейдом, она записала, что получила от Фрейда «официальное, отпечатанное на машинке письмо», в нем он сообщал, что будет принимать ее ежедневно в 11 часов утра и что она сама вольна решать, когда закончить лечение.

Окружение человека, принявшего решение подвергнуться психоанализу у самого создателя этого метода, часто весьма настороженно встречало этот шаг. Узнав об этом решении Марии Бонапарт, ее муж и любовник сразу же забеспокоились, они почувствовали себя в опасности. И близкий друг Хилды Дулиттл писатель Д. Г. Лоуренс был «инстинктивно настроен против Фрейда», а еще один ее друг – американский поэт Эзра Паунд – написал ей по этому поводу без всяких обиняков: «Твой ужасный Фрейд ассоциируется у меня исключительно с сивухой, но эти дураки-христиане вечно предают забвению всех своих лучших авторов... вместо того, чтобы наслаждаться наследием Данте... ты ошиблась свинарником, моя дорогая. Но у тебя есть еще время выбраться оттуда».

Чтобы провести в Вене несколько месяцев, необходимо было найти там жилье. Большинство учеников Фрейда останавливались в гостиницах: принцесса Бонапарт, конечно же, жила в самом шикарном отеле – «Бристол», расположенном на Кернтнерринг рядом с Оперой и гостиницей «Захер» – излюбленным местом встреч аристократии. Принцессе нравилось мес-

тоположение гостиницы, но номер, который она занимала вместе с сопровождавшей ее горничной Соланж, казался ей чересчур мрачным. Для доктора Смайли Блантона эта гостиница была слишком шумной, но главное, видимо, слишком дорогой, поэтому он останавливался в пансионе «Атланта», где его соседями были двое его соотечественников – доктор Липман и доктор Эдит Джексон, с которыми он любил побеседовать между сеансами психоанализа и уроками бальных танцев.

Лу Андреас-Саломе проживала в «Зита-отеле», откуда было недалеко до дома Фрейда и до психиатрической клиники, где он читал свои лекции. В двух шагах от этой гостиницы находился ресторан «Старая сорока», куда «фрейдовцы» любили зайти после лекций и вообще часто собирались по любому поводу. Лу нравилось проводить вечера в ее гостиничном номере – № 28, его окна выходили на бескрайние венские сады. Многочисленные горшки с цветами украшали комнату Лу, а по утрам она просыпалась от щебета птиц.

Абрам Кардинер вначале остановился на квартире, которую по его просьбе нашел для него один из друзей, располагалась она в доме № 24 по Шоттенплац, в двух шагах от Берггассе. Через два дня доктор Кардинер съехал оттуда из-за не дававших ему спать клопов и обосновался у семейства Франкель, проживавшего на Эслинггассе, в первом округе Вены, в самом центре города. Хозяин дома, желавший знать, с кем он имеет дело, однажды поинтересовался у постояльца, чем тот занимается. Кардинер ответил, что он врач и коллега профессора Фрейда. «Профессор Фрейд? Никогда не слышал о таком профессоре», – заметил хозяин. «Он профессор Венского университета», – уточнил Кардинер. «Странно, – проговорил господин Френкель, – мой зять тоже профессор, он гинеколог, но я никогда ничего не слышал от него о профессоре Фрейде. И все же это имя мне почему-то знакомо. Подождите минутку, по-моему, я вспомнил». Он скрылся за дверь, но почти сразу же появился вновь, листая маленькую синюю книжечку, и, найдя нужную страницу, прочитал: «Фрейд, Зигмунд, Берггассе, дом № 19». Оказалось, что они оба были членами еврейской либе-

ральной организации «Бнай Брит». Когда Кардинер рассказал Фрейду об этом диалоге, тот рассмеялся: «Нет пророка в своем отечестве!»

Большинство же иностранных друзей, учеников и пациентов Фрейда находили приют в ближайшей от его дома гостинице «Регина», расположенной на Фрейхейтцплац – площади, ныне носящей имя Рузвельта. В мрачные 1933–1934 годы в этой гостинице останавливалась Хилда Дулиттл, в ее комнате с тяжелыми зелеными шторами помимо уютного кресла такого же зеленого цвета находились туалетный столик, в изголовье кровати – ночник, накрытый бледно-розовым абажуром, и стол, на который она поставила календарик. Она считала дни и недели своего лечения психоанализом, зачеркивая, словно школьница, клетки в календаре, отмечая прожитое время.

Когда однажды Хилда сдавала ключ от своей комнаты портье, тот задержал ее вопросом: «Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о господине профессоре?» И добавил: «И о жене господина профессора, она замечательная женщина!» Хилда ответила, что она никогда не видела Марту Фрейд, но слышала от профессора, что та была для него идеальной женой. Лучшего комплимента просто невозможно было придумать. Тогда портье произнес: «Вы знаете Берггассе? Так вот, после того как... я хочу сказать, когда профессора больше не будет с нами, эту улицу будут называть Фрейдгассе». Но голос этого портье не был услышан жителями Вены. Лишь в 1969 году появилась Ассоциация Зигмунда Фрейда, а в квартире, которую в течение почти полувека занимал создатель психоанализа, был открыт музей. Очень долго дом № 19 по Берггассе не вызывал у венцев никаких ассоциаций, этот адрес ни о чем не говорил даже венским таксистам. А когда наконец публика смогла увидеть кабинет доктора Фрейда, на его отциклеванном и тщательно натертом паркете не осталось и следа от знаменитой фрейдовской кушетки.

Летом Фрейд принимал пациентов не в кабинете на Берггассе, а в загородном доме, который его семья снимала на сезон отпусков либо в лесах Берхтесгаде-

на, либо среди холмов в венском предместье Гринзинг. В этих летних резиденциях сад заменял пациентам комнату ожидания, и они частенько встречали там госпожу Фрейд. Смайли Блантон начал свои психоаналитические сеансы в сентябре 1929 года; прежде чем познакомиться с кабинетом Фрейда на Берггассе, он открыл для себя маленькую виллу, спрятавшуюся среди елей в семи километрах от Берхтесгадена, будущей резиденции Гитлера. Блантон вспоминал, как однажды увидел в саду за столиком Марту Фрейд, она перебирала фасоль для ужина. В своем дневнике он отметил, что у Марты был красивый рот и доброе лицо.

Когда в 30-х годах Блантон вновь стал приезжать к Фрейду на несколько недель в год, то посещал он уже венское предместье Гринзинг. Фрейд принимал там своих учеников и пациентов на первом этаже небольшого домика, стоявшего чуть поодаль от дороги и обнесенного оградой; позади дома был большой сад. И там тоже Смайли Блантон встретил однажды фрау Фрейд, она сидела и шила, вся она была воплощением достоинства, доброжелательности и одновременно застенчивости. Они обменялись парой слов на английском языке. Вспомнив Берхтесгаден, Марта похвалила красоту этого места, а потом с глубоким вздохом добавила: «А теперь там резиденция Гитлера!»

Джозеф Уэртис также повстречал однажды супругу профессора и запомнил ее седовласой женщиной, вязавшей под сенью деревьев. Он направился было к дверям дома, но служанка попросила его обождать в саду, поскольку доктор всегда строго придерживался графика приема. Ровно в пять часов из дома вышла молодая женщина, чуть косоглазая, Джозефу показалось, что она американка. Взяв шляпку, женщина ушла. Сразу же после этого на веранде появился Фрейд и направился к Уэртису.

Прогуливаясь по этому саду в ожидании приема, Смайли Блантон часто развлекался тем, что рассматривал окружавший его пейзаж. По его подсчетам, сад имел около сорока пяти метров в ширину и девяносто в длину. Травка, покрывавшая лужайку, казалась густой и мягкой, вокруг росло множество деревьев. Время от времени до Блантона долетали обрывки разговоров,

которые вела между собой прислуга на кухне. Кабинет Фрейда, расположенный в западном крыле дома, выходил на террасу и был виден с того места, где Блантон ожидал своей очереди. В противоположность зимнему кабинету Фрейда, загроможденному коврами и предметами старины, комната, где он принимал летом, поражала простотой обстановки. На полу кроме маленького половичка ничего не было; рядом с письменным столом, у стены – удобная кушетка с накинутыми на нее покрывалами и шалью из мягкой шерсти, свернутой в несколько раз и уложенной на уровне головы. За кушеткой – кожаное кресло с прямой спинкой, на котором устраивался Фрейд, чтобы выслушивать своих пациентов.

Посетители Берггассе

Когда отпускной сезон заканчивался, Фрейд переезжал в город в свою квартиру на втором этаже дома № 19 по Берггассе: апартаменты, которые он занимал вместе со своей семьей, выходили в сад, а со стороны двора находился его кабинет, где он работал в окружении книг и древностей и принимал пациентов. Сколько же мужчин и женщин спустились по этой крутой улице, направляясь к Фрейду со стороны Рингштрассе и Вотивкирхе, или, наоборот, поднялись по ней от Тандельмаркта – блошиного рынка? Дом № 19 стоял в самой пологой части улицы среди других таких же тихих и респектабельных домов. Его здание было построено в конце девятнадцатого века и выглядело довольно массивным: фасад, нижние этажи которого были выдержаны в стиле ренессанс, по верху был украшен неоклассическими элементами: львами, гирляндами и фигурами античных героев. Фрейд жил в этом доме вместе со своей семьей с 1891 по 1938 год, и в течение сорока семи лет десятки и десятки пациентов, а также учеников и последователей приходили сюда, чтобы рассказать «столько секретов, сколько никогда не слышала ни одна исповедальня».

После Элизабет фон Р., дамы, прищелкивавшей при разговоре, английской гувернантки, Эммы Экштейн,

Доры и многих других пациентов, страдавших от реминисценций, болезненных симптомов и страхов, на психоанализ к Фрейду стали приходить те, кто хотел понять, как функционирует человеческая психика, и кто решил начать процесс познания с погружения в собственное подсознание. Первым, в 1911 году, к Фрейду прибыл доктор Бьерре из Швеции, потом – в 1912–1913 годах – Лу Андреас-Саломе, с которой Фрейд вел активную дружескую переписку в течение четверти века. 9 февраля 1913 года она записала в своем дневнике: «Провела у Фрейда несколько долгих часов. Ушла с букетом розовых тюльпанов и охапкой сирени». Запись от 13 февраля 1913 года: «Ужинала у Фрейда. Еще до того, как сели за стол, он начал говорить о Тауске. Долго сидела в рабочем кабинете Фрейда, поздно вечером он проводил меня домой; мы беседуем о глубоко личных вещах и прекрасно понимаем друг друга».

В 1913 году осваивала у Фрейда новую специальность Евгения Сокольницкая-Кутнер; в 1914 году его посетил его будущий последователь Людвиг Екельс, а в 1915 году три недели провел у него Ференци. Год окончания Первой мировой войны свел Фрейда с Максом Эйтинггоном, молодым врачом из России, в течение нескольких недель они вместе гуляли по улочкам Вены, и во время этих прогулок Фрейд ввел молодого человека в мир психоанализа. Эйтингон стал основателем Психоаналитического общества в Палестине. Бывал у Фрейда и художник Шмуцер. В 1919 году на семь недель к нему приезжал Дэвид Форсайт, кроме того, его посетил один американский дантист, прибывший по рекомендации Джонса. В отличие от большинства других американцев он платил только половину установленного тарифа, то есть пять долларов. По мнению Фрейда, это «было совершенно справедливо, поскольку американцем он был только наполовину, а на вторую половину – венгерским евреем».

В 1921 году Фрейд брал примерно по десять учеников в день. Свое время он делил между американцами Кларенс Оберндорф, Полоном, Блумгартом, Мейером и Абрамом Кардинером, а также англичанами Джеймсом и Аликс Стрейчи и Джоном Рикманом. Из-за на-

плыва желающих побывать у него на приеме и по совету своей дочери Анны, а также обнаружив, что бх5 равно 5х6, Фрейд решил принимать не по пять человек шесть раз в неделю, а по шесть человек, но только в течение пяти дней. В 1922 году он сократил свой рабочий день до восьми часов психоанализа и пообещал своему другу патеру Пфистеру – они активно переписывались – никогда больше не брать по девять пациентов в день. В том же году он принимал у себя доктора Х. В. Фринка из Нью-Йорка, которого очень ждал; по возвращении на родину тот рассорился со своими коллегами-психоаналитиками и закончил дни в клинике для умалишенных. Приезжала к Фрейду и Джоан Ривьер. В 1923 году почти ежедневные визиты к хирургу Пихлеру и частые рентгеновские обследования помешали Фрейду принимать пациентов.

«Никогда ни из-за одного любовника мое сердце не билось так сильно, как в тот день, когда я поднималась по Берггассе, – рассказывала Мариза Шуази, приехавшая в 1924 году к Фрейду из Парижа. – Полторы тысячи километров! Проехать полторы тысячи километров, чтобы добраться до Берггассе, лечь на кушетку и не проронить ни слова!» Фрейд терпеливо ждал, и тишина, царившая в комнате, связывала Маризу и ее психоаналитика гораздо надежнее, чем тайна двух сообщников. Фрейд смог очень быстро расшифровать сон своей пациентки, раскрыв таким образом неизвестную ей семейную тайну. Молодая женщина бросилась обратно в Париж проверять эти догадки и, придя в ужас от обнаруженного «скелета в шкафу», наличие которого предсказал ей Фрейд, в Вену больше не вернулась.

В 1925 году Фрейда посетили профессор Танзли и граф Кайзерлинг, последнего он перенаправил к Карлу Абрахаму, а 30 сентября приехала «его принцесса» Мария Бонапарт. Во время первого же сеанса Фрейд предупредил ее: «Мне семьдесят лет. Я никогда не жаловался на здоровье, но сейчас у меня появились кое-какие маленькие проблемы... Именно поэтому я вас предупреждаю: вы не должны слишком привязываться ко мне». А греческая принцесса разрыдалась и призналась ему в любви. «Какое счастье услышать такое в

семьдесят лет!» – воскликнул Фрейд. Она повстречала своего Учителя. Он нашел в ней фею, которая скрасила его старость. Из его «детей»-психоаналитиков она стала самой яркой его последовательницей. Для того чтобы претворить в жизнь свои мечты, у нее были деньги, энергия, авторитет и неиссякаемая потребность завоевать любовь и одобрение последнего из выбранных ею для себя «отцов». Она дарила ему его любимые сигары и прекрасные антикварные вещи, потакая двум его неисправимым «дурным привычкам».

К психоаналитической империи Фрейда, включавшей в себя уже достаточно много стран, Мария Бонапарт – последняя из рода Бонапартов и внучка Наполеона – присоединила парижскую «вотчину», которая долгое время оставалась неприступной. Вопреки воле Фрейда она выкупила и сохранила его драгоценные письма к Флиссе – настоящую летопись зарождения психоанализа. В 1936 году вдова Флисса продала эти письма некому господину Шталю из Берлина, который предложил их Марии Бонапарт. Фрейд хотел разделить с Марией расходы по их выкупу, он не раз повторял, что ему не нравится мысль о том, что эти письма могут попасть в руки потомков, но это был тот единственный случай, когда Мария не согласилась со своим Учителем. Она настояла на том, чтобы письма были не уничтожены, а опубликованы через восемьдесят или сто лет после смерти Фрейда. Она также попросила у него разрешения прочитать эти письма, и после долгих колебаний, поскольку письма носили сугубо личный характер, Фрейд позволил ей это. Зимой 1937/38 года Мария поместила эти письма на хранение в банк Ротшильда в Вене, но после того, как в марте Гитлер захватил Австрию, она забрала их оттуда в присутствии гестапо и передала в представительство Дании в Париже. В водонепроницаемой упаковке на случай кораблекрушения эти знаменитые письма в конце концов благополучно пересекли Ла-Манш и в 1940 году были переданы в руки Анны Фрейд. Она переписала их и предоставила в распоряжение Эрнеста Джонса, когда тот работал над биографией Фрейда. Перед своей смертью в 1980 году Анна передала письма отца в Нью-Йорк в Библиотеку

Конгресса. В 1950 году часть этой переписки, 168 писем из 284, была опубликована, а полностью эти письма стали известны только в 1985 году, спустя почти столетие после того, как были написаны.

Мария Бонапарт была не просто другом, не просто воплощенной в жизнь мечтой о сказочной принцессе, она была очень ловким дипломатом. Чтобы облегчить Фрейду боли, которые он испытывал из-за развивавшегося у него рака челюсти, она отправила к нему своего личного врача Макса Шура, а когда по Европе начала распространяться гитлеровская чума, Мария Бонапарт спасла своего учителя и его семью. С помощью огромных денег и связей в политических кругах ей удалось переправить семейство Фрейда в Лондон. В Париже, где они увиделись перед тем, как Фрейд отправился в Англию (он всегда мечтал жить именно там), она подарила ему статуэтку Афины, которую контрабандой вывезла из Греции. Дружба Марии Бонапарт не оставила Фрейда даже после его смерти: прах его нашел свое вечное пристанище в подаренной ею на его семидесятипяtilетие греческой вазе. Несмотря на их постоянное общение, Фрейд проводил психоанализ своей «принцессы» урывками, по несколько недель сначала в течение 1925–1926 годов, потом осенью 1927-го, после этого в конце 1928-го – начале 1929 года. Продолжился этот психоанализ, опять же по «кусочкам», во время краткосрочных визитов принцессы в Вену в 1934, 1935, 1936 и 1937 годах.

В кабинете доктора Фрейда

Знали ли они, посетители и посетительницы Бергассе, что ждало их в приемной Фрейда?

А ждали их древнеегипетский бог Гор с головой сокола, Анубис и Осирис – божества подземного царства, воинственная богиня Нейт, бог Пан – мастер сеять панику, Градива, Эдип, сфинкс, крылатая богиня, Силен и кентавр, а также голова римлянина, большой китайский верблюд периода династии Тан, несколько фигурок Будды и сотни других статуэток с застывшими улыбками – они встречали пациентов и последо-

вателей Фрейда и приглашали их к самым разнообразным воспоминаниям из их прошлого.

Переступив порог этой удивительной комнаты, посетители первым делом обнаруживали удобную кушетку, заваленную восточными коврами, шальями и многочисленными подушками. Кушетка была прислонена к стене, на которой висел персидский ковер. Ковры устилали пол и покрывали один из маленьких столиков, все они были выдержаны в багряных, охряных и табачных тонах и как бы подсвечивали эту комнату, в которую не допускался яркий свет. Над кушеткой Фрейд повесил изображение храма Рамсеса II в Абу-Симбел, а справа от него – фотографию своего друга Эрнста фон Флейшля, который ассоциировался у него с греческим храмом. Под фотографией – «Эдип» работы Энгра, разгадывающий загадку сфинкса, и гипсовый слепок барельефа с любимой его Градивой, которая, точь-в-точь как в новелле Йенсена, проанализированной Фрейдом в одной из его работ, «слегка приподняв юбку левой рукой, шла по залитой солнцем улице своей грациозной и неторопливой походкой».

За кушеткой стояло кресло, над ним на стене – две фрески из Помпей, египетский папирус и четыре рисунка юмориста Вильгельма Буша, на которых осел наблюдал за работой художника, цыпленок пытался высвободиться из скорлупы, носорог раздумывал, напасть ли ему на чернокожего охотника, а рыба плевала на муху. В углу на подставке стояла мраморная голова римлянина.

Устроившись на кушетке скорее в сидячем, чем в лежащем положении из-за всех этих подушечек, с разных сторон подпиравших тело, пациент обнаруживал возле своих ног изразцовую печурку, а перед собой видел стеклянный шкаф, на его полках среди множества греческих статуэток выделялись две фигурки богинь, привезенных с Ближнего Востока. Этот шкаф, на самом верху которого лошадь соседствовала с двумя знатными китаянками, располагался слева от раскрытой настежь двустворчатой двери, ведущей в кабинет Фрейда, где он писал свои книги и письма, правил корректуру готовившихся к печати работ и принимал учеников. Через дверь можно было разглядеть и дру-

гие шкафы и столы, заставленные археологическими находками, в большинстве своем – человеческими фигурками, которые когда-то использовались во время погребальных обрядов. Справа от входа, на письменном столе, стоял барельеф из египетской гробницы, относящийся к 1300 году до н.э., на нем стояла женская головка, привезенная с Сицилии, рядом тянулась очередная полка, заставленная вазами и другими штучковинами, а над ней – крылатая китайская лошадь и картина с видом римского Форума.

Удобно расположившись в своем кресле и положив вытянутые ноги на табурет, Фрейд внимательно слушал своих пациентов и одновременно рассматривал деревянные египетские статуэтки, глиняную греческую голову, изображения Будды, кобру – символ власти фараонов, эпизод Троянской войны, запечатленный в мраморе, и среди бесчисленного числа других предметов, найденных при раскопках, особое внимание уделял фигурке богини Нейт, которую воспринимал как иллюстрацию к своей теории детской сексуальности.

Для Фрейда, отправившегося в одиночку на покорение невидимого глазу пространства, лежащего в сфере психики, археология являлась тем мостиком, что был переброшен оттуда в мир реальных, видимых предметов, по которым можно было представить себе и восстановить давние события. Чтобы слушать бессознательное, нужно было закрыть глаза, но Фрейд никогда не мог побороть в себе желание увидеть его. Он окружил себя предметами глубокой древности, этими безмолвными, но зримыми свидетельствами прошлого иных цивилизаций, в надежде сделать осязаемым индивидуальное прошлое находящегося перед ним человека. Археология превратилась в его страсть, она жила в его мечтах, сопровождала его во время путешествий, поселилась в его доме и влияла на его привязанности. Самыми счастливыми людьми на свете он считал Шлимана, нашедшего Трои, которую все считали плодом человеческого воображения, и Винкельмана – основоположника истории искусства и археолога, влюбленного в свою Градиву! В этом волшебном мире, покоящемся на фундаменте его воспоминаний об иллю-

стрированной Библии его детства, он всегда находил ни с чем не сравнимое утешение и отдохновение от жизненных проблем. Начиная с «Этиологии истерии» и до «Конструкций в анализе» Фрейд постоянно обращался к археологии, черпая в ней метафоры, с помощью которых описывал психические процессы. Анализируя особенности психики Человека с волками, он находил в ней черты, характерные для древнеегипетской религии, а объясняя Человеку с крысами разницу между сознанием и бессознательным, начинал рассказывать о развалинах Помпей. Бывало, что во время сеансов Фрейд вставал и брал в руки одну из статуэток, чтобы показать ее пациенту в качестве иллюстрации к толкованию той или иной ситуации.

Выходя из комнаты после сеанса, пациенты могли в последний раз задержать свой взгляд на шкафу с вазами, на котором возвышалась большая раскрашенная фигура Осириса рядом с группой древнеегипетских крестьян (памятник восемнадцатого века до нашей эры), а на стене над ними висела гравюра под названием «Клинические занятия доктора Шарко».

Психоаналитические сеансы

Слева от входа в дом № 19 по Берггассе находилась мясная лавка, на ее вывеске значилось имя владельца – Зигмунд Корнмель. Итак, вначале пациенты Фрейда должны были пройти вдоль витрины мясника с выставленными на ней кровавыми кусками сырого мяса, а потом уже подняться к другому Зигмунду, чтобы раскрыть перед ним кровоточащие раны своей души. Войдя в типичный для того времени довольно обшарпанный подъезд, посетители попадали в широкий коридор, упиравшийся в двустворчатые стеклянные двери с выгравированными на них женскими фигурами в античных одеждах; двери вели во внутренний дворик, где росли старые каштаны.

С правой стороны коридора находилась каменная лестница с широкими ступенями и ажурными перилами кованой стали. Делая плавный изгиб, лестница вела наверх, к квартирам. Поднявшись на площадку

второго этажа, вы оказывались перед двумя дверями: через левую можно было попасть в квартиру, которую занимало семейство Фрейдов, правая вела в личные владения доктора.

Посетителя встречала симпатичная горничная Паула в кокетливом чепчике на волосах и маленьком фартучке, она помогала посетителю снять пальто, которое тут же пристраивала на вешалке, стоявшей в прихожей с правой стороны, и провожала его в комнату ожидания, обставленную в викторианском стиле; из мебели там были канапе, обтянутое красным плюшем, и круглый столик с двумя стульями. Окно украшали длинные кружевные занавески, точно такие, какие можно было увидеть в любой пьесе или фильме, где на сцене или в кадре появлялась «типичная венская комната». На столике рядом с настольной лампой лежало несколько старых журналов и семейный фотоальбом. Абрам Кардинер признавался, что долго рассматривал фотографии, но смог узнать далеко не всех. На стенах в рамках под стеклом висели портреты Хевлока Эллиса, Ганса Сакса, Макса Эйттингона, Шандора Ференци, а также групповая фотография, сделанная в 1909 г. в Соединенных Штатах в Университете Кларка. Несколько дипломов соседствовало на одной из стен с рисунком в стиле Дюрера, изображавшим заживо погребенного. По воспоминаниям Хилды Дулиттл, этот рисунок произвел на нее сильное впечатление. В этой теплой и просторной комнате ожидания (до 1910 года в ней проходили по средам заседания Психологического общества, переименованного в 1908 году в Венское психоаналитическое общество) находилось большое количество книг на разных языках, многие – с автографами и посвящениями авторов. «Ни одна из этих книг не производила впечатления, что ее часто брали в руки», – заметил Джозеф Уэртис с тем оттенком критичности и враждебности, который отличал его отношения с Фрейдом. А между тем там можно было полистать труды Калвертона, Малиновского, Эйнштейна, а также почитать поэмы пациентки Фрейда – Х. Д., именно так подписывала свои произведения Хилда Дулиттл.

Итак, в этой комнате пациенты ожидали своей очереди. Вот как вспоминала о проведенных там минутах перед своим первым сеансом Хилда Дулиттл: «Я знала, что профессор Фрейд откроет дверь, находящуюся прямо передо мной. Я все это прекрасно знала и в течение нескольких месяцев готовилась к этому испытанию, но когда дверь напротив наконец открылась, я все равно оказалась застигнутой врасплох, пришла в замешательство и даже запаниковала».

Словно робот, перешагнула она порог приемной. Дверь за ней закрылась. Фрейд молча ждал, когда она заговорит, но Хилда Дулиттл не могла этого сделать. Она озиралась вокруг. О Фрейде она знала то, что он был целителем душ, а не хранителем музея. Она окинула взглядом многочисленные полки, заставленные сокровищами античного мира, и подумала, что Фрейд – это сфинкс, сфинкс с черепом вместо головы, последний прорицатель, тот, кто мог бы произнести: «Встань, Лазарь!» Она продолжала молчать. И тогда заговорил старый профессор, ему было почти семьдесят семь лет, с грустью в голосе он произнес: «Вы первый человек из тех, кто когда-либо переступал порог этой комнаты, который начал рассматривать находящиеся здесь предметы, даже не взглянув на меня». Оба они, влюбленные в античность, сразу же прониклись взаимной симпатией друг к другу.

В приемной Фрейда Хилду Дулиттл ждало еще одно испытание. Появившись откуда-то из-под кушетки, к Хилде приблизилось маленькое существо с львиной гривой. Женщина стала наклоняться к животному, но Фрейд остановил ее: «Не трогайте собаку, она может укусить – она не любит чужих!» Несколько обескураженная резким замечанием профессора, но не собираясь сдаваться, Хилда присела на корточки: пусть Джофи, собака породы чау-чау, кусает ее, если хочет. Та же обнюхала посетительницу и начала тереться головой о ее руку, выражая тем самым свою симпатию. Таким образом Хилда Дулиттл продемонстрировала, что никакая она не чужая и что «Профессор тоже иногда бывает неправ».

Пятого марта 1933 года, через два дня после начала психоаналитического обследования, Х. Д. так описала

свой сеанс у профессора Фрейда: «Сегодня, лежа на знаменитой психоаналитической кушетке, я вдруг почувствовала запах мяты, и мне показалось, как что-то похожее на эфир окутало мой «больной» лоб. И куда бы теперь ни завело меня мое воображение, я знала, что мне нужно искать, у меня появились опора и цель. Именно здесь, в этом логове таинственного льва, в этой полной сокровищ пещере Аладдина я смогла сконцентрироваться и нащупать нужное направление. Я вновь владею собой, я спасена».

Эта женщина, которая, словно коронованные особы, подписывалась инициалами и которая, ложась первый раз на фрейдовскую кушетку, очень беспокоилась, не будет ли она ей мала, рассказала Фрейду о том удивлении, что она испытала, увидев его в окружении сокровищ, какие бывают разве что в музеях или храмах. Она говорила ему о вещах, которые должны были найти отклик в его собственной душе: Х. Д. посетила Египет в то время, когда там была найдена гробница Тутанхамона, она вспоминала Библию, которую читала в детстве, с иллюстрациями Гюстава Доре... Хилда рассказала доктору, что она часто представляла себя на месте маленького Моисея, выловленного из Нила египетской принцессой, а Фрейд на это заметил, что она наверняка хотела быть мальчиком и мечтала о подвигах. Х. Д. слушала доктора, разглаживая складки на покрывающем кушетку ковре. Клубы ароматного дыма от сигар Фрейда витали над ее головой, доктор непрерывно курил, сидя в своем кресле. Мирная тишина царил в кабинете, шум большого города не долетал туда, поскольку его единственное окно выходило во внутренний дворик с росшими там каштанами. Уютно расположившись на кушетке, полулежа-полусидя, Хилда прямо перед собой видела погруженный в темноту рабочий кабинет Фрейда, одновременно служивший ему библиотекой. Время от времени до ее слуха доносилось потрескивание дров в старой изразцовой печурке, заботливо установленной возле кушетки. Хилда рассказывала Фрейду о своем отце, таком же заядлом курильщике, как он сам, и о своей ма-

тери-художнице, которая писала картины, подобные тем, что Х. Д. видела в ресторанчике недалеко от Берггассе, где она однажды пыталась прийти в себя после психоаналитического сеанса, доведшего ее до слез. Она вспоминала места, где ей приходилось бывать, и людей, с которыми она общалась в детстве и юности, своих друзей – поэтов и художников, свой родной город Бетлехем в Соединенных Штатах, своего ребенка, корабль, поездки, чудесное бальное платье... А печурка отбрасывала мягкий свет, выхватывая из темноты небольшую нишу, заставленную флаконами, эгейскими вазами и другими предметами из разноцветного стекла, слабо поблескивавшими в сумраке кабинета.

Однажды после очередного сеанса Х. Д. забыла маленький зеленый флакончик с нюхательной солью, который всегда держала при себе. Возможно, она «случайно» уронила его на ковер, или же он завалился за одну из подушек, лежавших на кушетке... Фрейд вернул ей потерю с видом «торжествующего насмешника»: «Смотрите-ка! Вы позабыли вот это!» Хилда прекрасно знала символический смысл забывчивости и, забирая свой флакончик, не смогла удержаться от улыбки.

Если ей вдруг случалось взглянуть на часы, она вызвала неудовольствие Фрейда: только ему одному было позволено следить за временем. Чтобы предупредить горничную, что пациент собирается покинуть кабинет, профессор звонил в маленький колокольчик. Движением локтя, напоминающим взмах птичьего крыла, он давал сигнал к выходу. «Мы сегодня занимались очень важными вещами», – говорил он иногда в конце сеанса.

Перед тем как покинуть комнату, Х. Д. сворачивала толстое одеяло серебристо-серого цвета, которое в начале каждого сеанса находила аккуратно сложенным на краю кушетки. В своих воспоминаниях она задавалась вопросом: «Кто же каждый раз так заботливо сворачивал для меня это одеяло: горничная Паула или же бывший до меня на приеме у Фрейда пациент, который, как и я, считал своим долгом свернуть после себя одеяло, прежде чем покинуть кабинет? Передо мной обычно шел Летучий голландец. Подобно любо-

му мужчине, он скорее всего бросал одеяло как попало. Может быть, мне следовало спросить у Профессора, каждый ли из пациентов сворачивал после себя одеяло перед тем как уйти, или это делала одна я?»

Пациенты и ученики Фрейда время от времени пересекались друг с другом на лестнице или в раздевалке. Абрам Кардинер рассказывал, как однажды столкнулся на лестнице со спускавшейся вниз Мартой, шедшей за покупками с корзинкой в руке, а Смайли Блантон вспоминал одну необычную историю. Дело было апрельским вечером 1930 года. Во время одного из сеансов Фрейд оставил свою собаку чау-чау в приемной. Закончив сеанс и проводив до двери пациентку – доктора Эдит Джексон, Фрейд вдруг принялся бегать по комнате, «словно ребенок, ожидавший, что собака бросится его догонять», но дама, обернувшись с порога, позвала собаку к себе, и та застыла на месте, не зная, как поступить. Смайли Блантон, ставший невольным свидетелем этой сцены, увидел в ту ночь во сне свою собственную собаку, она поймала дикобраза и загрызла его.

Хилда Дулиттл каждый раз надеялась на мимолетную встречу в прихожей с Летучим голландцем – Й. Й. ван дер Лиувом. Она любила эти мгновения, когда они просто обменивались взглядами. Мужчина выходил из кабинета и забирал с вешалки свои вещи, она в это время снимала с себя пальто и шляпу. Она находила этого человека весьма элегантным и надеялась, что Бог, наградив его такой приятной наружностью, не обидел и умом. Однажды летом, по обоюдному согласию, они поменялись временем своих сеансов. Поклонившись Хилде, мужчина обратился к ней на немецком языке и в самых изысканных выражениях поинтересовался, не согласится ли *милостивая фрау* всего один раз прийти на свой сеанс в другое время. Она ответила по-английски, что с удовольствием придет вместо него в четыре часа, а он может приходиться в пять, когда обычно начинался ее сеанс. Он поблагодарил ее уже на английском, на котором говорил совсем без акцента. «Это был первый и последний раз, когда я разговаривала с Летучим голландцем». Он разбился на своем самолете где-то в пустыне Танганьики.

Мария Бонапарт также привлекла к себе внимание Хилды Дулиттл. «Вне всякого сомнения, эта одаренная женщина, которую Профессор называет “наша принцесса”, будит у меня живейший интерес и даже зависть. Я совершенно непроизвольно завидую ее положению в обществе, ее умственным способностям и той легкости, с какой она переводит трудный немецкий язык Фрейда, изобилующий научными терминами, но при этом очень изящный, на французский, и перевод, без всякого сомнения, не уступает оригиналу в красоте слога и точности изложения. Я не могу с ней соперничать, и сознательно у меня нет никакого желания делать это, но подсознательно мне очень хочется быть такой же значительной персоной и иметь те же возможности и ту же власть, чтобы оберегать Профессора и делать ему добро».

В этом мирке, где каждый стремился завоевать любовь Учителя и мечтал стать для него самым любимым, эти его «кушеточные дети» сравнивали себя друг с другом, приглядывались друг к другу, мучались ревностью. Мария Бонапарт, например, чувствовала угрозу для себя со стороны другой великосветской дамы царских кровей – Луизы фон Саломе. Однажды Фрейд якобы сказал Марии (возможно, правда, лишь для того, чтобы ободрить ее и сделать ей приятное): «Лу Андреас-Саломе – это сплошной обман. У нее нет ни вашего мужества, ни вашего чистосердечия, ни ваших манер». А вот Кардинеру он совсем иначе и в других выражениях говорил о той, с кем его связывала многолетняя дружба: «Есть люди, превосходство которых нельзя не признать. Они обладают врожденным благородством манер и поведения. Так вот, она – из них».

В 1922 и 1923 годах американцы и англичане, которых Фрейд принимал на своей кушетке, собирались в каком-нибудь из кафе на Верингерштрассе, чтобы обсудить психоаналитические сеансы. Однажды двое англичан, один из них – переводчик Фрейда на английский язык Джеймс Стрейчи, а второй – Джон Рикман, пригласили Кардинера на чашку чая, чтобы задать ему вопрос, который весьма занимал обоих: «Говорят, что Фрейд разговаривает с вами во время сеанса. Как вы этого добиваетесь?» Сами они подозревали,

что их психоаналитик мирно спит у них за спиной. В своем дневнике Кардинер описал этот эпизод и выдвинул предположение, что благодаря этим безмолвным сеансам возникла английская школа психоанализа, для которой главным условием было соблюдение полной тишины!

Другие ученики, напротив, жаловались на то, что Фрейд был излишне разговорчив. Швейцарец Реймон де Соссюр, преклоняясь перед ясностью ума и гениальностью профессора, тем не менее упрекал его за то, что тот не смог отказаться от использования внушения, которое ранее достаточно долго применял в своей практике. «Если он не сомневался в том, что установил истину, то уже не тратил времени на ожидание того, чтобы эта истина сама всплыла в сознании больного; он хотел сразу же убедить пациента в правильности своей догадки и поэтому был излишне многословен». А Джоан Ривьер была поражена опрометчивыми словами Фрейда, заявившего ей в самом начале ее первого сеанса: «Ну что же, кое-что о вас я уже знаю; у вас точно были отец и мать».

В отличие от современных психоаналитиков, придерживающихся в общении с пациентами установки на «доброжелательный нейтралитет», Фрейд без раздумий начинал общаться со своими больными, делился с ними мыслями о тех или иных известных ему личностях или о прочитанных произведениях. Почему он это делал? Из дружеского участия или для ободрения пациента? А может быть, таким образом проявлялся контртрансфер, которому Фрейд не мог противиться и который еще не оценил в полной мере? Или это был хорошо рассчитанный профессиональный прием? Фрейд часто делал маленькие подарки своим пациентам: как-то, в самый разгар зимы, он подарил Х. Д. ветку апельсинового дерева, увешанную плодами, ее привез с юга Франции один из его сыновей. Доктору Блантону он преподнес четырехтомник своих произведений, что вызвало у того серию сновидений, в которых книги Фрейда переплелись с мыслями о войне, взрывчатых веществах и поэзии Шекспира. Услышав от пациента рассказ об этих его сновидениях, Фрейд заметил: «В последние дни ваши сны стали один мрачнее

другого. Этому может быть только одно объяснение, а именно – в вашем отношении ко мне произошли изменения, и случилось это из-за моего подарка». И, возможно во избежание непонимания, добавил: «Этот случай показал нам, какие сложности всегда возникают во время психоанализа из-за подарков».

В ходе своих толкований Фрейд любил рассказать какой-нибудь еврейский анекдот или продемонстрировать одну из статуэток из своей коллекции. Профессор «пригласил меня в соседнюю комнату и показал на предметы, стоявшие на столе», – писала Х. Д. Он дал ей в руки фигурку Вишну из слоновой кости – на голове у бога извивались змеи, потом взял со стола совсем маленькую бронзовую статуэтку Афины в шлеме и доспехах, одна ее рука была вытянута так, будто поначалу она что-то держала в ней. «Это моя любимая статуэтка, – объяснил Х. Д. Фрейд, – она – само совершенство. К сожалению, потеряно копье богини». Он произнес эти слова по-английски, почти без акцента, своим завораживающим, певучим голосом. Хилда Дулиттл ценила сокровища Фрейда, но и десять лет спустя так и не смогла понять смысла этих «походов» в соседнюю комнату. Было ли это развлечением, данью светскому общению или же обдуманном приемом, используемым психоаналитиком в лечении пациента? «Может быть, он хотел увидеть мою реакцию на воплощенные в этих статуэтках идеи?.. Или же просто-напросто хотел дать мне понять, что желает приобщить меня к своим сокровищам, к этим реальным, осязаемым вещам, находящимся у нас перед глазами, которые наводили на мысль о существовании других сокровищ – их нельзя было потрогать руками, но от этого они не становились менее ценными – сокровищ его собственного ума?»

*Выключатель, шахматная партия
и путешествие на поезде*

Медленное тление сигары и распространяемый ею ароматный дым, вдыхаемый посетителями; красные тюльпаны на столе, заставленном древними божест-

вами; пачка писем в прихожей; слегка помятый жемчужно-серый костюм или другой – темный в клетку, нет, скорее в полоску; доллары (а не австрийские шиллинги), купленные в банке «Томас Кук», чтобы расплатиться с профессором; настенные часы, бьющие четыре раза в час; ветка с золотистыми плодами, полученная в подарок зимой; горничная, предлагающая зонтик во время дождя; Фрейд, являющийся во сне то в образе королевы Виктории, то шофера, то злой домовладелицы, а то собора...

Все это смешные случаи, анекдоты и «бури в стакане воды», но они приобщают нас к мелочам повседневной жизни Фрейда и его пациентов, а ведь именно с их помощью и был открыт мир бессознательного и создан психоанализ. Эти мелочи дают нам возможность представить себе хотя бы в общих чертах атмосферу, запахи, жесты и некоторые эпизоды жизни посетителей Берггассе. Благодаря их воспоминаниям и их дневникам, которые они вели во время психоаналитических сеансов, мы можем, ступая след в след за ними, проскользнуть в кабинет Фрейда, ныне лишенный своей первоначальной обстановки (она была вывезена в свое время в Лондон и так там и осталась) и превращенный в музей. В экспозиции этого музея в основном представлены многочисленные фотографии и всего несколько предметов, принадлежавших когда-то хозяину этих апартаментов. Эти мужчины и женщины, писавшие свои дневники за столиком в кафе или в кровати перед сном, возбужденные или, наоборот, подавленные после сеансов психоанализа, рассказали нам о совершенно незнакомом Фрейде, сильно отличающемся от того, которого мы как будто бы знаем. Абраму Кардинеру, сказавшему как-то Фрейду: «Я никак не могу совместить в своей голове ваш образ, тот, что я вижу здесь, в этой комнате, с образом человека, написавшего все эти замечательные книги», профессор ответил: «Лакей никогда не видит в своем господине великого человека».

Профессор совсем не походил на тех психоаналитиков, которых пародисты изображали суровыми, отрезанными и молчаливыми личностями, и некоторые действительно становились такими, но не Фрейд, он

всегда был полон интереса, внимания и уважения к своим посетителям, часто демонстрировал чувство юмора и даже веселость нрава. Правда, порой он бывал нетерпеливым и если вдруг начинал сердиться, то принимался барабанить пальцами по спинке кушетки, стучать кулаком по набитому конским волосом подголовнику или же потрясать рукой с выставленным указательным пальцем над самой головой пациента.

Сам Фрейд не считал себя «великим психоаналитиком». Он даже признавался в том, что интересы пациента всегда был готов принести в жертву своему любопытству ученого. Главным для него было не облегчение страданий больного, а желание найти на практике подтверждение своим научным теориям. Фрейд оставил крайне мало записей по технике своего метода лечения. Описывая процесс психоанализа, он с куда большим удовольствием использовал метафоры, чем длинные и сложные пояснения.

Он любил показывать своим ученикам почтовую открытку, на которой был изображен деревенский мужик, впервые попавший в гостиницу и пытавшийся задуть, словно свечку, электрическую лампочку. «Если вы будете напрямую атаковать симптом, то уподобитесь этому человеку на картинке, – говорил им Фрейд, – а нужно искать выключатель».

Смайли Блантону Фрейд однажды доверительно сказал следующее: «Не надо стремиться сразу все объяснить, причины сами всплывут, когда придет время. Когда кто-то мне что-то рассказывает, я не пытаюсь тут же найти причины этого, я знаю, что со временем они сами появятся. По-моему, Оливер Кромвель говорил: “Особенно далеко заходят тогда, когда не знают, куда идут”. Именно так и бывает в психоанализе».

Психоаналитическое лечение Фрейд сравнивал с игрой, за которой любил посидеть в каком-нибудь венском кафе: «Тот, кто пытается научиться благородной игре в шахматы по книгам, не замедлит убедиться в том, что лишь дебют и финал этой игры поддаются схематичному и довольно полному описанию. Что же касается продолжения партии после дебюта, то из-за огромного разнообразия вариантов ее развития описание ее практически невозможно. Лишь усердно изу-

чая манеру игры великих шахматистов, можно восполнить недостатки собственной техники. Правила, которым подчиняется применение на практике психоаналитического метода лечения, очень похожи на правила шахматной игры».

Обычно, хотя и не всегда, Фрейд принимал пациентов по пятьдесят пять минут, делая между сеансами пятиминутный перерыв. С каждым из своих больных он встречался по пять-шесть раз в неделю. Современная практика приема больных, при которой продолжительность сеанса составляет сорок пять минут – этому правилу подчиняются все члены Международной психоаналитической ассоциации, – установилась, по всей видимости, уже после Фрейда и основывалась на причинах экономического характера. При этом если время сеанса сократилось, то продолжительность психоаналитического обследования в целом значительно увеличилась. Фрейд работал со своими пациентами поначалу по несколько недель, потом по несколько месяцев. Часто первый курс психоанализа соответствовал по времени академическому году или полугодию; некоторые из учеников Фрейда позже время от времени возвращались к нему для прохождения нескольких дополнительных сеансов, если у них появлялась возможность вновь приехать в Вену.

Что же касается использования кушетки – этого символа психоанализа – в качестве главного инструмента лечебного процесса, то он воспринимается теперь исключительно как исторический факт, как напоминание о гипнотическом методе, породившем фрейдовскую систему лечения. Фрейд продолжал использовать эту кушетку, во-первых, из соображений собственного удобства. «Я не выношу, когда меня разглядывают в течение восьми, а то и более часов», – признавался он. А во-вторых, для применения системы «кушетка – кресло» у Фрейда была еще одна, более важная причина, которую он сформулировал так: «Когда во время психоаналитических сеансов я отдаюсь течению своих бессознательных мыслей, я не хочу, чтобы выражение моего лица наталкивало пациента на какие-то идеи или оказывало влияние на то, что

он мне рассказывал». И добавил: «Этот метод, в частности, позволял высветить трансфер пациента».

Характерная особенность психоанализа с самого начала заключалась в такой модели, при которой пациент лежал на кушетке, а психоаналитик слушал его, сидя в кресле вне поля его зрения. Это стимулировало не только процесс трансфера, но и возникновение у пациента «свободных ассоциаций» в форме мыслей и видений, а также позволяло его подсознанию прорываться наружу в виде нечаянно вырвавшейся фразы, возникшего чувства, всплывшего воспоминания или сновидения. Свободный рассказ был той единственной линией поведения, которую Фрейд всячески поощрял и поддерживал. Он называл это «основополагающим правилом». Его требование к человеку, решившему пройти психоаналитическое лечение, заключалось в том, что тот должен был говорить все, что приходило ему в голову, без всяких исключений, не пытаясь придерживаться логики обычной беседы, не приводя в порядок свои мысли, не просеивая свои чувства, не умалчивая о чем-то странном, постыдном или не имеющем, по его мнению, отношения к анализу.

«Вы должны вести себя подобно путешественнику, который сидит в купе поезда возле окна и описывает все, что он видит, тому, кто сидит позади него».

Фрейд обожал путешествовать, открывать новые места, посещать музеи, церкви, памятники древности, но при этом он патологически ненавидел отъезды, всегда боялся опоздать на поезд, очень нервничал из-за этого и в результате каждый раз приезжал на вокзал задолго до отправления поезда. Когда в 1920 году Фрейд стал описывать процесс психоаналитического лечения, он сравнивал его с отправлением в путешествие, причем опирался на свой собственный опыт: «Первая фаза психоанализа очень похожа на подготовку к путешествию, всегда такую сложную и хлопотную, ведь вам нужно купить билет, приехать на вокзал и занять свое место в вагоне поезда. Наконец-то у вас есть полное право и возможность отправиться в путь, но несмотря на всю предварительную подготовку вы все еще сидите на месте и не приблизились к цели своего путешествия ни на один километр. Добавим к

этому, что путь вам придется преодолевать этап за этапом, и такое деление путешествия на кусочки соответствует тому, как протекает вторая фаза психоаналитического исследования».

О чем думали пациенты и ученики Фрейда, садясь в свой поезд на вокзале Вены, чтобы отправиться домой? Стало ли течение их мыслей более свободным, когда на обратном пути они смотрели из окна вагона на пробегающий мимо пейзаж? Удалось ли им во время пребывания в Вене совершить путешествие по просторам собственного внутреннего мира?

А сам Фрейд, проделавший путь из Фрайбурга на Берггассе, каким образом превратился он в путешественника по дорогам бессознательного?

ВЕНСКИЙ ЕВРЕЙ

Счастливое дитя Моравии

Это было время цветения одуванчиков. На полях и на косогорах в долине реки Любины к западу от Фрайбурга росло несчетное множество желтых цветков, которые оживляли мирный моравский пейзаж своими солнечными улыбками. В этот майский вторник 1856 года местная повитуха Цецилия Смолка быстрым шагом пересекла главную площадь городка, в центре которой стояла каменная статуя Пресвятой Девы. Женщина торопилась на Шлоссергассе – Слесарную улицу, получившую свое название из-за того, что на протяжении многих поколений на ней находилась слесарная мастерская семейства Зайицев. Войдя в дом № 117, повитуха попала в узкий коридор, прошла мимо мастерских и служебных помещений, расположенных на первом этаже, – в одной их половине слесарничали и изготавливали ключи Зайицы, в другой – торговали сукном и другими тканями Фрейды, – и, дойдя до конца коридора, поднялась по деревянной лестнице на второй этаж. В единственной комнате своей квартирке ее поджидала юная Амалия Малка Фрейд. После десяти месяцев замужества она готовилась произвести на свет первенца. Амалия вышла замуж в Вене, став женой вдовца, который был старше ее на двадцать лет и, так же как ее отец, носил имя Якоб – библейское Иаков. После свадьбы она поехала за мужем в этот крошечный го-

родишко на самую окраину Австро-Венгерской империи, хотя привыкла к жизни в разных городах, успев пожить в городе Броды, что в Галиции, в Одессе и даже в самой столице Вене.

Колокола церкви Святой Марии пробили половину седьмого, когда на свет появился младенец мужского пола, «черноволосый будто мавр», как отметила про себя растроганная мать. Шейка новорожденного была обмотана пуповиной, что было немедленно истолковано как предзнаменование великой и счастливой судьбы. Сияющая от гордости Амалия назвала сына «мой золотой Зиги» – *mein goldener Sigi*, – и именно так звала его всю жизнь, даже тогда, когда он стал известным и уважаемым ученым. Ребенок унаследовал от матери красивые карие глаза, с живейшим интересом смотрящие на мир, и решительный рот с изящным рисунком полных губ. От отца ему достались овал лица и изгиб бровей.

Якоб Фрейд, уже имевший от первого брака двух взрослых сыновей, Эммануила и Филиппа, дал своему третьему сыну имя собственного отца, умершего за три месяца до рождения ребенка. На странице памятных дат в семейной Библии Якоб сделал две записи древнееврейской вязью. Первая, написанная ровным и четким почерком, гласила: «Мой отец, носивший при жизни имя рабби Шломо, сын рабби Эфраима Фрейда, вступил во врата рая в шестой день недели – в пятницу, в четыре часа пополудни 6 Адара 5(616) года и был похоронен в моем родном городе Тысменица 18 числа того же месяца. Согласно христианскому календарю, отец мой умер 21 февраля и был похоронен 23 февраля 1856 года». Ниже, слегка искаженным от волнения почерком, Якоб записал следующее: «Мой сын Шломо Зигмунд родился во вторник в первый день месяца Йара 5(616) года в половине седьмого вечера, то есть 6 мая 1856 года».

Как следует из продолжения записи, через восемь дней новорожденный был приобщен к еврейскому союзу, то есть подвергнут обряду обрезания, его совершил *mohe!* Самсон Франкль из Остравы. Крестными родителями младенца стали господин Липпа Горовиц и его сестра Мирль, дети раввина из Черновиц.

Этот религиозный обряд состоялся в моравском городке Фрайбурге, и человеком, державшим младенца во время обрезания, – по-древнееврейски этот человек называется sandak – был Самуэль Самуэли.

Зигмунд Фрейд родился в одной из славянских провинций империи Габсбургов и никогда не забывал о самом раннем периоде своей жизни. «Под толстым слоем более поздних отложений во мне всегда жил счастливый Фрайбургский мальчуган, первенец очень молодой матери, вобравший в себя из этого воздуха и земли первые неизгладимые впечатления», – писал он в старости, уже сформулировав к тому времени тезис о ностальгической привязанности каждого человека к потерянному раю своего самого раннего детства.

Во Фрайбурге проживало около четырех с половиной тысяч человек, преимущественно чехов по национальности и католиков по вероисповеданию. Евреев среди них было всего сто тридцать человек, говорили они на немецком языке или на идиш. Для религиозных отправлений им было отведено специальное место, а ближайший раввинат находился в двенадцати километрах от Фрайбурга в городе Нойтитшейн*. Название этого города всплыло в одном из самых ранних воспоминаний Фрейда о моравском периоде его жизни: однажды, ему тогда было около двух лет, он обмочил свою постель, и когда отец начал упрекать его, малыш с юмором ответил, что обещает купить ему в Нойтитшейне новую красивую кровать красного цвета.

Итак, первые три года своей жизни маленький Зиги провел в сельской местности среди деревенских пейзажей, и если не считать его собственную семью, то в его окружении практически не было евреев. В семье же кроме него самого и его родителей были еще два старших брата от первого брака отца, один из них, Филипп, пока не женатый, был ровесником своей мачехи Амалии – им обоим было по двадцати одному году; второй брат, Эммануил, был женат на Марии, дочери раввина, и имел от нее двоих детей – Йоханана (после эмиграции в Англию он, естественно, стал

---

* Ныне г. Нови Йичин (Чехия).

Джоном) и Паулину, которая, как и ее дядя Зигмунд, родилась в 1856 году.

Под присмотром старой няньки, чешки и католички, детвора семейства Фрейдов резвилась на полях и лугах родных просторов. Во Фрайбурге прогулки совершались не в сторону Мезеглиза или к Германтам, а в «высокий пригород», «низкий пригород» или в «Венецию» – часть Фрайбурга, названную так, возможно, из-за домиков с арками, выстроившихся по периметру прямоугольной площади, расположенной в самом центре городка.

Зиги и Джон, малолетний дядя и его старший по возрасту племянник, часто устраивали драки. «[Джон] был гораздо сильнее меня, и с самого раннего детства я научился защищаться. Мы были неразлучны и очень любили друг друга, но при этом, как мне рассказывали, часто ссорились и ябедничали друг на друга», – писал Фрейд спустя сорок лет, когда пейзажи и действующие лица этого самого раннего периода его жизни всплыли у него в памяти во время самоанализа. Соперничество двух мальчуганов, равно как и их дружба, обычно вращались вокруг их сестры и племянницы Паулины. Этот первый треугольник в его жизни стал прообразом модели взаимоотношений взрослого Фрейда с его друзьями и коллегами: Эмма Экштейн и Сабина Шпильрейн будут главными героинями двух эпизодов жизни Фрейда: его дружбы с Флиссом, а позже – с Юнгом.

Фрейд оставил еще одно воспоминание о своем родном Фрайбурге, правда не назвав его: «Я вижу квадратную лужайку на склоне холма, поросшую зеленой травкой, в которой тут и там желтеют головки цветов, по всей видимости обычных одуванчиков. На самом верху холма, где начинается лужайка, стоит деревенский дом, две женщины, оживленно беседуя, остановились у его порога: крестьянка в деревенском платке и кормилица. На лужайке играют трое детишек, один из них – я, мне года два-три, двое других – мой двоюродный брат, он старше меня на год, и его сестра, с ней мы почти ровесники. Мы собираем желтые цветы, каждый уже держит в руках по букету, у девочки он самый большой и красивый, мы же, мальчишки, как по

команде набрасываемся на нее и вырываем цветы. Вся в слезах она бежит по лужайке к дому, и крестьянка, чтобы утешить девочку, дает ей большой кусок черного хлеба. Увидев это, мы бросаем цветы и тоже мчимся к дому, чтобы попросить хлеба, и получаем каждый свою долю: крестьянка огромным ножом отрезала нам по ломтю от каравая. Я на всю жизнь запомнил восхитительный вкус этого хлеба, но на этом мое воспоминание оборвалось».

Фрейд не был завсегдатаем светских салонов, и нежнейший бисквит, пропитанный вином, не вызывал у него никаких ассоциаций, а вот запах ароматного черного хлеба, которым накормила его когда-то моравская крестьянка, навсегда остался в его памяти и тянул за собой другие чувственные воспоминания и мысли о потере девственности и материальном благополучии.

Еще одним участником детских игр Фрейда, дозволенных и запретных, был сын хозяина слесарной мастерской Иоганн Зайиц. До глубокой старости этот человек вспоминал Зигмунда Фрейда, который запомнился ему смелым мальчуганом, веселым и ловким; он часто наведывался в мастерскую его отца и из обрезков жести умудрялся делать разные игрушки. Дом, который семейство Фрейдов делило с семейством Зайицев, находился в двух шагах от церкви, воздвигнутой в честь Рождества Пресвятой Девы. Четырехугольная церковная колокольня со шпилем была самым высоким зданием в их городишке. Моника Зайиц, старая нянька Фрейда, частенько водила мальчика в эту церковь и рассказывала ему о Боге и геенне огненной, также, возможно, об Иисусе Христе и его воскресении на Пасху. В церкви на огромных иконах можно было увидеть волнующие сцены из жизни святых: Иосифа, Марии Магдалины, Гвендолена и Изидора. Справа от главного алтаря хранились реликвии святого Урбана, привезенные когда-то из Рима местным сапожником.

Уже с самого раннего детства Рим стал для Фрейда символом какого-то другого мира, полного очарования и тайны и связанного в его сознании с образом «первого и весьма привлекательного наставника в во-

просах секса». За ностальгией Фрейда по Риму, которую он постоянно испытывал в зрелом возрасте, видимо, скрывалось его желание вновь обрести потерянный мир первых лет его жизни, проведенных в моравской глубинке.

«Когда ты возвращался с прогулки домой, то начинал читать нам проповеди и рассказывать обо всем, что делал Боженька», – вспоминала впоследствии Амалия.

Конечно же, правоверная еврейская семья никогда бы не допустила подобного неблаговидного поведения, но Якоб Фрейд к тому времени уже отошел от традиционного иудаизма.

Странствующий галицийский еврей

Отец Зигмунда Фрейда родился в Галиции в еврейской общине (*shtetl*) города Тысменица. Община эта вела весьма замкнутый и размеренный образ жизни. Будучи молодым человеком, Якоб носил на голове традиционный *streimel* – меховую шапку, вошедшую в историю благодаря его сыну Зигмунду, рассказавшему в главном труде своей жизни – автобиографической книге «Толкование сновидений» эпизод о том, как эта шапка была сбита с головы его отца и сброшена в грязь. Зигмунд полагал, что отец его какое-то время принадлежал к хасидам, но потом отошел от них. Возможно, так оно и было. Хасидизм – религиозно-мистическое движение – довольно поздно пришел в Тысменицу, славившуюся своей *yeshiva* – школой по изучению Талмуда и своими знаменитыми толкователями Библии. И все же новые тенденции развития иудаизма, которые принес с собой девятнадцатый век, не обошли стороной Тысменицу: реформированный и либеральный иудаизм, просветительское движение и «Хаскала»* нашли там свое место.

Дед Зигмунда Фрейда, чье имя – Шломо – он получил при рождении, покинул свой родной городок Бучач в Галиции, где в течение многих поколений про-

---

* Еврейская просветительская организация.

живало его семейство, и отправился в Тысменицу изучать Талмуд в местной школе. Обращаясь к нему, люди называли его рабби, но это отнюдь не значило, что он был раввином, то есть официальным служителем культа еврейской общины, просто таким образом соплеменники отдавали дань уважения его уму и эрудиции. Отец Шломо – Эфраим, прадед Зигмунда, тоже звался рабби.

Помимо идиш Якоб знал еще местное наречие галицийских евреев, а также древнееврейский – священный язык Библии. На старости лет он вновь и вновь перечитывал Талмуд, по-своему толковавший библейские тексты, но столь желанного им звания «рабби» Якоб так никогда и не удостоился. Сознательно или бессознательно, но это, видимо, он направил своего сына Шломо по научной стезе – для поддержания семейной традиции. В еврейских семьях знания всегда считались главной силой иудаизма, они ценились гораздо больше денег и власти. Может быть, создатель психоанализа попытался по-своему воплотить в жизнь желание отца, добившись успехов не в религиозной сфере, а в светской? И не этим ли объясняется его неослабевающий и вместе с тем противоречивый интерес к религии? Не самой ли судьбой было предначертано Зигмунду Фрейду смыть грязь унижения с веры его отца в этом мире неверных и продолжить семейную традицию ученых предков?

Якоб же был простым торговцем, он продавал шерсть, сало, мед, кожу и соль. В юности он работал вместе со своим дедом по материнской линии Авраамом Зискиндом Гофманом. По делам торговли они колесили по дорогам Галиции и Моравии, отдаляясь на шестьсот километров от родных мест. Им приходилось передвигаться в повозках, запряженных лошадьми, поскольку железных дорог в тех местах еще не было. В Моравии они должны были останавливаться в специально отведенных для них постоянных дворах, принадлежавших городской общине, причем вначале им нужно было получить разрешение на то, чтобы их туда допустили. Останавливаться в частных домах евреев не позволялось. Местные власти официально именовали их «странствующими галиций-

скими евреями», им без конца приходилось возобновлять разрешение на проживание в этих местах и, естественно, каждый раз платить пошлину, которая взималась за выдачу этого документа. Чтобы помешать галицийским евреям осесть в Моравии, разрешение на проживание там давалось им только на шесть месяцев в год, остальные шесть месяцев они должны были разъезжать по другим местам или возвращаться на это время к себе на родину.

В «Регистрационном списке иноземных евреев, останавливавшихся во Фрайбурге, и причин их пребывания там» значатся имена отца и прадеда Зигмунда Фрейда. Запись от 14 апреля 1844 года гласит:

«9. Зискинд Гофман

Место рождения: Тысменица

Паспорт: Пока никакого нет, поскольку срок годности имевшегося у меня паспорта истек в марте этого года, этот старый паспорт был отправлен мною в мою родную деревню для получения нового, который пока не пришел.

Продолжительность пребывания до сего дня: я приезжаю в эти места по своим делам на несколько месяцев в год в течение сорока лет. Вначале я чередовался со своим компаньоном Саломо Бритвицем, но вот уже шесть лет моим компаньоном является мой зять Соломон Фрейд, которого часто представляет его сын Кальман Якоб Фрейд. Обычно наше пребывание здесь длится по пять-шесть месяцев, в течение которых мы совершаем частые поездки по различным районам края. В этот раз я приехал сюда после того, как пять недель назад отсюда уехал Фрейд, и, следовательно, нахожусь здесь уже около пяти недель.

Планируемый срок пребывания: до следующего за предстоящими пасхальными праздниками дня, когда сюда вновь вернется Фрейд и примет дела. На это ему понадобится какое-то время, поэтому сейчас я не могу точно сказать, когда я отсюда уеду.

Профессиональная деятельность: торговля различными товарами, как то: шерсть, пенька, сало, мед, пушнина, а кроме того, закупка некрашенных тканей, которые я подвергаю дальнейшей обработке перед продажей.

Наличие квитанции об уплате торговой пошлины: у меня есть квитанция об уплате торговой пошлины в размере 8 флоринов и у Фрейда есть точно такая же квитанция, но ее нет при мне, она находится у меня дома, где проживает моя семья.

Наем помещений: одна комната в доме № 27, принадлежащем вдове Терезии Богаж, используется в течение дня для ведения торговли, в том же доме два подвала используются под склады. Ночую я на постоялом дворе городской общины.

К сему, Зискинд Гофман».

(Подпись древнееврейской вязью).

А 24 июня 1844 года Авраам Зискинд Гофман обратился за разрешением на проживание для себя и своего внука Якоба:

«Уважаемые члены магистрата,

Как вам известно, я занимаюсь торговлей тканями, шерстью, медом, салом и т.д. и в течение многих лет одну часть года провожу во Фрайбурге, а вторую часть разъезжаю по своим торговым делам по его окрестностям. Я хотел бы окончательно поселиться во Фрайбурге, поскольку этот город по многим причинам способствует моей успешной торговле. 1. Он стоит на большой дороге. 2. Практически все его население занимается производством тканей. 3. Фрайбург занимает удобное положение для товарообмена, поскольку находится примерно в центре района, в населенных пунктах которого производят ткани.

Учитывая, что я закупаю шерстяные ткани во Фрайбурге и его окрестностях, здесь же крашу и окончательно отделяваю их, после чего отправляю в качестве товара в Галицию, что в обмен я привожу во Фрайбург на продажу такие товары, как шерсть, мед, кожа и сало, что сюда, во Фрайбург, специально съезжаются для закупки у меня этих товаров купцы из других мест, что мне приходится арендовать здесь помещения под склады для этих товаров, мое постоянное пребывание во Фрайбурге становится просто необходимым.

Из-за своего почтенного возраста, мне уже 69 лет, и из-за того, что мне трудно одному справляться со всеми проблемами, которыми чревато торговое ремесло,

я взял в качестве компаньона своего внука Кальмана Фрейда, в чьем ведении находятся все операции, осуществляемые вне Фрайбурга, тогда как я занимаюсь покупкой и продажей товаров только здесь, в самом городе. Чтобы заниматься коммерцией, я получил от Высочайшего правительства города Лемберга* паспорт сроком на один год на себя и своего внука Кальмана Фрейда, который прилагаю. Я прошу уважаемых членов магистрата проявить к нам величайшую милость и разрешить нам обоим проживание во Фрайбурге на срок действия нашего паспорта, то есть до 18 мая 1845 года.

Фрайбург, 24 июня 1844 года,
Зискинд Гофман, Кольман Якоб Фрейд».

7 июля 1844 года текстильная корпорация Фрайбурга дала положительный отзыв на это ходатайство:

«Зискинд Гофман, равно как и его внук Кальман Фрейд, известны нам как честные и добропорядочные коммерсанты, которые закупают текстиль, производимый нашими местными мастерами, здесь же во Фрайбурге его аппретируют и отправляют для продажи в Галицию, откуда, в свою очередь, везут другие товары для продажи у нас. Пребывание этих коммерсантов во Фрайбурге выгодно не только горожанам, но и жителям окрестностей, поскольку благодаря этим торговцам текстиль, производимый ими, попадает на рынок. Пребывание здесь этих коммерсантов приносит местной торговле большую выгоду, вследствие этого считаем своим долгом высказаться в пользу выдачи разрешения на проживание Зискинду Гофману и Кальману Фрейду».

1848 год стал для австрийских евреев переломным, он ознаменовал начало новой эпохи, принесся упразднение гетто и эмансипацию. Старое дискриминационное законодательство было отменено, евреи получили равные политические и гражданские права с представителями других национальностей, что не просто улучшало условия их жизни, но порой круто меняло все их существование. Множество галиций-

---

* Ныне г. Львов (Украина).

ских евреев покинули свои местечки и деревни, где они вели замкнутую и размеренную жизнь в общинах со строгой иерархией, и подались в большие города, в первую очередь в Вену – столицу Австро-Венгерской империи.

Можно себе представить, с каким чувством облегчения после всех административных ограничений и ущемлений свободы встретил Якоб Фрейд весть об эмансипации евреев. Видимо, сразу же после этого события он приобрел первое издание Библии великого раввина либерального толка Людвиг Филиппсона, которую начали продавать отдельными выпусками. На купленном им экземпляре в самом верху страницы для памятных дат Якоб Фрейд поставил свою подпись и дату – 1 ноября 1848 года. Что означало это число? Просто дату покупки первого тома Библии? Или оно ассоциировалось у Якоба с освобождением евреев и именно поэтому было так важно для него? Или же значило что-то третье?

Эта Библия, так поразившая в детстве Зигмунда Фрейда и оказавшая на него большое влияние, увидела свет благодаря евреям, принадлежавшим к движению просветителей, у истоков которого стоял Моисей (Мозес) Мендельсон, выступавший за активное участие евреев в культурной жизни Запада. Раввин Людвиг Филиппсон стремился примирить ортодоксальную веру с новыми реформаторскими веяниями, и эта его позиция, видимо, нашла отклик в душе Якоба Фрейда.

Когда в июле 1855 года Якоб женился на Амалии Малке Натансон (ее род восходил к Натану Халеви Хармацу, просвещенному еврею из местечка Броды в Галиции, Фрейды же получили свою фамилию от имени одной из прабабок, которая звалась Фрейдой), соединил их перед Богом раввин Исаак Ной Менгеймер в главной синагоге Вены – храме, ставшем символом компромисса между реформаторами и приверженцами традиционного раввинского иудаизма. Таким образом отец Зигмунда Фрейда причислил себя к сторонникам просвещенного иудаизма, готового к слиянию с западной культурой; одновременно проявил свою приверженность религии и культуре предков и интерес к современному ему миру.

Семейство Фрейдов, как множество других еврейских семей, постепенно перебралось из Галиции в Вену: вначале были частые поездки главы семьи из Галиции по торговым делам в Моравию, куда чуть позже он перевез свою семью, оттуда они переехали в Лейпциг, а потом в Вену.

Попавший в австрийскую столицу маленький Зигмунд, которому едва исполнилось четыре года, оказался в еврейском квартале с его типичной для еврейской среды жизнью, резко контрастирующей с той, что он вел во Фрайбурге, где мог вволю бегать по полям и заходить в католические костелы. Фрейды, как и большинство еврейских эмигрантов, поселились в Леопольдштадте, расположенном на противоположной от Старого города стороне Дунайского канала рядом с парком Пратер. Вокруг них жили сплошь *ostjuden* – еврей-эмигранты из стран Восточной Европы; как правило, это были бедняки, привезшие из своих родных мест: Венгрии, Богемии, Моравии и Галиции – особую манеру одеваться, говорить и есть, и эта манера сильно отличалась от привычек других евреев, уже приносившихся к западному образу жизни.

Судя по тому, что Якоб Фрейд поселил свою семью в Леопольдштадте, его финансовое положение, видимо, оставляло желать лучшего; вероятнее всего, поначалу они вообще остановились у каких-то родственников, так как адрес их первого места жительства в Вене совпадает с адресом некоего Зелига Фрейда, винодела. Семья Якоба не единожды переезжала с места на место, но не покидала пределов Леопольдштадта: с Вейсгерберштрассе, на которой они жили вначале в доме № 3, а потом в доме № 114, они перебрались на Пиллерсдорфгассе, откуда – на Пфеффергассе, вначале в дом № 1, потом № 5, а оттуда – на Кайзер-Иосифштрассе.

Параллельно со всеми этими переездами происходило увеличение семейства, в котором, в конце концов, появились пять дочерей и двое сыновей. После Зигмунда и Анны, которые родились еще во Фрайбурге (равно как и умерший весной 1856 г. шестимесяч-

ный Юлиус), в Вене увидели свет Регина Дебора (дома ее называли Розой), Мария (Митци), Эстер Адольфина (Дольфи), Паулина Регина (Паула) и, наконец, Александр Готхольд Эфраим, который был ровно на десять лет младше Зигмунда Шломо. Каждый из детей получил одно библейское имя, согласно еврейской традиции, и одно европейское – как дань ассимиляции. Библейским именем маленького брата Фрейда Юлиуса, который вначале вызывал у Зигмунда чувство ненависти, а затем чувство вины из-за того, что он остался жить после смерти брата, возможно, было Моше, то есть Моисей. На эту мысль наводят некоторые ассоциации Фрейда, и тем же, видимо, объясняется его двойственное отношение к этому имени, что сказалось, в частности, на выборе имен для собственных детей.

Фрейд жил в этом еврейском квартале до поступления в университет. До самой смерти он так и не смог избавиться от преследовавшего его призрака бедности; подобно всем своим сверстникам, познавшим жизнь в этой среде, он страстно желал добиться успеха и обосноваться «на другом берегу Дунайского канала», а в его отношении к бывшим соседям, этим небожанным нищим евреям с мазохистскими наклонностями, навсегда переплелись горечь, неловкость и агрессивность, к которым примешивалось щемящее чувство нежности. В шестнадцать лет, возвращаясь из Фрайбурга, где он проводил каникулы у своего друга Эмиля Флюса (тому посчастливилось: он по-прежнему жил в их родном городе), Фрейд ехал в одном поезде с евреями из Моравии и Галиции. Вот как он описывал их в своем письме другу: «Как я уже сказал тебе, мне страшно не повезло, я оказался рядом со старым благообразным евреем и такой же старой еврейкой, они ехали вместе с маленькой меланхоличной девочкой и нагловатого вида парнем. Более неприятную компанию трудно себе представить». Чуть дальше Фрейд добавил: «Этот еврей говорил то же самое, что я слышал уже тысячи раз от других евреев хотя бы и во Фрайбурге, даже лицо его мне было как будто знакомо, потому что было абсолютно типичным. Таким же типичным было и лицо мальчика, с которым он беседовал о религии». Возможно, вообразив себя Мои-

сеем, разгневавшимся на свой народ, Фрейд закончил письмо словами: «Как же мне надоел весь этот сброд!»

Ему, чувствовавшему себя по-прежнему жителем Фрайбурга и тосковавшему по деревенскому детству, было тягостно возвращаться в Вену. Он злился на всех этих типичных евреев, которые напоминали ему об удручавшей его повседневной жизни в столице, столь далекой от мира Гёте и Сервантеса, скрашивавших годы его отрочества.

Уже будучи взрослым, Фрейд попытался «забыть» об этом периоде своего существования, назвав его «длинными и трудными годами», которые «не стоили того, чтобы о них помнили». Но его сестра Анна не захотела подобно брату хранить молчание об этом времени и с завистью вспоминала о том, что у Зигмунда, например, всегда была собственная комната, в какой бы тесноте ни ютились остальные члены семьи. А когда в 1873 году в столовой у Фрейдов вместо старой появилась новая керосиновая лампа, которую можно было поднимать и опускать над столом, старую лампу отдали в единоличное пользование старшему сыну, тогда как остальные дети имели в своих спальнях только свечи!

Уникальная Библия Филиппсона

Когда маленькому Зигмунду исполнилось семь лет, а случилось это в 1863 году, отец впервые раскрыл перед ним фамильную Тору. Это было уникальное издание библейских сказаний на двух языках, немецком и древнееврейском, богато иллюстрированное древними гравюрами и снабженное комментариями Людвига Филиппсона. Столь необычная версия Библии имела подзаголовок «Den heiligen Urtext» («Древний священный текст»). Эта книга с картинками стала для Фрейда поистине основополагающей, оказавшей на него большое влияние.

Будучи настоящей энциклопедией, насчитывавшей 3820 страниц и 685 иллюстраций, Библия способна была удовлетворить любопытство маленького Фрейда по многим вопросам. Издатель Баумгертнер из

Лейпцига купил в Англии права на использование в качестве иллюстраций для этой Библии самых красивых гравюр, которые он только мог найти; в основном это были археологические находки, хранившиеся в Британском музее, а также гравюры из «Описания Египта», из коллекции Росселини и т.д.

В своих комментариях Филиппсон стремился подчеркнуть универсальность древнееврейского варианта Библии, заботясь при этом о сохранении его своеобразия. Каждый из эпизодов Библии рассматривался им в конкретном историческом контексте: историческая достоверность Священного Писания доказывалась при помощи языкознания, антропологии, географии и, главное, археологии. Комментарии в основном носили культурно-просветительский характер. Иллюстрации должны были населить библейский текст зримыми образами, а комментарии приглашали читателей включить воображение и представить себе описываемые земли и живших на них людей.

Рассматривая в этой книге картинки, изображавшие древнеегипетских богов, барельефы из Помпей и Фив, афинский Акрополь, дворец Нерона в Риме, профиль Александра Македонского и статую Артемиды Эфесской, а также рассказывающие о переходе Ганнибала через Альпы и... о «человеке по имени Моисей», Фрейд еще не знал, что эти события, места и персонажи будут потом всю жизнь преследовать его в сновидениях, сопровождать в реальных и вымышленных путешествиях, а также найдут отражение в его теории.

Можно предположить, что юный Фрейд часто листал Библию Филиппсона в поисках ответов на мучившие его вопросы о жизни, смерти и сексе. И он наверняка находил там эти ответы, потому что Филиппсон без ложной скромности писал о различных сторонах человеческого существования и сексуальности: о наслаждении, гомосексуализме, инцесте, сексуальном насилии и онанизме.

В 1865 году, когда в еврейской больнице умер дед Фрейда по материнской линии Якоб Натансон, а мать мальчика готовилась произвести на свет своего последнего ребенка, Зигмунду было девять с половиной

лет и он увидел тот единственный страшный сон, о котором рассказал тридцать лет спустя, дав ему толкование. Поводом для этого сновидения послужили древние гравюры из Библии Филиппсона. Это был сон о его *любимой матери и существах с птичьими клювами*.

«У меня самого уже очень давно не было по-настоящему страшных сновидений. Я помню одно такое сновидение, оно было у меня в возрасте семи-восьми лет; лет тридцать спустя я подверг его толкованию. Оно было чрезвычайно живо и отчетливо и представило мне любимую мать со странно спокойным, как бы застывшим выражением лица, ее внесли в комнату и положили на постель два (или три) существа с птичьими клювами. Я проснулся со слезами и криком и разбудил родителей. Этих странно задрапированных, длинных существ с птичьими клювами я позаимствовал из иллюстраций к Библии в издании Филиппсона, думаю, это были боги с соколиными головами с египетского надгробного барельефа».

Этим сновидением закончилось домашнее образование Фрейда, в котором не последнюю роль играла Библия. Для него уже было недостаточным слышать из уст матери, ловко месившей тесто, чтобы приготовить из него клёцки, что человек создан из праха и в прах и вернется. Пришло время распрощаться с нежным раем детства, а «дикое» любопытство направить на освоение наук в общественном учебном заведении. Зигмунд был одаренным и честолюбивым ребенком. Пусть он не был для своей матери первым среди окружавших ее мужчин: его место было после отца, деда и даже, как ему казалось, после сводного брата Филиппа, но он станет первым учеником в классе, он добьется таких успехов в освоении наук, что всех обгонит. Он станет таким же ученым, как его предки: Хармац из города Броды, рабби Шломо и рабби Эфраим.

На год раньше своих сверстников он поступил в только что открывшуюся в Леопольдштадте гимназию – Leopoldstädter Communales Real- und Obergymnasium, встав на первую ступеньку той длинной лестницы, которая вела к сокровищам культуры, к университету и к свободным профессиям. Как и восемьдесят

процентов всех еврейских школьников, он получил «мозаичное» религиозное образование. Первым учителем Фрейда по древнееврейскому языку стал Самуэль Хаммершлаг, который навсегда остался для него самым дорогим другом, относившимся к нему как к родному сыну. Имена дочери и племянницы Хаммершлага, Анны и Софии, Фрейд дал двум из своих дочерей. После смерти учителя Фрейд почтил его память такими словами: «В нем всегда горела искра того огня, что озарял умы великих еврейских провидцев и пророков, эта искра угасла только тогда, когда преклонный возраст отнял у него все силы... Приобщая своих учеников к тайнам религии, он пытался привить им любовь ко всему человечеству, а преподавая историю еврейского народа, умел зажечь юные сердца и направить юношеский энтузиазм по пути, обходящему далеко стороной силки национализма и догматизма».

С помощью своего учителя Самуэля Хаммершлага Фрейд обрел уверенность в том, что иудаизм, являясь сокровищницей культурных ценностей, может быть и источником восторга, которому вовсе не обязательно перерождаться в религиозный фанатизм правоверных иудеев и хасидов, что жили с ним по соседству на улицах и улочках его квартала.

В то время в Вене были в ходу два учебника по иудаизму, выдержанные в духе умеренного реформизма: автором одного был некий Кассель, а второго – Леопольд Брейер, отец Йозефа Брейера.

Уже будучи взрослым, рядом с полными собраниями сочинений Гёте и Золя, произведениями Шекспира, Данте, Софокла и Гейне Фрейд хранил в своей библиотеке учебник Леопольда Брейера, изданный в 1860 году и носящий название «Библейская история и история евреев и иудаизма, написанная для еврейской молодежи со ссылками на Талмуд». Основной акцент в учебнике делался на изучении библейской истории по Пятикнижию, Талмуд же был изложен весьма кратко. Кроме того, с помощью этого учебника детей пытались научить чтению повседневных молитв на древнееврейском языке, чтобы они могли принимать участие в богослужениях своей общины.

«Мне было десять или двенадцать лет, когда отец начал брать меня с собой на прогулки и беседовать со мной о самых разных вещах. Так, однажды, желая показать мне, насколько мое время лучше, чем его, он сказал мне: “Когда я был молодым человеком, я пошел как-то в субботу прогуляться в том городе, где ты родился, я был в праздничной одежде и в новой меховой шапке на голове. Вдруг ко мне подошел один христианин, сбил с меня одним ударом шапку и закричал: “Жид! Долой с тротуара!” “Ну, и что же ты сделал?” – “Я сошел на мостовую и поднял свою шапку”, – ответил отец. Это показалось мне небольшим геройством со стороны большого сильного человека, который вел меня, маленького мальчика, за руку. Этой ситуации я противопоставил другую, более соответствующую моему чувству: сцену, во время которой отец Ганнибала – Гасдрубал* – заставил своего сына поклясться перед алтарем, что он отомстит римлянам. С тех пор Ганнибал занял видное место в моих фантазиях».

Вот так проблема венских евреев высветилась через призму этой прогулки в Пратер. Тот самый Пратер, который был типичным местом, где аристократы в щегольской военной форме ужинали за столиками облюбованных ими очаровательных кафе, а рядом прогуливались представители промышленной буржуазии и простой народ, пришедший туда, чтобы отдохнуть от безрадостных будней. Тот Пратер, который находился совсем рядом с Леопольдштадтом и казался жившим там евреям местом вечного праздника, и этот праздник мог стать и их тоже. Но порой привлекательность Пратера становилась в тягость: «Каждый день мы шли одной и той же дорогой в школу, а по воскресеньям гуляли в Пратере или ехали за город в какое-нибудь место, которое уже знали вдоль и поперек, а сейчас мы в

---

* Эта цитата взята автором из первого издания книги «Толкование сновидений», в котором Фрейд ошибочно назвал отцом Ганнибала не Гамилькара Барку, а Гасдрубала. В последующих изданиях Фрейд не только исправил эту ошибку, но и дал ее толкование в своей книге «Психопатология обыденной жизни». – *Примеч. пер.*

Афинах, мы в Акрополе! Какой же путь мы проделали!» Именно так в конце своей жизни описывал Фрейд поездку в Парфенон в 1904 году, сделав особое ударение на том, какую дистанцию ему пришлось преодолеть со времен его юности, чтобы попасть в Грецию. Но, вырвавшись с «противоположной стороны Дунайского канала» и войдя в общество «иноверцев», добившись признания не в той среде, к которой принадлежал по рождению, а в той, которую он сделал своей благодаря собственному интеллекту, Фрейд не мог отделаться от чувства вины перед своим отцом Якобом, униженным когда-то христианином. Как будто главным в достижении успеха было продвинуться дальше своего отца при том, что обгон на этой дороге был запрещен.

Кроме того, к традиционному эдипову комплексу, представлявшему собой мужское соперничество сына с отцом за любовь матери, у целого поколения молодых евреев примешивалось соперничество «социально-культурное»: с одной стороны находились отцы, едва успевшие покинуть свои гетто и являвшие собой образец гонимых, отверженных и часто очень набожных евреев, а с другой – сыновья, жадно тянувшиеся к соблазнам ассимиляции (часто подталкиваемые на этот путь их честолюбивыми матерями), но мучившиеся угрызениями совести за желание изменить установленный порядок. Огромное число политических, художественных, литературных и психоаналитических замыслов родилось в результате этих метаний между стремлением жить по законам современности и ностальгией по укладу предков.

Рассказывая о своем отце Леопольде, Йозеф Брейер писал: «Он принадлежал к тому поколению евреев, которые первыми вырвались из духовного гетто на живительный воздух западного мира... Нам очень трудно по достоинству оценить силу духа и энергию этого поколения. Ему пришлось отказаться от своего жаргона и освоить правильный немецкий язык, а ограниченность и узость гетто поменять на западный образ жизни и приобщиться к литературе, поэзии и философии немецкой нации».

Оказавшиеся в Вене евреи подобно истерикам страдали от реминисценций. Чтобы связать воедино

оставшееся в памяти и вычеркнутое из нее, примирить гетто и эмансипацию, им нужно было создать свое новое Я, и процесс этот был далеко не безболезненным.

Желая отделаться от преследовавших его мыслей об унижении отца и удовлетворить жажду мщения, Фрейд выбрал своим идеалом героическую фигуру карфагенянина Ганнибала, которого он противопоставлял римлянам. Уже будучи взрослым, Фрейд отправился в путь по дорогам Италии, влекомый образом этого мужественного воина. Его заветной мечтой было триумфально вступить в Рим, но подобно своему невезучему герою он не смог продвинуться дальше Тразименского озера. Ведь после блестящих военных действий Ганнибал так и не добился окончательной победы. Он не смог воспользоваться своими успехами, потерял глаз в болотах Этрурии и, отказавшись от замысла захватить Рим, покончил жизнь самоубийством. Два столетия спустя точно так же поступили евреи из палестинской крепости Массادا – последнего бастиона еврейского сопротивления римлянам, не желавшие попасть живыми в руки врага. Но такое отождествление себя с древним героем носило несколько двусмысленный характер, об этом красноречиво свидетельствует имя другого воображаемого героя его отрочества: Сипион, или Сципион.

Фрейд-Сципион и его одноклассник Эдуард Зильберштейн-Берганса придумали себе занятие, которому посвящали все свободное время после школы: они создали тайное научное общество под названием «Academia Castellana» («Испанская академия»), изучали испанский язык и писали шуточные литературные произведения. Свои прозвища они позаимствовали из новеллы Сервантеса о беседе двух собак, которых небо неожиданно наградило даром речи и разумом и которые в беседе друг с другом, а также в своей дружбе черпали силы, необходимые им в борьбе за существование. Неужели Фрейд, взявший себе имя той из собак, что больше слушала, чем говорила о своих злоключениях, забыл о том, что имя Сципион принадлежало также знаменитому римлянину, отличившемуся в Испании во время 2-й Пунической войны и в битве

при Заме одержавшему победу над дорогим его сердцу Ганнибалом? Не знать этого Фрейд не мог, ведь он был прилежным учеником и изучал в гимназии историю Пунических войн.

В подобном умозрительном перевоплощении Фрейд находил двойное удовлетворение, воображая себя одновременно славным представителем семитов – героем сопротивления и могущественным победителем – носителем господствующей культуры. Якоб Фрейд сошел с тротуара, как того потребовал от него христианин, и подобрал из грязи свою шапку, которую надел в честь шаббата, ребенок Шломо-Сигизмунд не мог простить отцу этой оскорбительной покорности не только из-за того, что считал его сильным и способным постоять за себя, но еще и из-за того, что подобное поведение отца оскорбляло то его чувство, которое позже он назовет нарциссизмом. Он хотел взять реванш за это покорное послушание. Отцовское унижение и рожденная им жажда мщения оказали большое влияние на становление характера Фрейда и в целом на его судьбу. Как многие из его наиболее талантливых современников: Шницлер, Малер, Карл Краус, Герцль и Виктор Адлер, – он постарался оставить свой след в культуре и истории Запада, вписав в них под своим именем новую революционную главу, изобилующую новаторскими идеями. И все же невозможно было совместить два мира: мир сына униженного еврея и мир отца западной науки. Принадлежность Фрейда к нееврейской современной ему действительности и еврейское наследие его предков тесно переплелись в нем, и он никогда не мог и не пытался изжить это в себе. Он не бежал от тех конфликтов и трудностей, которые возникали у него на почве этой двойственности, а, напротив, сублимировал свои страдания и на их основе создал целую науку. Науку, избавлявшую людей от психических мучений, но на пути к выздоровлению заставлявшую их, из любви к истине, претерпевать определенную долю этих мучений. Фрейд не боялся жить со своими противоречиями, поскольку умел извлекать из них пользу: он черпал в них силы и эмоции, способствовавшие его творчеству. И та методика лечения, которую он со-

здал, опираясь на собственный опыт соприкосновения с миром бессознательного, не лишена налета мазохизма.

Эту мысль Фрейд развил в двух письмах к своему ученику Карлу Абрахаму: «Ваше положение еврея, увеличивая ваши трудности, поможет вам, как это случилось со всеми нами, лучше продемонстрировать все ваши способности»; «Я просто хочу сказать, что если мы, евреи, хотим сотрудничать с другими людьми, то нам отчасти придется развивать в себе мазохизм и быть готовыми выносить в той или иной степени несправедливость». Это было платой за верность себе и за стремление к истине. И это легло в основу психоанализа.

Фрайбург, Вена, а позже Лондон стали вехами реального жизненного пути Фрейда, а Иерусалим, Рим и Афины были метафорическими местами, куда постоянно стремилась его душа и где витали его мысли. С юных лет он преклонялся перед достижениями классической культуры и в то же время всегда отдавал должное житейским радостям той культуры, к которой принадлежала его семья. В письме своему другу Эмилю Флюсу он всего одной фразой передал то почтение, с каким его семья отмечала еврейский праздник, и продемонстрировал свою любовь к Риму и знание его истории: «Сообщаю вам, что на Пурим (в этом году он выпал на 13 марта, священную для всех нас дату, поскольку именно в этот день был убит Цезарь) у нас был маленький домашний спектакль. Одна из наших соседок, которая от скуки не знала, чем заняться, придумала сделать из моих брата, сестер и еще нескольких детей актеров, так что мы тяжким трудом заработали свой праздничный обед (а он, как известно, далеко не из худших)».

На страницах еще одного письма вновь встретились вместе Афины, Рим и Иерусалим. В нем Фрейд показал прекрасное знание произведений античных авторов. Для сдачи экзамена на звание бакалавра ему нужно было перевести отрывок из Вергилия, которого он «случайно прочел уже для собственного удовольствия некоторое время тому назад», и тридцать три строчки из «Эдипа-царя». «Я знал этот текст и не скры-

вал этого». А в постскриптуме он добавил, что к ним в гости приехал один ученый человек из Черновиц (отец его крестных?). «Он действительно много знает, и общение с ним доставило мне много радости».

И если Фрейд-подросток уже думал и говорил на греческом и латыни, повседневные радости жизни он все же черпал из древнееврейского и идиша. Зильберпштейну-Бергансе он писал: «Предположить, что я мог бы забыть про Новый год, значит обвинить меня в отсутствии вкуса, хотя я знаю, что у меня его нет. Несправедливо упрекать религию за ее метафизический характер и недостаточное внимание к обычным человеческим радостям... Атеист, которому посчастливилось быть членом религиозного семейства, не может отвергать этот праздник, поднося ко рту традиционное новогоднее угощение». Перечисляя праздничные яства, Фрейд упомянул мацу, пасхальный *hahozet*^{*}, компот из слив сорта кетш, который готовят на Йом Кипур, и массу других вкусных вещей, традиционно подающихся на стол по еврейским праздникам.

Как и все их соседи, Фрейды свято чтили священные дни иудейского календаря и соблюдали древние обычаи. Но вот интересно, прошел ли Зигмунд Фрейд обряд *Bar Mitzvah* – аналог католического причастия, посвящение в мужчины, которое происходит, когда мальчику исполняется тринадцать лет? Никаких документов на этот счет не сохранилось.

Наука и любовь

После гимназии, как и большинство получивших среднее образование сыновей небогатых коммерсантов родом из Галиции и Моравии, Фрейд поступил на медицинский факультет Венского университета, хотя не переносил вида крови. В университете его ждало разочарование. «Я столкнулся там, – писал он в одном из автобиографических эссе, – со странным требованием: я должен был чувствовать себя существом низ-

---

^{*}Одно из пяти символических блюд (сладкое) – неперменный атрибут праздничного стола в первый пасхальный вечер.

шого разряда по отношению к другим только из-за того, что я еврей. Я решительно отказался подчиняться этим правилам при первой же попытке навязать мне их. Я никогда не мог понять, почему я должен стыдиться моего происхождения или, как в последнее время стали говорить, моей расы... Важным следствием этих моих первых университетских впечатлений стало то, что я очень рано привык к своей судьбе быть в оппозиции и не иметь тех прав, которые имело сомкнувшее свои ряды господствующее большинство».

Вместе с Виктором Адлером, Теодором Герцлем, Густавом Малером и Германом Баром Зигмунд Фрейд вступил в еврейскую либеральную студенческую ассоциацию, куда всех их привела любовь к немецкой культуре, которую они считали превосходящей все остальные. Таким образом, в начале 70-х годов девятнадцатого столетия бок о бок оказались будущие создатели и руководители социал-демократии, сионизма и психоанализа, новаторы музыки и литературы, а также те, на кого легла ответственность за пангерманский национализм. Уже в начале 80-х годов это либеральное движение пришло в упадок, а университетский и научный мир обнаружил, что пангерманский национализм сомкнулся с антисемитизмом. В конце 80-х годов социал-христианское движение во главе с Карлом Люгером преобразовалось в массовую партию, разделявшую идеи антисемитизма. Конец либерализма – политического движения, которому Фрейд всегда сочувствовал, и подъем пангерманского антисемитизма затруднили, если не сказать – сделали невозможной, ассимиляцию евреев, оставив им единственный выход: отречься от своих корней и культуры и раствориться среди основного населения.

Именно об этом писал Фрейд своей невесте Марте из Парижа: «Лишь в конце вечера [у Шарко] у меня завязалась беседа на политические темы с Жилем де ля Туреттом, в которой он, естественно, начал говорить о неизбежности самой страшной из бывших когда-либо войн – войны с Германией. Я сразу же сказал ему, что я не немец и не австриец, а еврей. Подобные разговоры мне всегда очень неприятны, поскольку каж-

дый раз я чувствую, как во мне начинает шевелиться что-то от немца, что я уже давно решил уничтожить в себе».

«Травмированное Я», оказавшееся в таком положении из-за невозможности гармонично сочетать в себе немецкое, австрийское и еврейское начала, вынашивало многочисленные планы того, как выстоять перед лицом этой новой угрозы. С одной стороны, рождались политические решения в виде австромарксизма или сионизма, с другой – рассматривались подходы, лежащие в сфере искусства и психики.

Во времена его детства из-за господствовавшего тогда либерализма у Фрейда могло сложиться впечатление, что политическая карьера для него открыта и что ему уже уготовано место в венском обществе. Когда ему было одиннадцать или двенадцать лет, он сидел с родителями в одном из кафе Пратера, и развлекавший там публику поэт-импровизатор посвятил ему несколько стихотворных строк, в которых предсказал, что наступит день, когда мальчик станет министром. В то время эта идея вовсе не казалась абсурдной. «Каждый подающий надежды еврейский мальчик видел перед собой министерский портфель», – писал Фрейд в «Толковании сновидений». Он, видимо, так и не смог простить Вене того, что она перестала проявлять понимание, либерализм и великодушие к честолюбивому еврейскому мальчику, и постигшее Фрейда разочарование часто прорывалось в его взрослых сновидениях.

В год тридцатилетия Фрейд открыл свой первый медицинский кабинет как частный врач-невролог. Любопытно, что это событие произошло в Пасхальное воскресенье – праздник, к которому у Фрейда было особое отношение: он хотел войти в новую культуру, не растеряв при этом культурного наследия своих предков; ассимилировать, но не ассимилироваться, иными словами – начать говорить на новом языке, не забывая родного. Своему другу Флиссу он писал: «Если бы я сказал: “Следующую Пасху в Риме”, я бы уподобился благочестивому иудею». Таким вот удивительным образом он умудрился в трех словах соединить христианское пожелание провести следующую

Пасхальную неделю в Риме с традиционной фразой иудеев, которые заканчивают Пасхальную неделю словами: «Следующий год в Иерусалиме». Он осуществил свою месть, смысл оскорбление, нанесенное его отцу, и даже пошел дальше. Он завоевал не только любовь своей матери-иудейки, но и любовь своей няни-католички. Не рассказывала ли ему эта последняя сразу же после смерти его ненавистного соперника – младшего брата Юлиуса о Святом Воскресении, ведь оба эти события прились как раз на Пасху? Не было ли открытие медицинского кабинета в праздничный день своеобразной данью памяти умершему Юлиусу, осознанием и искуплением своей вины, заключавшейся в том, что сам он остался жить и оказался победителем в их соперничестве за любовь матери? Да и само открытие кабинета было своего рода противоречивым действием, поскольку занятия частной практикой подразумевали частичный отказ от научно-исследовательской деятельности и от славы как награды за научные открытия. А может быть, за этим объявлением об открытии кабинета в праздничный день крылась одна из тех оплошностей, тех странностей повседневной жизни типа оговорок и описок, которым до Фрейда никто не придавал значения? Да и сам Фрейд в то время еще не увидел в этом совпадении проявления бессознательного, хотя с самого начала своей учебы думал лишь об одном: найти что-нибудь такое, что позволило бы ему прославиться.

Нотки покорности судьбе звучали в его словах, адресованных невесте: «Я думаю, что теперь все время, оставшееся до конца моего обучения, я буду проводить в больнице и по примеру *goyim** скромно трудиться, набираясь опыта и оказывая помощь любому страждущему, не стремясь к открытиям и глубоким изысканиям». Но при всем при том, в свои почти тридцать лет вступая на этот путь, чтобы занять достойное положение в обществе, чтобы удовлетворить свое честолюбие, добившись профессиональных высот, чтобы скопить достаточно денег и жениться на-

---

* Человек не еврейской национальности и не иудейской веры.

конец на Марте, он чувствовал себя человеком, «унаследовавшим дух бунтарства и всю ту страсть, с которой [его] предки защищали свой Храм, свою веру».

Жизнь Фрейда в обществе была ориентирована на Рим и господствующую культуру, но радости личной жизни он испытывал, «гуляя в садах Эдема». Его сердце пленила внучка уважаемого раввина из Гамбурга Марта Бернейс. Своего «нежного ангелочка с изумрудными глазами», свою «маленькую Еву» он впервые увидел в своем доме, когда, вернувшись однажды после занятий, заметил за семейным столом среди сестер незнакомую девушку, которая чистила яблоко... А несколько недель спустя, гуляя вместе с ней по лесу в Вандсбеке близ Гамбурга, он почувствовал себя Адамом в раю рядом с Евой.

В любовной переписке с невестой Фрейд перемежал свои рассказы рассуждениями на библейские темы. Так, озабоченный затянувшимся периодом между помолвкой и свадьбой, он вспоминал о том, что подобная история произошла с одним из библейских персонажей: «Иаков семь лет служил за то, чтобы взять в жены Рахиль. Но эти годы пролетели для него словно мгновения, потому что он любил ее». В своих трудах Фрейд часто цитировал древнегреческие мифы или делал ссылки на произведения поэтов и драматургов, принадлежавших к западной культуре, и никогда не использовал для этой цели Библию: ни в качестве аналитического материала для своих исследований, ни в качестве доказательства своей принадлежности к образованной Европе. Библейские тексты были частью его глубоко личной, интимной жизни, частью его еврейства, частью всего того, о чем он мог говорить только в семейном кругу. Трижды в своей жизни Фрейд выступал инкогнито: два раза это было связано с именем Моисея (он не сразу решился выпустить под своим именем работу «“Моисей” Микеланджело» и долго откладывал выход в свет книги «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия», которую печатал отдельными главами), а в третий раз это произошло, когда он заказывал в лавке одного старого еврея почтовую бумагу.

Он хотел, чтобы на этой бумаге были проставлены его собственные инициалы и инициалы его дорогой невесты – горячо любимой им девушки, которую он выбрал в еврейской семье, чтившей традиции своего народа и имевшей славу «высокообразованной семьи», что вызывало у Фрейда чувство глубокого уважения. Марта была внучкой Исаака бен Иа'акова Бернейса, в 1821 году его пригласили в Гамбург на должность старшего раввина с тем, чтобы он смог примирить сторонников ортодоксального иудаизма с проживавшими в городе евреями-реформаторами. Так вот, старик, у которого Фрейд заказывал почтовую бумагу, вырос рядом с этим мудрым раввином – дедом Марты и с большим уважением и даже страстью отзывался о нем. Фрейд почувствовал себя «куда более расстроганным, чем мог предположить старый еврей», и конечно же испытал гордость за то, что ему предстоит войти в столь достойную и высокообразованную семью. Но он не осмелился открыть старику свое имя, назвавшись доктором Вале из Праги и скрыв, что на самом деле он Шломо бен Иаков Фрейд, сын небогатого коммерсанта, на которого отец возложил задачу восстановить семейную традицию и добиться высот в образовании.

Откровения старого еврея послужили для Фрейда поводом к заключению некоего договора с невестой. Лавочник рассказал ему, что дед Марты Исаак Бернейс учил свою паству черпать в иудаизме радость бытия – *die Freude*. Так вот, Фрейд решил подарить Марте свою фамилию (по-немецки Freud) как символ еврейского домашнего очага: «Что касается нас обоих, то я думаю вот что: несмотря на то, что те порядки, которые устраивали наших предков, уже не могут обеспечить нам достаточной защиты в жизни, все же что-то главное, что составляло саму суть этого иудаизма, преисполненного здравого смысла и радости жизни, никогда не покинет наш семейный очаг».

Под этим «чем-то главным» подразумевалась не «кошерная пища» и не строгое соблюдение религиозных обрядов: «Надеюсь, что ты будешь как следует питаться, даже тайком, если в этом будет необходи-

мость», – без малейшего колебания советовал невесте обеспокоенный состоянием ее здоровья жених, недовольный также тем, что мать запрещала Марте писать ему по субботам. «Нужно ли мне поститься на Йом Кипур? Надеюсь, моя маленькая Марта не станет злоупотреблять своей властью надо мной и не будет заставлять меня совершать действия, лишённые смысла и искренности», – писал он ей в другой раз. Это же так ясно! Вот она, радость, которую они приобретали взамен ортодоксальности! И Фрейд считал, что Марта ничего не потеряет от такого обмена, ведь сама Библия, говорил он ей, была на его стороне: «Что предписывалось с незапамятных времен? Что женщина должна оставить отца и мать и последовать за мужем, которого она себе выбрала».

Но и самому Фрейду пришлось пойти на уступки. Чтобы их брак был признан в Австрии законным, они должны были пройти через религиозную церемонию еврейской свадьбы. Скрепя сердце заучивал он ритуальные слова, которые должен был произнести под хуппой – балдахином, олицетворяющим храм, под которым стоит еврейская пара во время свадебной церемонии. Но и более полувека спустя Марта не могла забыть о том, что произошло в первую пятницу после их свадьбы. Тем вечером она вынула серебряные подсвечники, подаренные ее дядей Элиасом, однако Фрейд попросил убрать их. «Мы всегда были счастливы вместе, но самыми неприятными минутами в нашей совместной жизни были те, когда он не позволил мне зажечь свечи в честь Шаббата», – признавалась Марта внуку Элиаса Филиппу. И все же она никогда не переставала верить в Бога. Когда один из родственников удивленно спросил ее, каким же образом ей удается сохранять свою веру рядом с «протоиереем атеизма», Марта философски заметила: «Это его личное дело, и оно касается только его самого». При этом портрет ее деда-раввина никогда не покидал своего почетного места на стене их столовой на Берггассе, а в 1951 году, через двенадцать лет после смерти ее дорогого Зигмунда, Марта была похоронена в Лондоне, согласно ее желанию по еврейскому религиозному обряду. Овдовев, она вновь обрела вкус и интерес к иудейским

обычаям и праздникам, которые всегда свято чтились в доме ее родителей.

Молодые зарегистрировали свой брак в городской ратуше Вандсбека 13 сентября 1886 года, а на следующий день совершили религиозную церемонию.

В меню свадебного обеда, приготовленного трактирщиком и поданного четырнадцати приглашенным, значились следующие блюда: овощной суп, слоеный пирог, рыбный салат, говяжья вырезка, зеленый горошек со спаржей, жаркое из гуся и компот.

Продолжение рода

Как говорится в сказках, они поженились, жили долго и счастливо и имели много детей. Шестерых. Трех девочек и трех мальчиков. Королевский выбор! Трое старших, Матильда, Жан-Мартин и Оливер, родились в их первом доме – «Зуэнхаусе», а трое остальных – Эрнст, София и Анна – в квартире на Берггассе. В старой книге записи актов гражданского состояния, с которой я ознакомилась в архивах венской еврейской общины, я увидела выцветшую от времени и неровную от волнения собственноручную подпись Фрейда. В записи о рождении Жана-Мартина в имени Зигмунд между первым и вторым слогами вклинились буквы И и З, которые Фрейд убрал из своего имени еще в возрасте двадцати двух лет (может быть, И и З – первые буквы библейского имени Израиль, он же Иаков, или Якоб, то есть имени отца Фрейда – символизировали библейскую войну Иакова с его ангелом?). В графе «примечания» четко прописано имя Сигизмунд, возвращенное его владельцу, хотел он того или нет. Свидетелями при регистрации детей Фрейда были обычно его коллеги-врачи, ставшие друзьями семьи: Оскар Рие и Леопольд Кёнигштейн, его партнеры по игре в тарок, или Алоис Блох и Макс Каправски. В книге записи в графе «акушерка» значится имя некой Марии Фёлькль, помогавшей Марте разрешиться от бремени вместе с акушером-мужчиной, чье имя не было занесено в регистр.

В записях о рождении сыновей Фрейда осталась незаполненной одна графа – та, в которой указывается дата обрезания и имя человека, совершившего этот обряд. Трижды пустое место... правда, обрезание мальчикам мог сделать без всякого религиозного обряда кто-нибудь из многочисленных врачей-евреев, друзей семьи Фрейдов. Может быть, таким образом был достигнут компромисс между религиозностью Марты и атеизмом Шломо-Зигмунда? Трудно себе представить, что Фрейд мог отказаться от приобщения своих сыновей к еврейскому союзу, ведь сам он столько раз убеждал своих учеников в том, что их дети должны сохранить принадлежность к еврейской нации.

Выбор имен для его детей также не был произвольным. Можно сказать, он был предопределен многочисленными душевными привязанностями Фрейда. Так, дочкам он дал имена, естественно с согласия Марты, трех женщин из их ближайшего еврейского окружения. Сыновья же получили имена иноверцев: Жан-Мартин обязан своим именем Шарко, Эрнст – учителю Фрейда Брюкке, а Оливер – англичанину Кромвелю, благоволившему евреям.

Фрейд всегда пытался увидеть в своих друзьях и детях этакое возрождение душ покинувших этот мир людей, с которыми он общался в детстве. Может быть, за именами его детей вновь спрятался его умерший в младенчестве брат? Как объяснить, что первые буквы от имен Mathilde, Martin, Olivier, Sophie, (H)anna и Ernst образуют имя Moche, то есть Моисей? Не является ли это «очередным подтверждением исключительно еврейской мистики» Фрейда, ведь он как-то писал Юнгу о подобном совпадении? Он, который не раз уверял всех в том, что так же далек от мистики, как и от музыки... Не доказывает ли его собственный пример, что бессознательное не признает отрицания?

В памяти детей доктора Фрейда, как, впрочем, и их двоюродных братьев и сестер, их дедушка Якоб остался высоким широкоплечим мужчиной, добрым, всегда готовым рассказать анекдот, поблескивая огромными карими глазами, и часто читавшим Талмуд; а о бабушке Амалии они запомнили то, что она разговаривала на немецком вперемежку с идишем и готовила

на Рождество и Новый год жареного гуся и засахаренные фрукты. В своих мемуарах Мартин описывал Амалию как женщину, наделенную колоссальной жизненной силой и вкусом к жизни, но лишенной терпения. В этом он видел проявление специфического характера уроженки Галиции. «Галицийские евреи, – писал он, – не обладали ни элегантностью, ни хорошими манерами, их женщины не были “дамами” в нашем понимании этого слова. Они были очень эмоциональными и легко отдавались во власть чувств. Но, несмотря на то, что во многих отношениях более цивилизованные народы могли смотреть на них как на грубых варваров, это была единственная народность, оказавшая сопротивление нацизму, и на развалинах Варшавы с немецкой армией сражались мужчины, принадлежавшие к одному народу с Амалией».

О своей бабушке Эммелине, матери Марты, Мартин писал, что она не была столь же сильной личностью, как Амалия, но тоже играла важную роль в своей семье: «Она исповедовала ортодоксальный иудаизм, соблюдала все религиозные обряды и ненавидела венскую веселость. Верная строгим законам ортодоксального иудаизма, она всегда носила *scheitel**; это значило, что после замужества она принесла в жертву свои собственные волосы и ходила с двумя искусственными косами, туго уложенными на голове. Когда она приезжала к нам в гости и жила у нас в доме, то по субботам мы слышали, как она распевала еврейские молитвы тоненьким, но твердым и не лишенным мелодичности голоском. Парадокс заключался в том, что мы, члены еврейской семьи, были воспитаны в полном незнании еврейских обрядов, и поведение бабушки казалось нам странным».

Но так ли уж на самом деле плохо знали дети Фрейда иудейские религиозные обряды? А не связана ли эта «забывчивость» Мартина с его нежеланием подрывать авторитет отца, пользовавшегося славой крупного прогрессивного ученого? Из других источников нам известно, что каждый год вся семья собиралась в доме Якоба на празднование еврейской Пасхи. Не-

---

* Парик (*идиш*).

смотря на то, что Фрейд называл себя евреем-атеистом, далеким не только от религии своих предков, но и от любой другой религии, до сорока лет он принимал участие в пасхальной трапезе, на которой всегда главенствовал его отец, до старости сохранявший бодрость (он умер в 1896 г.). По рассказам одной из его внучек, Якоб знал наизусть всю церемонию, и это произвело на девочку сильное впечатление. Будучи самой младшей за столом, именно она была удостоена чести задавать ритуальные вопросы типа «Чем эта ночь отличается от всех других ночей?».

Из верности отцу Мартин опустил в своих воспоминаниях эти интимные подробности повседневной жизни еврейской семьи. Однако на поставленный самому себе вопрос, видели ли окружающие в них, детях отца-еврея (а Марта, их мать, разве не была еврейкой?), евреев, он ответил довольно двусмысленно: «Наша внешность не была типично еврейской, но принять нас за баварца или австрийца было бы сложно. “Ваши дети так похожи на итальянцев”, – сказала однажды нашей маме благовоспитанная немецкая дама...»

6 мая 1891 года, на свое тридцатипятилетие, Фрейд получил в подарок от отца семейную Библию, знакомую ему с детства книжку с картинками. Читал ли он ее своим детям? Рассматривали ли они ее украдкой? Никаких документальных свидетельств тому не осталось, а вот о настроении Якоба, в котором он пребывал, передавая сыну эту Библию, мы можем судить по дарственной надписи:

«Мой дорогой сын Шломо,

На седьмом году твоей жизни дух Господа снизошел к тебе (Книга Судей, 13, 25) и обратился к тебе с такими словами: “Иди, читай Мою книгу, Я написал ее, и в тебе забьют источники разума, знания и понимания”. Вот она, эта книга книг, именно из нее мудрецы черпали свою мудрость, законодатели учились по ней законам и праву (Книга Чисел, 21, 18); ты увидел лик Всемогущего, ты услышал Его, ты попытался подняться ввысь и вдруг полетел на крыльях Разума (Книга Псалмов, 18, 11). Долгие годы эта книга была спрята-

на, подобно Десяти Заповедям, хранившимся в раке святого, но ко дню твоего тридцатипятилетия я заказал для нее новый кожаный переплет и обратился к ней со словами: “Забей, источник! Заведи для него песнь!” (Книга Чисел, 21, 17). И я принес эту книгу тебе на память, на память о любви.

От отца, любящего тебя безграничной любовью.
Якоб, сын рабби Ш. Фрейда. Столица Вена.
29 нисана 5651 года (6 мая 1891 г.).»

Этот символический подарок и дарственная надпись на древнееврейском языке свидетельствовали о приверженности Якоба религии своих предков и о желании приобщить к ней своих потомков. Вступление в тридцать шестой год жизни традиционно считалось у евреев, живших в восточноевропейских странах, вступлением в пору зрелости. Посредством этого подарка Якоб давал понять сыну, что возлагает на него ответственность за их род и надеется, что тот будет достоин памяти деда, чье имя носил. Из четверых своих сыновей Якоб избрал своим духовным наследником Шломо-Зигмунда. И хотя он признавал, что сын уже добился некоторых успехов на интеллектуальном поприще, он напоминал ему, что хотел бы видеть, как тот «поднимется на крыльях Разума», овладев сокровищами их родной национальной культуры. На это его желание ясно указывало не только содержание дарственной надписи, но главным образом выбранный для нее язык – древнееврейский, на котором его сын не умел читать. Для Якоба Библия всегда была неиссякаемым источником примеров и ссылок, Фрейд же оценил ее значение лишь перед смертью. Он вообще постоянно подчеркивал свою религиозную необразованность, хотя знания его, без сомнения, были гораздо глубже, чем он показывал. Может быть, Якоб надеялся на то, что по примеру Людвиг Филиппсона его сын возьмется за трактовку запретных тем, тем-табу, чтобы подчеркнуть глубину и богатство Священного Писания? Обращаясь на протяжении всей своей жизни к вопросам религии (чем старше он становился, тем чаще делал это) и сравнивая себя с Моисеем («забыв» при этом о патриархе патриархов Аврааме),

не пытался ли Фрейд тем самым ответить на ожидания своего отца? Возможно, таким образом он по своему развивал эмоционально-культурное течение умеренного реформированного иудаизма, в рамках которого был воспитан.

Что из своего еврейского наследия Зигмунд и Марта передали детям? Видимо, то «что-то главное», ту «радость жизни», о которых Фрейд говорил своей невесте еще во времена их помолвки. Ни один из их шестерых детей не покинул лоно иудаизма; пятеро из них, те, что создали собственные семьи, взяли себе в спутники жизни людей своей национальности и заключили брак с благословения раввина. А один из правнуков, решивший вдруг стать пастором датской протестантской церкви, к которой принадлежала его мать, вначале отправился в Израиль, чтобы выучить иврит в кибуце. В 1938 году, приехав в Лондон, Марта подарила своим родственникам по материнской линии несколько принадлежавших ей ценных предметов религиозного культа, и в их числе вышитый кусок ткани, служивший для того, чтобы во время субботней молитвы накрывать им плетеный хлеб. Марта объяснила свой шаг тем, что ни ей, ни ее детям эти вещи больше не нужны. Но если дети не были в полной мере приобщены к религии, то чувство единения с еврейской нацией, царившее в доме Фрейда, было им привито. Они всегда ощущали себя евреями и никогда не переставали быть ими.

Время сновидений

Летом 1895 года воздух в Бельвю на поросших лесом венских холмах благоухал сладковатыми запахами сменявших друг друга в цветении сирени, раkitника, жасмина и акации. Фрейд провел с семьей немало приятных дней на вилле «Парадиз», снятой им на лето на Химмельштрассе, одной из крутых улочек в предместье Вены. Они готовились отметить тридцатичетырехлетие Марты, беременной их шестым ре-

бенком. Это было время, когда Фрейд с беспокойством думал об осложнении его отношений с Вильгельмом Флиссом: совсем недавно тот сделал крайне неудачную операцию его пациентке Эмме Экштейн. Фрейд был угнетен этим обстоятельством, он чувствовал и свою ответственность за эту неудачу и искал возможность снять с друга вину за профессиональную ошибку. Здоровье самого Фрейда было не в лучшем состоянии, у него побаливало сердце и начался гнойный синусит; его лечением также занимался Флисс, который запретил ему курить, что было для Фрейда настоящей пыткой. Между игрой в кегли и походами за грибами Фрейд сделал потрясающее открытие: в сновидениях осуществляется прорыв наружу нашего подсознания, в них чудесным образом воплощаются детские мечты и открываются новые горизонты в понимании человеческой природы.

В среду 24 июля 1895 года Зигмунд Фрейд проснулся утром с ощущением, что хорошо помнит только что виденный им сложный по содержанию сон, и сразу же бросился записывать его. Устроившись в северо-западном углу террасы, он подобно Артемидору из Дальдиса и Йосифу, толковавшим сны египетского фараона, принялся анализировать свой сон эпизод за эпизодом, чувствуя нарастающее возбуждение при мысли, что нашел новый ключ к пониманию сновидений.

В сновидении об «инъекции Ирме» оказался представленным весь тот тесный круг коллег-медиков, пациентов и друзей-евреев, в котором вращался Фрейд. Любой конфликт в этом кругу переживался более мучительно, чем в каком-либо другом, соперничество приобретало почти семейный характер, а все отношения имели налет некой двойственности. Оскар Рие, Людвиг Розенберг, Йозеф Брейер, Вильгельм Флисс, Анна Хаммершлаг-Лихтгейм, Эмма Экштейн, его жена Марта – все, кто окружали его в реальной жизни и насаляли его мысли, сошлись вместе в этом сновидении, героем которого был и он сам. Счастливое детство во Фрайбурге, семейные связи, весьма запутанные из-за разницы в возрасте в целое поколение между его отцом и матерью, болезни и недомогания, дружеские

привязанности, граничившие с соперничеством, честолюбивые мечты о великом открытии, желание вырваться из тесного мирка Леопольдштадта, чтобы добиться общепризнанного успеха «на другом берегу Дунайского канала», а также начало нового периода его жизни, принявшего форму самоанализа, – все это нашло отражение в сновидении, заложившем основу научного анализа сновидений и ставшем программным. В нем нашлось место и для библейской метафоры, не раз потом воспроизводимой Фрейдом: речь об «Иакове (Якобе), борющемся с ангелом». Фрейд отождествлял его со своим отцом, особенно часто он обращался к этому образу после смерти отца, ушедшего из жизни 23 октября 1896 года.

В ночь после похорон Якоба Фрейда – а может быть, в предшествующую им – его сын увидел во сне некую вывеску типа «Курить воспрещается», что вешают на вокзалах в зале ожидания. Надпись на вывеске гласила: «Просьба закрыть глаза/глаз».

Это двойное распоряжение выражало двойное желание: во-первых, выполнить волю покойного, который не хотел, чтобы сын любовался произведениями западных скульпторов, и противился соблазнам ассимиляции с «господствующим большинством», и, во-вторых, путем «сгущения» – одного из приемов, используемых подсознанием, – вымолить у отца прощение за желание хотя бы одним глазком взглянуть на этот мир и добиться в нем славы и признания.

Со смертью отца оборвались те ниточки, которые все еще связывали Фрейда с Yiddishkeit*, этим ярким и кипящим страстями миром, подчас не очень счастливым и богатым, но всегда готовым посмеяться над собой. Спустя несколько месяцев после смерти Якоба Фрейд сообщил Флиссу, что начал собирать «глубокомысленные еврейские анекдоты».

Используя совершенно новый подход, позаимствованный им у поэтов и драматургов и привнесенный в мир науки, Фрейд сделал предметом своих исследований самые заурядные и обыденные вещи, очень личные и отнюдь не возвышенные.

---

* Еврейством.

Ответной реакцией на смерть отца стало погружение Фрейда в свое прошлое, в котором он начал производить «раскопки», пытаясь вытащить на белый свет из глубин памяти забытые эпизоды детства и те сильные и не всегда благородные чувства, что он испытывал к своим близким. Около четырех лет, имея в качестве рабочих инструментов лишь свои сновидения, самоанализ и переписку с Флиссом, Фрейд двигался вперед к неведомым землям и невидимому континенту, имя которому бессознательное. Изобретение психоанализа удивительным образом перекликалось с автобиографией его автора – еврея родом из Моравии, выходца из семьи галицийских торговцев, пробившегося в круг венской научной интеллигенции и либеральной буржуазии. После интерпретации снов в «Толковании сновидений» Фрейд связал свое имя, столько раз осмеянное из-за ассоциации с прозвищем девиц легкого поведения, с серьезным анализом взаимосвязи остроумия и подсознания.

Таким образом, большой кусок своей родной культуры Фрейд перевел на язык науки и сделал частью той культуры, в которую влился: раввины, schnoggers (нищие), schadchen (сваты), славный парень Итциг, барон Ротшильд, галицийские евреи и бедные девушки-хромоножки на выданье были выведены им на сцену для подтверждения того, что существуют общие законы развития человеческой психики! У Фрейда хватило смелости заговорить об этом, но общество не было готово услышать его. Целых десять лет понадобилось для того, чтобы продать всего шестьсот экземпляров его «Толкования сновидений», последние экземпляры тиража чуть было не пошли под нож, а работа «Остроумие и его отношение к бессознательному» вообще долгое время оставалась непонятой.

Именно в это время Фрейд начал собирать еврейские анекдоты, «которые трудно было перевести с жаргона [с идиша], сохранив их соль», вступил в либеральную еврейскую организацию «Бнай Брит» и увлекся коллекционированием древностей. В этом же году ему четырежды снился Рим. Точно так же, как страсть к археологии отражала его привязанность к Библии Филиппсона, по которой он в детстве учил-

ся читать, и одновременно ассоциировалась с нарушением отцовских заповедей, четыре его римских сновидения 1897 года свидетельствовали о внутреннем конфликте его самосознания. Подобно многим венским евреям, его современникам, он чувствовал себя загнанным в угол и разрывающимся между уходящим в прошлое тесным миром еврейской общины (shtetl), гетто и Леопольдштадта и необъятными просторами эмансипации с ее опасностями ассимиляции и потери собственного Я. Да и вообще, как можно было оставаться евреем-атеистом в обществе, где религия являлась одним из основных факторов социального статуса личности, оставаться евреем, приверженным ценностям немецкой культуры, в многонациональном государстве, не признававшем за евреями права на собственную национальность и связавшем свою государственную политику с демагогическим антисемитизмом, оставаться евреем-либералом в период полнейшего упадка либерализма?

«Однажды мне приснилось, что из окна вагона я видел Тибр и мост Святого Ангела; но вот поезд тронулся, и я подумал о том, что так и не вышел в город».

«В другой раз меня привели на вершину холма и показали Рим, наполовину скрытый туманом и такой далекий, что я удивился, как я могу так отчетливо видеть его».

В третьем сне Фрейду привиделось, что он наконец добрался до Рима, но к его глубочайшему разочарованию это оказалось не так, и ему пришлось спрашивать дорогу в Вечный город. А когда он все-таки попал в Рим, то с удивлением обнаружил там афиши на немецком языке.

По отношению к Риму Фрейд испытывал ту же двойственность чувств, что и по отношению к своему собственному отцу, униженному христианином. Рим, античный и католический, дважды выступавший в роли гонителя евреев, стал для него той сценой, на которой разыгрывался спектакль о его комплексе виновности и фантазиях на тему Эдипа. Его отождествление себя с Ганнибалом, этим не слишком удачливым воином, целых пять раз приводило его уже в зрелом возрасте в Италию, где он ходил по церквям и музеям,

но так и не добирался до Рима, вызывавшего у него, по его собственному признанию, ностальгию «сугубо невротического характера». Рим стал воплощением его желания проникнуть в тайну человеческой природы и попасть в святая святых захватчиков-христиан. Это стремление рождало у него чувство вины из-за того, что он ощущал свое превосходство над Якобом, которое толкало его к отмежеванию от своего еврейского наследия. Но благодаря сновидениям и их анализу Фрейд удалось вырваться из-под власти тяготевшего над ним проклятия, связанного с клятвой Ганнибала.

В 1901 году, через пять лет после смерти отца, римские сны Фрейда стали наконец явью. И что же он первым делом пошел смотреть в Риме? Статую Моисея работы Микеланджело. Не было ли верхом нарушения еврейских законов его любование изображением того, кто как раз и сформулировал запрет почитать Бога в виде зрительного образа? Как понять то, что Фрейд, даже будучи «неверным» и неверующим евреем, смог пренебречь вековыми традициями своего народа, запрещающими любоваться идолами, и обо всем позабыл перед фрагментом надгробия, которое собирались установить в честь Папы Юлия II в одной из римских католических церквей? Так вот, ему удалось достичь удивительного компромисса со своей психикой: он смотрел на Моисея, не видя его. Его поразили в этой статуе ее глубина и сущность, а не ее эстетические, внешние и формальные достоинства, объяснял Фрейд в своей работе «“Моисей” Микеланджело».

В течение всей своей жизни Фрейд постоянно обращался к двум библейским темам, особенно часто – во время самоанализа. Речь об Иакове (Якобе), борющемся с ангелом, и о Моисее, увидевшем издали Землю обетованную. 7 мая 1900 года Фрейд писал Флиссу: «Для меня будет настоящим наказанием то, что ни одна из не исследованных пока провинций психического мира, в которые я проник первым среди смертных, не будет носить моего имени и не будет жить по моим законам. Когда во время схватки я увидел, что теряю силы, я обратился к ангелу с просьбой ослабить тиски, и он сделал это. Я не стал сильнейшим и с тех пор

заметно прихрамываю. Мне уже сорок четыре года, и я старый и не слишком счастливый израильтянин». Эти строки вновь продемонстрировали, что Фрейд хорошо знал Библию, он назвал себя в них не евреем, как обычно это делал, а израильтянином, воскрешая в памяти сцену из Книги Бытия, где Иаков получает имя Израиль после битвы с ангелом.

От сна о «дяде с рыжей бородой» до сна «Мой сын близорукий...» в своей книге «Толкование сновидений» Фрейд постоянно возвращался к вопросу об антисемитизме и о возможностях уберечься от него самому и уберечь своих детей. При анализе этих снов у него возникали упреки в адрес отца, который привез его в Вену, а не в Англию, где он был бы в безопасности: «Сцена из сна, где я вижу себя вывозящим детей из Рима, явно несет в себе воспоминания моего собственного детства об аналогичном событии. И все это означает, что я завидую тем родителям, которым уже давно удалось вывезти своих детей за границу».

Преследовавшие Фрейда ночные видения были связаны еще с одним вопросом, занимавшим его: не была ли вызвана задержка его назначения на должность профессора университета его вероисповеданием? По поводу одного из своих снов, напомнившего ему об антисемитской провокации, которой он подвергся во время путешествия на поезде по Саксонии, ему пришли на ум белые гвоздики, ставшие в Вене знаком отличия антисемитов, в противоположность красным гвоздикам – символу социал-демократов. Толчок к этому сновидению дал Фрейду Теодор Герцль. Накануне сновидения Фрейд был на спектакле по его пьесе «Новое гетто». «В мыслях сновидения легко прочитывается еврейский вопрос, тревога о будущем детей, которым мы не можем дать родину», – писал Фрейд в «Толковании сновидений». 28 сентября 1902 года он отправил Герцлю экземпляр этой своей книги, сопроводив подарок письмом, в котором выразил автору «Нового гетто» глубокое уважение не только как поэту, но и как «борцу за права их народа».

В феврале 1898 года, во время процесса над Золя и дела Дрейфуса, Фрейд писал Флиссу: «Золя держит нас в напряжении. Какой смелый человек! Думаю, мы

смогли бы найти с ним общий язык». Чтобы доказать, что в основе любого сновидения лежат события предшествующего дня, Фрейд привел несколько примеров своих собственных снов, был среди них и этот: «Человек на крутой скале посреди моря. Ландшафт напоминает мне картину Беклина. Источник: Дрейфус на Чертовом острове и одновременно известия, полученные мной от одного из родственников из Англии».

Каждую субботу Фрейд встречался со своими партнерами по игре в карты – врачами и такими же евреями, как он сам, а раз в две недели по вторникам он присоединялся к своим «братьям» по ложе организации «Бнай Брит», которым время от времени читал лекции по некоторым аспектам своей новой теории. Он чувствовал себя среди них в кругу друзей, доброжелательно принимавших его, тогда как во всех других местах к нему относились словно к человеку вне закона. Членом ложи «Wien» («Вена») еврейской организации «Бнай Брит», отстаивавшей гуманистические идеи просветителей и борющейся за единство еврейского народа, Фрейд стал 29 сентября 1897 года и наиболее активное участие в ее деятельности принимал в первое десятилетие своего членства в ней. Много позже, отвечая на поздравления по случаю своего семидесятилетия членам этой организации, Фрейд вспомнил о том доброжелательном приеме, который ему всегда оказывали «братья» по «Бнай Брит»: «То, что вы евреи, особенно привлекало меня, ведь я и сам еврей, и отречься от этого мне всегда казалось не только недостойным, но также и откровенно безрассудным. То, что связывало меня с иудаизмом, строилось не на вере, должен признать это, и даже не на национальной гордости, ведь я всегда был неверующим, я был воспитан без религии, но не без уважения к тому, что называется “этическими” нормами человеческой культуры».

Когда в 1899 году Фрейд отправлял в печать первые страницы своего «Толкования сновидений», он не чувствовал удовлетворения от своей работы, и в голову ему, как это с ним часто бывало, пришел один из тех «забавных еврейских анекдотов, которые содержат в себе глубокую, хотя и печальную житейскую мудрость»

и которые мы так охотно цитируем в разговоре и в письмах». Анекдот был такой: «Племянник поздравляет дядюшку Джонаса по случаю его предстоящей женитьбы и спрашивает его: “А твоя невеста красива, дядюшка?” – “Это дело вкуса. Лично мне она не нравится!” – слышит он в ответ».

Оплошности, ошибки и забывчивость в повседневной жизни

Тот, кто решил ознакомиться с подробностями повседневной жизни Фрейда, узнать о его поступках, снах и поисках своего Я, а также покопаться в его семейной летописи с географическими и «кулинарными» описаниями деталей, сформировавших его еврейскую сущность, – тот должен быть готов к тому, что ему придется погрузиться в историю, полную неожиданностей, противоречий, путешествий и мифов. Но у нее есть одна особенность: именно эта история положила начало психоанализу. Фрейд, венский еврей, разрывавшийся между гетто и ассимиляцией, между своими библейскими предками и западными поэтами всех веков и народов, между Афинами, Римом и Иерусалимом, изменил наши представления об обыденной жизни. Обратившись к тому, что известно любому человеку, к фактам повседневной жизни, он продемонстрировал всем, что банальные и анекдотические ситуации являются источником мудрости и поучительности. Он возвел их в ранг достоинства, благородства, творчества и созидания. Идущее от сознания, явное, выставленное напоказ, теперь выглядело подозрительным и обвинялось в обмане и лжи. А тайное, абсурдное, противоречивое и непонятное неожиданно стало носителем новой истины. Оказалось, что помимо обычных категорий, характерных для всего явного, разумного и действительного, вне зависимости от того, к какой области это относится: политике, религии, науке или морали, существует еще одна реальность, общая для всех этих категорий – *реальность психическая*. И если бы эта гипотеза о бессознательном не изменила наши представления о ми-

ре и о нас самих еще столетие назад, мы смогли бы поверить в существование чего-то подобного, побывав однажды на карнавале в Венеции или Рио, где, как в перевернутом мире, все запрещаемое в обычной жизни становится дозволенным и все установленные правила отбрасываются и заменяются на свою противоположность. Но если Фрейд и любил поиграть с масками, любил представить себя то Фаустом, то Дон Жуаном, а то и самим Мефистофелем, если он не боялся схлестнуться со всеми демонами из преисподней, все же он оставался детищем своего века: он верил в Науку. Он хотел научным путем подтвердить то, что подсказала ему его поэтическая интуиция. Вот каким образом объяснял он свои действия: «То, в чем главным образом заключается характер научной работы, определяется не самой природой фактов, которые в ходе нее рассматриваются, а более строгим методом их установления и стремлением к всеобъемлющей связи».

Точно так же, чтобы доказать универсальность своего открытия, которое, по сути, было обязано своим рождением представителю национального меньшинства, каковым являлся Фрейд, он постоянно приводил самые распространенные, самые общие примеры. Свою интеллектуальную принадлежность к «господствующему большинству» он демонстрировал перед всеми при помощи своего прекрасного знания произведений классиков (Гомера, Вергилия, Гёте, Софокла, Шекспира, Сервантеса, Данте – всех их он прочел в оригинале), через свою страсть к археологическим раскопкам и коллекционирование древностей, через свои римские сновидения и путешествия, через свое волнующее посещение Акрополя... Но не зашел ли он слишком далеко? Не раскрыл ли он то, что хотел затушевать? Кого, как не представителя меньшинства, могла заботить подобная проблема? Его причастность к западной общности не была чем-то, само собой разумеющимся, он не считал это самоочевидным, за это нужно было бороться, и борьба эта не прекращалась никогда.

Из его книги «Психопатология обыденной жизни» хорошо известен анализ случая забывания имени

итальянского художника Синьорелли. А во второй главе этой книги под названием «Забывание иностранных слов» Фрейд рассказывает о том, как он возобновил знакомство с одним молодым человеком, встретив того в поезде. Оба они занимали одинаковое социальное положение и принадлежали к одной «этнической группе». Так вот как раз это указание на общую принадлежность к еврейской нации и на те ущемления, какие они из-за этого претерпевали, и лежало в основе той забывчивости иностранного слова, которую анализировал Фрейд.

Во время их разговора молодой человек жаловался на то, что «его поколение обречено на захирение, не может развивать свои таланты и удовлетворять потребности». Обличительную речь он закончил известным стихом из Вергилия на латинском языке: *«Exoriar(e) aliquis nostris ex ossibus ultor!»* Но одно слово из этой строчки – *aliquis* – он позабыл и попросил Фрейда помочь ему разобраться, почему это произошло. «Сейчас мы это узнаем, – спокойно ответил Фрейд, – только я прошу вас сообщить мне *откровенно и без всякой критики* все, что вам придет в голову в тот момент, когда вы без какого-либо определенного намерения сосредоточите свое внимание на позабытом слове».

Ассоциации молодого человека, связанные со словом «*aliquis*», поочередно воскресили в его памяти реликвии Симона Триентского, мнение святого Августина о женщинах, святого Януария и чудо с его кровью, происходящее в определенный праздник в одной из церквей в Неаполе, когда кровь святого Януария, хранящаяся в склянке, вновь становится жидкой, французскую оккупацию Италии, обвинения со стороны антисемитов в адрес евреев в том, что последние совершают ритуальные жертвоприношения, и, наконец, ход его мыслей привел его к одной «очень интимной вещи»: молодой человек опасался получить неприятное известие от своей любовницы. «Известие о том, что у нее не пришли очередные месячные?» – уверенно спросил Фрейд. – «Как вы смогли догадаться?» – «Без труда, – ответил венский Шерлок Холмс, – ведь вы меня достаточно хорошо подготовили.

Вспомните *обо всех календарных святых*, о которых вы мне говорили, *о переходе крови в жидкое состояние в определенный день и о том, в какое волнение приходит народ, если этого чуда не происходит...*»

Но разве это состязание в области культуры, и культуры именно христианской, не привело всего лишь к скромному открытию того, что молодой еврей не желал рождения ребенка, который мог бы стать еще одним препятствием на его пути к успеху в венском обществе? И не принял ли Фрейд этот вызов собеседника, попросившего докопаться до скрытого смысла своей забывчивости, лишь в надежде «получить новый вклад в свою коллекцию»? Да, конечно, это была своего рода игра, в которую по обоюдному согласию решили поиграть попугачики. Но помимо этого совместного «развлечения» Фрейда и молодого человека «с университетским образованием» объединила главным образом их общая принадлежность к еврейской расе, общее стремление преуспеть и взять реванш над христианским большинством. И здесь мы вновь видим появление Рима и Ганнибала.

В самом деле, стихотворение, процитированное «амбициозным» молодым человеком, является отрывком из проклятия, которое произнесла карфагенская царица Дидона в адрес Энея и его потомков-римлян: «Оружие против оружия, которым сражаются наши два народа, они сами и их потомки». Карфагенский полководец Ганнибал продолжил этот ряд мстителей, ненавидевших римлян. А вместе с ним и Фрейд, с юношеских лет вставший на его сторону. Но свою битву он вел на вражеской территории и оружием врага, используя его мифы, его язык, его культуру и его интеллектуальные возможности. Двух попугачиков в поезде объединила не только их принадлежность к еврейской нации, но и общность культуры. Оба они обладали прекрасными знаниями в области истории, искусства, истории Церкви и ее отцов, мифологии, греческого и латинского языков, а также знали европейскую историю и были в курсе антисемитских настроений своего времени, особенно усилившихся в Вене после избрания ее бургомистром Карла Люгера. Если цепь ассоциаций позволила Фрейду добраться

до причины забывания, причины очень личного характера, то культурный ряд, выстроенный для того, чтобы до нее докопаться, вобрал в себя весь социально-исторический опыт, который познали на себе венские евреи. Дети мелких торговцев – обитателей гетто, они благодаря эмансипации и получению политических прав смогли войти в круг либеральной буржуазии и интеллигенции. Но с закатом либерализма, сопровождавшимся подъемом пангерманского национализма и антисемитизма, равно как и возрастанием значения религиозной принадлежности для определения социального статуса личности, эти «эмигранты во втором поколении» почувствовали себя загнанными в ловушку. И они действительно оказались в ней, спустя тридцать лет нацизм ярко продемонстрировал это. Но в начале двадцатого века Фрейд и его попутчик пока еще думали, что могут путешествовать в западном поезде, не «оплачивая входного билета», по формулировке Гейне, то есть не меняя веры. Вслед за Дидоной и Ганнибалом они верили, что смогут взять реванш, что не всегда они будут в положении жертвы и покинутой женщины типа Дидоны, брошенной Энеем. А потом, разве не были они полноправными гражданами этого общества, чьи мифы, языки и культуру они так хорошо усвоили? И разве не знали они так же хорошо, если не лучше, его историю, его святых и святыни?

Несмотря на столь мучительное положение венских евреев, Фрейд не хотел принимать ни радикального решения, которое вызывало у него отвращение и состояло в отречении от своей веры и в крещении, ни социально-политического решения, предлагавшегося социал-демократами (к ним присоединились многие евреи), ни того решения, что предлагал сионизм. Уйдя с головой в изучение мира бессознательного, а не конкретных фактов современной ему социально-исторической действительности, отдавая предпочтение человеку, который видит сны и забывает, смеется и любит, боится и сомневается, копается в своих переживаниях и страдает от переполняющих его чувств, дурных мыслей и бездействия, Фрейд, возможно, таким необычным образом пытался переформулиро-

вать вопрос о самосознании евреев. Он имел в виду не религию, ассимиляцию или национализм, а некий интеллектуальный проект, переросший рамки привычного. Этот проект в равной мере был далек как от планов лидера социал-демократии Виктора Адлера, так и от планов теоретика сионизма Теодора Герцля, а также от предложений Гейне, Шёнберга, всех тех, кто принял чужую веру и тех, кто остался преданным ортодоксальному иудаизму. Он выдвинул гипотезу о существовании внутри человека некоего мира, некоего убежища, которое каждый носит в себе. Он заговорил о наличии у человека памяти, которая, несмотря на видимую склонность людей к забывчивости, не может потеряться и проходит сквозь поколения. Он одержал верх над политикой и религией, подчинив их законам бессознательного.

*Разбитая посуда
и «культурная» сексуальная мораль*

В 1901 году, почти сразу после возвращения из Рима, Фрейд получил наконец звание профессора. Ему казалось, что все это приснилось ему: он увидел себя рядом с императором, лично поздравившим его, и в окружении политиков, которые так долго заставляли его ждать и страдать. Вот как он описал свое новое качество Флиссу в письме от 11 марта 1902 года: «Итак, я снискал наконец одобрение общественности. На меня сыплются поздравления и букеты, как если бы сексуальность была вдруг признана Его Величеством, значение сновидений подтверждено Советом министров, а необходимость психоаналитической терапии утверждена парламентом большинством в две трети голосов». Это были мечтания, типичные для венца, жившего в эпоху, когда парламент был парализован, когда страну сотрясали многочисленные волнения, причиной которых была ненависть чехов к немецкому языку, когда практически замерли торгово-экономические отношения между Австрией и Венгрией, а в Галиции не прекращались антисемитские выступления.

А сын Якоба, этого «странствующего галицийского еврея», добился наконец общественного признания; он вошел в закрытый для посторонних круг аггросиров-христиан, стал эмансипированным евреем, идущим в ногу со временем, уважаемым профессором одного из самых известных университетов Европы. Восхождение его к этим высотам сопровождалось множеством конфликтов, тревог и страданий. Видимо, не только о своих пациентах, но и о себе самом писал Фрейд в статье «“Культурная” сексуальная мораль и современная нервозность»: «Порой случается, что больной, страдающий нервным расстройством, привлекает внимание врача к тому противоречию между конституцией человека и нормами культуры, которое оказало влияние на развитие его болезни; он выражает это примерно следующими словами: “В нашей семье мы все стали нервными из-за того, что все время хотим стать лучше, чем нам может позволить наше происхождение”». Фрейд добавил к этому: «Страдают от нервных расстройств большей частью дети отцов – уроженцев сельских районов, простых и крепких здоровьем людей, грубоватых, энергичных и решительных, приехавших покорять большой город и позволивших своим детям за очень короткое время подняться на высокий культурный уровень».

Мальчишка, бегавший по моравским лугам и рвавший одуванчики, превратился в образованного венского еврея. Пусть он отошел от той атмосферы, в которой жили старые евреи из Леопольдштадта, пусть он никогда не признавал религиозных верований и навязчивый характер их ритуальных отправлений, но в своей повседневной жизни в интимном семейном кругу Фрейд никогда не отказывался от тех многочисленных удовольствий и наслаждений, которые дарил ему еврейская традиция, а также не был свободен от суеверий. Некоторым числам он придавал магическое значение: число 17, связанное с датой его помолвки с Мартой, было для него счастливым, а 52, похожее на древнееврейское слово «собака», – приносящим несчастье; долгое время он боялся, что умрет именно в этом возрасте. В своей книге «Психопатология повседневной жизни» Фрейд оставил еще одно свиде-

тельство своей приверженности суевериям: «Не так давно у нас дома был период, в течение которого стекло и фарфор бились на каждом шагу, я сам основательно приложил к этому руку. Но эта своего рода психическая эндемия легко поддавалась объяснению: через несколько дней должна была состояться свадьба моей старшей дочери. По этому торжественному случаю обычно разбивают “на счастье” какой-нибудь предмет из стекла или фарфора». Осколки посуды ознаменовали собой сразу две свадьбы: Матильды с Робертом Холличером и Александра Готтхольда Эфраима, младшего брата Фрейда, с Софией Сабиной Шрейбер; оба эти союза были освящены в один и тот же день венским раввином Гельбхаусом.

Если Фрейду непросто было быть сыном, то бремя отцовства – в смысле интеллектуальной преемственности, передачи опыта от учителя ученику – часто становилось для него сплошным разочарованием. После череды «сыновей»: Эдипа, Гамлета, Ганнибала и Иосифа – стала все более и более отчетливо вырисовываться величественная фигура отца-создателя, ведущего за собой свой народ, отца-законодателя – Моисея. Фрейд лелеял надежду сделать христианина Юнга своим «приемным сыном», своим преемником, своим наследным принцем, своим Иисусом Навином; после разрыва с ним он выпустил статью «“Моисей” Микеланджело» о статуе, которой почти десять лет вновь и вновь ездил любоваться в Рим. В этой своей работе Фрейд писал о пророке, обуздавшем свой гнев по отношению к предавшему его народу... Именно в этот период Фрейд впервые начал приводить длинные цитаты из Библии с точными ссылками на нее. Так, в своем «Моисее...» он пересказал историю о Золотом тельце, процитировав ее по переводу Лютера и принеся читателям извинения за это как за анахронизм. Но не просил ли он таким образом, как бы исподволь, прощения у своего отца, ведь тот мог читать Священное Писание в оригинале на древнееврейском языке?

Хотя Фрейд знал и любил библейскую историю, перед лицом ортодоксальности и традиционной еврейской учености ему приходилось признавать «свою необразованность». Что касается сионизма,

рожденного подобно психоанализу на венской земле, то Фрейд не стал вступать в ряды его сторонников, хотя относился к этому течению с определенной долей симпатии, не углубляясь, однако, в размышления о его шансах на успех или опасностях, которыми он был чреват. «Я не сионист, во всяком случае, не такой, как Эйнштейн, хотя и являюсь одним из попечителей еврейского университета в Палестине», – доверительно поведал Фрейд одному из своих учеников Джозефу Уэртису. И добавил: «Какое-то время я опасался, что сионизм может послужить поводом для возрождения прежней религиозности, но люди, присоединившиеся к этому течению, заверили меня, что молодые евреи в большинстве своем не религиозны, и это хороший знак...» Когда один из сыновей Фрейда – Мартиц – узнал о существовании в университете сионистской организации «Кадима» и вступил в нее, он беспокоился о том, как отреагирует на это его отец: «Он мог не одобрить мое вступление в эту ассоциацию, расценив мой поступок как очередную шалость, которая ничего кроме неприятностей мне не принесет. Но на деле оказалось, что он был искренне рад моему шагу и продемонстрировал это совершенно недвусмысленно; теперь, по прошествии стольких лет, я могу сказать об этом: он стал почетным членом “Кадимы”».

Таинственная и нерушимая верность

Источником жизненных сил и утешения в повседневной жизни Фрейд считал свою еврейскую память, дарящую ему радостное мироощущение. «Будучи евреем, я был свободен от многих предвзятых мнений, которые сковывают мышление других людей; будучи евреем, я был также предрасположен к оппозиции и отказу от согласия с “господствующим большинством”». Но боязнь навлечь на психоанализ обвинения в том, что это «еврейская наука», никогда не покидала Фрейда. Он пытался уберечь свое детище от нападок антисемитов. Избрав своим наследником Юнга, он надеялся таким образом оградить свое творение и

психоаналитическое движение от набирающей силу ненависти. Сталкиваясь с мощным сопротивлением психоанализу, Фрейд стал задумываться вот над чем: «В конце концов, у автора есть право задать себе вопрос: а не сыграла ли определенную роль в той антипатии, которую проявляет окружающий мир к психоанализу, его собственная личность и его принадлежность к еврейской нации, чего он никогда не скрывал? Подобные аргументы редко выдвигаются прямым текстом, но мы, к сожалению, стали настолько подозрительными, что не можем избавиться от мысли, что это обстоятельство внесло свою лепту в это дело. Вряд ли можно назвать чистой случайностью то, что первым психоаналитиком стал еврей. Чтобы провозгласить себя сторонником подобной доктрины, необходима была определенная решимость и предрасположенность к тому, чтобы оказаться в изоляции, встретив неприятие оппозиции, — эта участь гораздо привычнее евреям, нежели представителям любых других национальностей». Сам же он, умевший заставить других передавать с помощью слов самые темные и недоступные тайны их души, собственную верность иудаизму мог выразить лишь с помощью безмолвных душевных порывов. Он связывал свое влечение к вере предков с «множеством темных эмоциональных сил: чем сильнее они были, тем труднее их было выразить словами». В 1939 году в предисловии к изданию на иврите своей книги «Тотем и табу» Фрейд писал: «Автор... который не знает священного языка религии своих предков... в ответ на вопрос, что же в нем сохранилось от еврея, мог бы сказать, что очень многое и, возможно, как раз самое главное». В возрасте восьмидесяти лет он вновь с радостью и гордостью подтвердил свою преданность еврейской нации, которая заключалась для него в «чем-то совершенно непонятном и таинственном, не поддающемся никакому анализу». И неспроста в своей работе «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» Фрейд задумывался над тем, каким образом еврейскому народу удалось через века пронести неизменной свою сущность, и задавался вопросом о том, что же так сильно сплачивает его народ. Ответ он видел в том, что народ этот

имеет в совместном владении некое «интеллектуальное и эмоциональное достояние».

Афины, Рим и Иерусалим давали богатый материал для сновидений и трудов Фрейда, рассказывающих о путешествиях, которые он совершал в своей душе, но только родные края Эдипа и Ромула предстали в реальности перед его восторженным взором. Земля предков так и осталась предметом его мечтаний. Подобно невидимому храму, Иерусалим не был для него каким-то конкретным местом, он был сравним с замершими в священной тетраграмме гласными звуками и имел воплощение только в письменной форме. На приглашение своего друга Арнольда Цвейга приехать к нему на родину Библии, Фрейд, которому было почти восемьдесят лет, ответил: «Конечно же идея встретиться вместе с вами весну на горе Кармель всего лишь игра воображения. Даже в сопровождении моей верной Анны-Антигоны я не смог бы предпринять подобного путешествия». И добавил: «“Моисей...” по-прежнему занимает мои мысли». Именно в это произведение, напоминающее мозаику и созданное незадолго до его смерти, Фрейд вставил единственную в его литературном наследии фразу на древнееврейском языке. Он не мог не знать того, что это была не просто выдержка из повседневной молитвы, это были те последние слова, которые всякий правоверный еврей должен произнести перед смертью: «Schema Jisroel Adonai Elohenou Adonai Echod».

«Со смелостью человека, которому мало что осталось терять либо вообще ничего не осталось», Фрейд смотрел прямо в лицо этой загадке судьбы: его отец, траур по которому привел его к самоанализу и направил на славный путь создания «Толкования сновидений», отец, за оскорбление которого, как он считал, он отомстил, реабилитировав его в собственных глазах, тем, что стал известным ученым, – этот отец вновь вернулся к нему в самом конце его жизни, чтобы поставить его перед вечной и неизбежной проблемой связи поколений и продолжения семейных традиций. Можно назвать Моисея египтянином, но это никак не изменит его истинного происхождения. Можно стать отцом-создателем нового направления в

западной науке, но это не значит, что таким образом можно перестать быть сыном мелкого торговца из Галиции и внуком рабби из Тысменицы.

Смирился ли он со своей генеалогией, добавив в 1935 году к автобиографии в качестве постскриптума к долгому существованию следующие строки: «Будучи совсем юным и узнав, что такое искусство чтения, я погрузился в библейские истории; гораздо позже я понял, что именно это всегда помогало мне ориентироваться в жизни»? Согласился ли Фрейд с тем, что стал похож на своего старого отца, когда накануне своего отъезда в Лондон писал сыну Эрнсту: «Временами я сравниваю себя с библейским Иаковом, которого в преклонном возрасте его дети привезли в Египет»? И не стал ли тот момент, когда он вдруг ощутил свое сходство с одним прославленным раввином, моментом его воссоединения с традициями предков, при том, что он не чувствовал себя скованным этими традициями? Когда в марте 1938 года нацисты оккупировали Австрию, собрание членов правления Венского психоаналитического общества приняло решение, что каждый, кто может уехать, должен покинуть Вену, а штаб-квартира общества должна быть перенесена туда, куда эмигрирует Фрейд. Последний таким образом прокомментировал это решение: «После разрушения Титом храма в Иерусалиме раввин Иоханан бен Саккай испросил позволение открыть в Ямнии первую школу для изучения Торы. Мы сделаем то же самое».

В самом конце своей жизни Фрейд пришел к мысли, что «разумнее всего отказаться от попыток полностью разгадать эту загадку». Да разве можно постичь эту таинственную верность? Разве можно подвергнуть инвентаризации интеллектуальное и эмоциональное достояние? Да и вообще, как можно распутать весь этот клубок из ниточек и узелков, бессознательных порывов и сознательных отречений, клубок, каким на стыке девятнадцатого и двадцатого веков была Вена, находившаяся на перекрестке взаимопроникновения различных культур?

Фрейд всегда оказывался не там, где, как ожидалось, он должен был находиться. Его видели на доро-

гах, которые вели в Рим, а он в это время шел рядом с отцом по тротуарам своего родного города; когда он смотрел на Афины, он отворачивался от мраморных колонн изумительного янтарного цвета, чтобы представить себе в своем воображении лежащий за морем невидимый иерусалимский храм. Думая о путешествии к «несвятой земле», он представлял себя стареющим Эдипом, но в Риме восторгался мраморной статуей Моисея. Еврея-законодателя он превратил в высокородного египтянина, жил в окружении множества древних статуэток, словно идолопоклонник, считая себя при этом «добрым евреем». Он родился в первый день месяца иара года 5616, через восемь дней после рождения был приписан к еврейскому союзу, а прах его покоится в греческой вазе на кладбище Голдерс-Грин в Лондоне. На вазе этой с одной стороны изображен сидящий Дионис с тирсом* и канфаром**, колонна отделяет его от стоящей женщины, держащей в руках поднос с дарами и зеркало. На другой стороне вазы два юноши в тогах ведут между собой беседу.

Именно так хотел перейти в царство мертвых тот, для кого главным было его творчество, – венский еврей, странствующий между Афинами, Римом и Иерусалимом, человек, чьи книги стали для него его единственной родиной.

---

* Жезл, увитый плющом.

** Сосуд для питья в форме кубка с двумя ручками, преимущественно на высокой ножке.

НА БАЛУ ЛЮБВИ

Всех этих женщин он пригласил на бал любви, а кроме них также пригласил Эроса, Эдипа с Иокастой и Лаем, Нарцисса, Сада, Мазоха, вспомнил про Содом и Гоморру, про карту Страны Нежности и поток сладострастия, не забыл об одиноких мечтателях, маленьких полиморфных извращенцах, великих любовницах и воспевших их в своих стихах поэтах и писателях: Шекспире, Гейне, Сервантесе и Гёте.

Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.
Вдали всплывает сказкою старинной
Любви и дружбы первая пора*.

Без церемоний и различий на этом балу привечали дружбу и влечение к ярко накрашенным женщинам, любовную страсть и нежные сыновние чувства, интимную супружескую близость и преданность абстрактным идеям. Невинность появлялась там в паре со своим табу, а «культурная» мораль вела беседы о способах предохранения от беременности, о целомудрии, неверности и онанизме. В «семейном романе» нашлось место для «первобытной сцены», а на восточной софе Фрейда сменяли друг друга его пациенты и ученики, связанные с ним узами трансфера.

---

* Перевод Б. Пастернака.

Для обозначения самых разных проявлений либидо Зигмунд Фрейд использовал одно и то же слово: *любовь*, противопоставляя ей *ненависть*, а в основе любого чувства видел сексуальность и со всей откровенностью говорил об этом.

От матери к смерти кружится хоровод любви; и за тысячей мелькающих в этой круговерти лиц всегда прочитывается образ первой искусительницы, чувство к которой вечно и ни с чем не сравнимо: «любовь – это ностальгия».

Амалия

Девичья фамилия: Натансон.

Фамилия по мужу: Фрейд.

Имя: Амалия Малка.

Родилась: 18 августа 1835 года в г. Броды (Галиция).

Умерла: 12 сентября 1930 года в возрасте 95 лет в Вене.

Дети: Зигмунд, Юлиус (умер в возрасте 6 месяцев), Анна, Роза, Митци, Дольфи, Паула, Александр.

Отношение к Фрейду: его мать.

Как она его называла: «мой маленький мавр» и mein goldener Sigi (мой золотой Зиги).

Как он ее назвал: пересказывая Флиссу в письме от 3 октября 1897 года эпизод своего детства, когда он застал мать обнаженной, целомудренно назвал ее на латыни matrem nudam*.

Описание: стройная, живая, порывистая, с черными глазами и темными волосами, собранными в пучок. По свидетельству знавших ее, в юности Амалия была очень красива. До самого последнего дня своей жизни она оставалась настоящей женщиной, обожавшей наряды и украшения. На ее восьмидесятилетие сыновья подарили ей брошь, а на девяностолетие – кольцо с огромным сапфиром в окружении бриллиантов. Уже будучи в очень преклонном возрасте, она как-то примерила новую шляпку и, возвращая ее продавцу, заявила: «Я не возьму ее, она меня старит!»

---

* Мать обнаженная.

Хозяйка большого дома, прекрасная кулинарка и портниха, она всегда была жизнерадостной и энергичной женщиной. Амалия любила играть в карты и засиживалась за карточным столом до часу ночи, тогда как большинство пожилых женщин, по свидетельству биографа Фрейда Джонса, в это время обычно спали. Каждый год она ездила в Ишль, чтобы пройти курс лечения и отпраздновать свой день рождения в один день с императором. Когда она была в Вене, ее дорогой «золотой Зиги» навещал ее каждое воскресенье, неизменно принося цветы. Она прекрасно знала, что старший сын всегда приходит последним на их семейные встречи, но ничего не могла с собой поделаться и каждый раз тревожно ходила туда-сюда и выскакивала на лестницу, беспокоясь по поводу его вечных опозданий.

Поняла ли она что-нибудь в будоражившей умы скандальной теории сына? Скорее всего, не много, но в гениальности Зиги она не сомневалась никогда.

Что Фрейд говорил о ней: «Если человек в детстве был любимым ребенком своей матери, он всю жизнь чувствует себя победителем и сохраняет уверенность в том, что во всем добьется успеха, и эта уверенность, как правило, его не подводит».

Когда она умерла, а это случилось за девять лет до его собственной смерти, Фрейд написал в письме Шандору Ференци: «...Я не имел права умереть, пока она была жива, а теперь такое право у меня появилось. Так или иначе, но теперь в глубинах моего сознания должна произойти существенная переоценка жизненных ценностей».

Ее влияние на теорию Фрейда: очень существенное, от открытия эдипова комплекса до постановки вопроса о женской сексуальности.

15 октября 1897 года Фрейд писал своему другу Флиссу: «Я обнаружил у себя, как, впрочем, и у многих вокруг, чувство любви к матери и чувство ревности к отцу». Теоретическую разработку идеи о возможном существовании у маленького ребенка ненависти к матери Фрейд оставил своим наследницам: Жанне Ламбль де Гроот, Хелене Дойч и Мелани Кляйн, поскольку даже после смерти Амалии он обергал ее от

этих враждебных чувств и идеализировал связывавшие их тесные узы: «Только взаимная любовь матери и сына способна принести ей наиболее полное удовлетворение, поскольку из всех типов человеческих взаимоотношений именно эти являются идеальными и лишенными какой-либо двусмысленности».

Кормилица, возлюбленная, мать-земля – человек никогда не расстается со своей самой первой родиной: «Ребенок во чреве матери – это прообраз всех типов любовных отношений. Выбрать сексуальный объект значит просто-напросто отыскать его вновь».

После смерти Амалии Фрейд решился, наконец, вплотную заняться освоением древнего и таинственного материка Вечной женственности, посвятив этой теме одну из глав своих «Новых лекций» и статью «О женской сексуальности». На страницах этих работ он рассказал о том удивлении, которое постигло его при изучении психосексуального развития девочек. Это удивление было сродни удивлению археолога, открывшего, что до греческой культуры существовала еще и минойско-микенская.

Фрейд смиренно признавал свое невежество в этой области. Он якобы как-то сказал Марии Бонапарт: «Есть один вопрос, на который я так и не смог найти ответа, несмотря на то, что в течение тридцати лет изучал женскую душу. Вопрос этот: “Чего хочет женщина?”»

Няня

Предполагаемая фамилия: Зайиц.

Имя: Моника.

Предполагаемое семейное положение: незамужняя.

Возраст: в то время, когда Фрейду было два-три года, ей было около сорока.

Вероисповедание: католичка.

Отношение к Фрейду: его няня.

Как она его называла: видимо, Зиги.

Как он называл ее спустя сорок лет: своей «первой возбудительницей» (неврозом), своим «наставником в вопросах секса», своей «доисторической» нянькой.

Описание: старая и некрасивая, здравомыслящая, трудолюбивая; была уволена за воровство. Она часто брала маленького Зиги с собой в церковь и рассказывала ему про рай и про ад.

Что Фрейд говорил о ней: «Можно предположить, что, будучи ребенком, я любил свою няню, несмотря на то, что она иногда шлепала меня».

Во время самоанализа Фрейда она множество раз появлялась в его сновидениях; он на всю жизнь остался ей благодарен за то, что с самого раннего детства она внушила ему мысль об исключительности его способностей.

Ее влияние на фрейдовскую теорию: проведя самоанализ, Фрейд обнаружил, что его воспоминания о няне накрепко связаны с его первыми сексуальными переживаниями и первым любопытством ребенка, ищущего ответы на вопросы о различии полов и о любви. Эта наука оказалась для него сложнее, чем можно было бы предположить, из-за путаницы поколений в его семье: его отец к моменту его рождения был уже дедушкой, сам он был дядей и имел племянника старше себя; его старая нянька, видимо, была интимной подругой его отца; а что касается его сводного брата Филиппа, то Фрейд подозревал его в интимной связи со своей матерью Амалией, поскольку они были ровесниками.

Анна

Девичья фамилия: Фрейд.

Фамилия по мужу: Бернейс.

Родилась: 31 декабря 1858 года во Фрайбурге.

Умерла: 11 марта 1955 года в Нью-Йорке.

Дети: Джудит, Люсия, Эдвард Луи, Гелла и Марта.

Отношение к Фрейду: сестра; жена брата Марты.

Описание: она была типичной жительницей Вены, всегда веселой и преисполненной оптимизма.

Что она рассказывала о своем брате: в ее воспоминаниях прочитывается та же ревность к брату, какую Фрейд испытывал в детстве к ней самой. С нескрываемой завистью она описывала комнату, кото-

рую старший брат занимал один, тогда как сестрам приходилось ютиться всем вместе, а также другие привилегии любимца родителей. Их мать, обладавшая музыкальным дарованием (как и их младший брат Александр), хотела, чтобы Анна также училась игре на фортепиано, но Фрейд был категорически против того, чтобы в доме звучала музыка, и заставил мать отказаться от этой затеи, пригрозив, что уйдет из дома. Кроме того, Зигмунд запрещал своей сестре, когда ей было шестнадцать, читать Бальзака и Дюма. Он был старшим братом, любившим навязывать свою волю и ревниво относившимся к развлечениям сестер.

Анна собиралась замуж за брата Марты, невесты Фрейда, и поначалу все четверо решили устроить общую свадебную церемонию, но потом эти планы расстроились, Фрейд вообще не пошел на свадьбу своей сестры из-за неприязни к ее жениху. Правда, много позже он помог Анне и Эли эмигрировать в Соединенные Штаты, оставив у себя двух из их дочерей, которые жили у него в семье довольно долгое время, и оказывал им материальную поддержку. Ссора была исчерпана, но о смерти брата Анна узнала по американскому радио лишь вечером 23 сентября 1939 года.

Общее воспоминание: «Однажды отец шутки ради позволил мне и старшей из моих сестер изорвать в клочья книжку с цветными вкладками (описание путешествия в Персию). С педагогической точки зрения это едва ли было разумно. Мне в то время было пять лет, а моей сестре неполных три года. Воспоминание о той безграничной радости, с какой мы драли листы из этой книжки (листик за листиком, словно раздевая артишок), оказалось чуть ли не единственным моим воспоминанием о той поре».

Влияние на фрейдовскую теорию: по-видимому, именно эта «узурпаторша» материнской любви подтолкнула Фрейда к размышлениям о братской ревности (неотъемлемой части эдипова комплекса) и о сексуальных фантазиях детей для того, чтобы объяснить тайну появления на свет младенцев (нежеланных).

Еще несколько слов о пяти сестрах доктора Фрейда: в своем письме Марте от 21 апреля 1884 года он писал: «Тебе не кажется, что наши глупышки “идут на расхват?” Одна лишь Дольфи пока еще свободна. Вчера она мне сказала (я пригласил ее на чай, чтобы она заодно зашила мой черный плащ): “Наверное, замечательно быть невестой образованного человека, но образованный человек вряд ли захочет взять меня в жены, не так ли?” Я не смог удержаться от смеха после этого заявления».

Дольфи, как впоследствии его собственная дочь Анна, осталась незамужней и всю жизнь ухаживала за их матерью Амалией. Роза, любимая сестра Фрейда, о которой говорили, что она красива, как итальянская актриса Элеонора Дузе, вышла замуж за известного венского юриста Генриха Графа. До скоропостижной смерти мужа она жила в одном доме с братом на Берггассе; после ее переезда Фрейд забрал себе ее квартиру и оборудовал там свой кабинет и приемную, которые до того времени располагались на первом этаже дома.

Его сестра Митци вышла замуж за их дальнего родственника из Бухареста Морица Фрейда. Зигмунд практически не общался с ней и не испытывал никакой симпатии к ее детям и мужу – «наполовину азиату». Паулина, самая младшая из сестер Фрейда, была счастлива в браке с Валентином Винтерницем, но брак этот продлился совсем недолго: муж умер, оставив ее с четырехлетней дочкой.

Паулина и Митци были депортированы и уничтожены в «лагере смерти» в Треблинке, Роза погибла в Аушвице. Дольфи умерла от голода в Терезиенштадте. Марии Бонапарт не удалось получить у французских властей разрешение на то, чтобы эти женщины поселились на Лазурном Берегу, в Ницце или ее окрестностях. Уезжая из Вены, Фрейд оставил сестрам значительную сумму денег (160 тысяч крон), судьба их очень волновала его, в письме к Марии Бонапарт он с тревогой писал: «Последние ужасные события в Германии заставляют еще серьезнее задуматься о том, что можно сделать для четырех старых женщин».

Девичья фамилия: Флюс.

Фамилия по мужу: Поппер.

Возраст: пятнадцать лет на момент описываемых событий.

Отношение к Фрейду: подруга детства.

Как она его называла: никаких свидетельств об этом не сохранилось.

Как он ее прозвал: Ихтиозаврица.

Что он писал о ней: «Это были мои первые каникулы в деревне [во Фрайбурге, его родном местечке]... Мне было семнадцать лет, дочери моих хозяев – пятнадцать, я сразу же влюбился в нее. Впервые в моем сердце поселилось столь сильное чувство, но я держал его в строжайшем секрете. Спустя некоторое время девушка уехала обратно в свой колледж, она, как и я, приезжала домой на каникулы, и эта разлука после столь короткой встречи еще больше обострила мою ностальгию по местам моего детства. Часами напролет бродил я в одиночестве по вновь обретенным мною прекрасным лесам, строя воздушные замки, но мое воображение уносило меня не в будущее, а в прошлое, представляя его в розовом свете. Если бы в моей жизни не было этого ненужного переезда, если бы я остался жить в родном краю, если бы я рос на этой земле, если бы я стал таким же сильным, как местные парни – братья моей возлюбленной, если бы я унаследовал дело своего отца, то в конце концов я женился бы на этой девушке, потому что она обязательно ответила бы взаимностью на мое чувство! Естественно, я ни минуты не сомневался в том, что и в тех условиях, которые рисовало мое воображение, я столь же пылко любил бы ее, как и в действительности... Я точно помню, что в первую нашу встречу на ней было надето желтое платье, и долго еще этот цвет, случайно попав мне на глаза, заставлял учащенно биться мое сердце».

Ее влияние на фрейдовскую теорию: анализируя, не называя имен, этот свой первый любовный опыт, Фрейд понял значение «маскирующих воспоминаний». За Гизелой и ее желтым платьем пряталась его кузина Паулина с букетом одуванчиков, которые он пы-

тался вырвать у нее, когда ему было два или три года. За воспоминанием о его юношеских переживаниях на самом деле скрывался вытесненный из сознания сексуальный образ, связанный с лишением девственности.

Возможно, тайная любовь к Гизеле помогла Фрейдю сформулировать некоторые черты, характерные для состояния влюбленности, среди которых он выделил идеализацию и завышенную оценку любимого человека, зависимость чувства от наличия инцестного компонента, необходимость – для усиления либидо – преодолевать какое-либо препятствие, поскольку неудовлетворенные желания всегда являются энергетической подпиткой влечения.

Сара

Фамилия: Бернар.

Место встречи: Париж, театр «Порт-Сен-Мартен».

Дата: 7 ноября 1885 года.

Отношение к Фрейдю: никакого.

Спектакль: «Теодора» Викторьена Сарду.

Что он сказал о ней: «По пьесе она всего лишь *une femme qui aime* [женщина, которая любит]... Но как эта Сара играет! После первых же реплик, произнесенных этим проникновенным и чудным голосом, мне показалось, что я знаю ее давным-давно. Никогда еще актриса не поражала меня так сильно: я сразу же был готов поверить всему, что она говорила... И потом, эта ее манера завлекать, умолять, сжимать в объятьях; просто невероятно, какие позы она может принимать, как она прижимается к партнеру, в какой гармонии у нее играет каждый мускул, каждый сустав. Удивительное создание! Мне представляется, что в жизни она такая же, как на сцене».

Ее влияние на теорию психоанализа Фрейда: видимо, нулевое; но эта парижская хроника рассказала нам об исключительной восприимчивости Фрейда к человеческому голосу и о том, что уже тогда у него появилась мысль о символической равнозначности сценического воплощения и истинной сущности человеческой личности.

Марта

Девичья фамилия: Бернейс.

Фамилия по мужу: Фрейд.

Родилась: 26 июля 1861 года в Вандсбеке (под Гамбургом).

Умерла: 2 ноября 1951 года в Лондоне.

Дети: Матильда, Жан-Мартин, Оливер, Эрнст, София, Анна.

Отношение к Фрейду: его жена.

Дата первой встречи: один из апрельских вечеров 1882 года.

Дата помолвки: 17 июня 1882 года.

Дата свадьбы: 14 сентября 1886 года.

Как он ее называл: «my sweet darling girl», «моя милая невеста», «возлюбленная моя Мартхен», «моя маленькая принцесса», «мое сладкое сокровище», «сердце мое», «моя драгоценная любовь», «моя Корделия», «моя Дульсиenea», «моя Ева».

Как она называла его: видимо, Зиги. Ни одно из ее любовных писем не было опубликовано.

Описание: невысокого роста; ее описывали как воплощенную нежность, грациозность и самоотверженность, но также как человека, наделенного твердым характером.

Она оказалось не такой послушной, как думал Фрейд. Он любил «чистую и благородную красоту ее лба, ее глаз», ему, видимо, нравились «зрелость ее суждений» и ее независимость, которые возбуждали у него еще большее желание завоевать ее.

Она на всю жизнь сохранила свой гамбургский акцент и всегда преклонялась перед пунктуальностью; она так никогда и не стала настоящей жительницей Вены. По свидетельству ее сына Мартина, она «вела хозяйство с равной долей твердости и мягкости» и прекрасно умела владеть своими чувствами.

Она очень любила читать и была большой поклонницей Томаса Манна. Она также любила оперу, но часто попадала в театр только ко второму акту из-за того, что не могла пропустить ужин с мужем и детьми, который подавался у них в доме в девять часов вечера.

Что она сказала о нем: в письме Бинсвангеру от 7 ноября 1939 года: «Как это ужасно и трудно жить без него. Продолжать жить без его доброты и мудрости! Я нахожу слабое утешение в осознании того, что в течение пятидесяти трех лет нашей супружеской жизни мы не сказали друг другу ни одного плохого слова и что я всегда старалась, насколько это было в моих силах, ограждать его от неприятностей повседневной жизни. А теперь моя жизнь потеряла смысл и содержание... Сколько же любви и обожания было в нем, мы только сейчас смогли оценить это в полной мере».

Что она сказала о психоанализе: по свидетельству Рене Лафорга, Марта не верила в психоанализ детей. «Должна признать, что, если бы я не знала, с какой серьезностью мой муж относится к работе, я решила бы, что психоанализ является видом порнографии». Мария Бонапарт как-то поведала своему психоаналитику: «Госпожа Фрейд рассказала мне, до какой степени удивила и даже оскорбила ее ваша работа, в которой вы открыто рассуждали о вопросах сексуальности. Она нарочно не стала читать ее». «Моя жена слишком буржуазна», – был ответ мужа.

Возможно, Марта в какой-то мере отомстила мужу за то, что он так много сил и энергии отдавал своему делу и так часто оставлял ее по вечерам в одиночестве, допоздна засиживаясь в кабинете. О чем беседовала она со своей сестрой Минной, когда они вместе ходили в театр или долгими часами занимались вышиванием? Кто знает?

Любовные признания, которые он ей делал: «С губ твоих срывались розы и жемчужины, как у принцессы из сказки, и нельзя было понять, чего в тебе было больше: доброты или ума», – таким был первый комплимент романтического Зигмунда. На следующий после их помолвки день он признался: «Когда я люблю, я отдаюсь своему чувству целиком» (19 июня 1882 г.). Такая любовь, естественно, требовала взаимности: «Нужно, чтобы ты любила меня без всяких оснований, как любят без оснований все те, кто любят, просто потому, что я тебя люблю» (16 января 1884 г.).

Помня свой нежный союз с матерью, Фрейд всегда мечтал о любви как о слиянии душ: «Ты сможешь чи-

тать во мне, как в открытой книге, и мы будем безмерно счастливы, понимая и поддерживая друг друга» (23 октября 1883 г.). Любить – значит перестать быть отдельным Я и слиться с Я любимого человека.

Ревнивый до тиранства, Фрейд ценил домашний очаг, где мужчине и женщине отводятся те места, которые традиционно соответствуют разделению полов. Супруге – дети, кухня, красивое белье в шкафах. «Совершенно немыслимо толкать женщин на то, чтобы они наравне с мужчинами участвовали в борьбе за существование... В данном вопросе я придерживаюсь консервативных взглядов», – писал Фрейд невесте. И добавил к вышесказанному: «Надеюсь, что в этом наши мнения совпадают» (15 ноября 1883 г.). Взамен Марта могла быть уверенной в том, что всю жизнь будет горячо любимой женщиной.

И все же Фрейд надеялся найти в будущей жене еще и интересного собеседника. Он мечтал о «совместной жизни с любимой, которая будет не только хозяйкой дома и стряпухой, но также бесценным другом и прелестной любовницей» (19 апреля 1884 года). Правда, после их свадьбы «бесценным другом» стал именоваться Флисс.

Сцены из семейной жизни: Фрейд, находившийся вдали от Марты в течение четырех лет после их помолвки, демонстрировал своей невесте страстную, но не выходящую за рамки платонической, любовь. Лишь несколькими поцелуями обменялись влюбленные за время их редких свиданий.

После первых лет интимной близости и следовавших одна за другой беременностей их сексуальная жизнь, видимо, довольно быстро утратила яркость красок. Выход для своей страсти Фрейд начал находить вначале в мужской дружбе один на один, а позже в коллективной дружбе сразу с несколькими мужчинами и женщинами. Тем не менее брак Марты и Зигмунда вполне можно считать счастливым, они всю жизнь сохраняли друг к другу нежные чувства и спорили только по поводу того, как следует готовить грибы: с ножками или без.

В своей статье «“Культурная” сексуальная мораль и современная нервозность» Фрейд критически про-

анализировал те ограничения, которые общество навязывает своим гражданам, и не нашли ли отражение в этой работе его собственные проблемы интимного порядка? «Наша “культурная” сексуальная мораль регламентирует даже взаимоотношения между супругами, поскольку требует от них вступать в сексуальные отношения друг с другом только для продолжения рода, сводя эти отношения к минимуму. Вследствие этого супруги могут вести в браке удовлетворяющую их сексуальную жизнь только в течение первых нескольких лет супружества, причем из этого времени стоит исключить периоды, когда женщину стоит щадить по гигиеническим причинам. Итак, после трех, четырех или пяти лет супружеской жизни надежды на удовлетворение сексуальных потребностей в браке оказываются несостоятельными, поскольку все существующие ныне методы контрацепции не позволяют партнерам достигать полного сексуального удовлетворения, негативно сказываются на их чувственности и даже способствуют развитию нервных заболеваний».

В письме к Флиссу от 20 августа 1893 года, которое до сих пор остается неизданным, Фрейд писал о том облегчении, которое испытала Марта, получив возможность немножко отдохнуть и развлечься, не боясь забеременеть, как в предыдущие годы, поскольку «сейчас мы живем в воздержании».

Альковные секреты: «Я сторонник, – писал Фрейд 8 июля 1915 года Джеймсу Патнему, – гораздо более свободной сексуальной жизни, хотя сам пользовался такой свободой весьма умеренно; я пользовался ею лишь в той мере, в какой считал для себя позволительной».

Каждому своя «примитивная сцена».

Матильда

Девичья фамилия: Фрейд.

Фамилия по мужу: Холличер.

Родилась: 16 октября 1887 года в Вене.

Умерла: 20 февраля 1978 года в Лондоне.

Дети: не имела.

Отношение к Фрейду: старшая дочь.

Крестная мать: Матильда Брейер.

Сообщение о ее рождении: «Она весит три килограмма четыреста пятьдесят граммов, это весьма солидный вес, и ужасно некрасива, с первого же мгновения она не вынимает изо рта большой палец правой руки, который непрерывно сосет; не считая этого, у нее, похоже, покладистый характер, и ведет она себя так, будто и вправду чувствует себя дома... Судя по ней, она совсем не жалеет о том, что ей пришлось пережить.... Как можно так долго писать об этой маленькой штучке, которой всего пять часов от роду? Я чувствую, что уже очень люблю ее, несмотря на то, что еще не видел ее при свете дня... Я устал так, как будто сам через все это прошел... Я всегда знал, какое бесценное сокровище мне досталось, но никогда еще Марта не проявляла столько доброты и естественности, как во время этого тяжелого испытания, которое не допускает никакого лицемерия», – писал Фрейд своей теще и свояченице Минне.

Что она говорила о нем: будучи подростком, Матильда с удовольствием сопровождала отца во время его прогулок; одна из ее подружек, увидев однажды, что Матильда шла справа от отца, заметила, что девушке не следует идти с этой стороны. На что та гордо ответила: «Только не с моим отцом. С ним я всегда чувствую себя леди».

Сексуальное воспитание: узнав однажды, что его дети не понимают разницы между волком и быком, Фрейд сказал им: «Нужно объяснить вам эти вещи». На том все и кончилось.

Что он ей писал: 26 марта 1908 года: «...Я уже давно догадался, что, несмотря на все твое здравомыслие, ты переживаешь из-за того, что кажешься себе недостаточно хорошенькой, чтобы понравиться какому-нибудь мужчине. Это вызывает у меня улыбку, поскольку, во-первых, я нахожу тебя довольно красивой, а во-вторых, я знаю, что на самом деле уже давно не физическая привлекательность решает судьбу девушки, а то впечатление, которое производит ее личность. Твое зеркало успокоит тебя на этот счет... Любящий тебя отец».

Фрейд хотел, чтобы Матильда вышла замуж за его молодого последователя Шандора Ференци, но дочь нашла своего избранника вне психоаналитического сообщества.

София

Девичья фамилия: Фрейд.

Фамилия по мужу: Хальберштадт.

Родилась: 12 апреля 1893 года в Вене.

Умерла: 25 января 1920 года в возрасте двадцати шести лет в Гамбурге.

Дети: Эрнст (первый внук Фрейда, ставший психоаналитиком) и Гейнц Рудольф, в семье его называли Гейнеле (Фрейда видели плачущим только один раз в жизни: когда умер этот малыш, которого он нежно любил).

Крестная мать: София Шваб, племянница старого друга Фрейда Самуэля Хаммершлага.

Отношение к Фрейду: его дочь.

Как он ее называл: «воскресное дитя», «прекрасное создание».

Что он писал о ней: гордый за своих детей и заботившийся о том, чтобы они росли здоровыми, Фрейд день за днем описывал своему другу Флиссу каждый новый зуб, каждое выученное стихотворение, все игры и все болезни своей маленькой «стайки», и каждое его слово выдавало в нем любящего отца: «София, которой сейчас три с половиной года, находится в стадии *красоты*». А вот про нее же на свадьбе ее сестры Розы: «Самой красивой была наша малютка София с завитыми щипцами волосами и в венке из незабудок...»

Когда она обручилась, не испросив согласия родителей, Фрейд написал ее счастливому избраннику: «... Мы всегда желали, чтобы наши дочери могли свободно следовать своим чувствам в выборе мужа... Но тем не менее как родители мы имеем собственные представления о том, как все это должно происходить, и считаем себя обязанными напомнить вам о нашей весьма важной роли; именно поэтому, перед тем как с волнением произнести “да” или “аминь”, мы хо-

тели бы познакомиться со столь энергичным молодым человеком». Немного позже в письме все тому же Максу Хальберштадту Фрейд рассказал о том, как эта новость потрясла его отцовские чувства: «Я с удивлением обнаружил, что такая маленькая девочка вдруг превратилась во влюбленную женщину!»

Грипп, осложненный воспалением легких, отнял у Фрейда его любимую и цветущую Софию. Это стало для него невосполнимой утратой. В письме Ференци Фрейд писал: «Поскольку я абсолютно не верю в Бога, мне некого винить в том, что случилось, и я знаю, что не существует такого места, куда я мог бы пойти пожаловаться». С тех пор он всегда носил с собой медальон с фотографией своей красавицы Софии, который прикрепил к цепочке своих часов.

Ее влияние на фрейдовскую теорию: после ее смерти, в 1920 году, Фрейд написал статью «Печаль и меланхолия» и закончил работу «По ту сторону принципа удовольствия». Кое-что окончательно перешло на сторону Танатоса... По поводу своей собственной печали он писал Бинсвангеру: «Сегодня моей ушедшей из жизни дочери исполнилось бы тридцать шесть лет... Известно, что острая боль такой утраты со временем притупится, но полного утешения никогда не будет, поскольку утрата эта невосполнима... Эти наши переживания – единственный способ увековечить любовь, от которой мы не хотим отречься».

Аннерль

Девичья фамилия: Фрейд.

Имя: Анна (если бы родился мальчик, его назвали бы Вильгельмом).

Семейное положение: незамужняя.

Родилась: 3 декабря 1895 года в Вене.

Умерла: 10 октября 1982 года в Лондоне.

Профессия: учительница, с 1923 года психоаналитик.

Крестная мать: Анна Хаммершлаг-Лихтгейм, любимая пациентка ее отца и единственная дочь его старшего учителя древнееврейского языка.

Ремарка: в письме к Абрахаму от 9 января 1908 года Фрейд писал: «Это просто какая-то мания сексуального величия... три женщины: Матильда, София и Анна – это три крестные матери моих дочерей, и все они мои!»

Отношение к Фрейду: его младшая дочь.

Как он ее называл: «моя верная Антигона-Анна».

Описание: черноволосая, невысокого роста, миниатюрная; по свидетельству близких, она на всю жизнь сохранила присущую ей с юных лет шаловливость, хорошо уживавшуюся с серьезностью. Она стала сиделкой своего отца, страдавшего от рака челюсти, и до самой его смерти ухаживала за ним, не выказывая никаких признаков жалости, как он того требовал. Анна часто выступала вместо отца с лекциями и сообщениями и представляла его везде, где он не мог появиться из-за болезни. Она была его дочерью, его секретарем, его коллегой, его голосом. Она была среди тех ближайших и самых верных учеников Фрейда – членов «тайного комитета» (к нему также принадлежали Лу Андреас-Саломе и Мария Бонапарт), которым он вручил по греческой инталии*; каждый из них вставил свой камень в перстень. Вероятно, отец подвергал ее психоанализу, ее брат Оливер видел, как весной 1921 года она направлялась в его кабинет. В 1923 году она сопровождала Фрейда во время его последней поездки в Рим.

Что она писала о нем: из Рима – Лу Андреас-Саломе: «Отец почувствовал себя здесь гораздо лучше, чем в Лавароне, и действительно смог насладиться всем. Лишь последние два дня его рот опять стал причинять ему больше неприятностей. Он так много рассказал мне обо всем, так замечательно приобщил ко всей этой красоте, этим древностям и достопримечательностям, что по прошествии двух недель я чувствую себя здесь совершенно в своей тарелке, так, будто я много раз уже бывала здесь вместе с ним».

Что он говорил о ней: Лу – «Я, естественно, все больше и больше начинаю зависеть от Анны и ее заботы. Мне это напоминает слова Мефистофеля, который сказал: “В конце концов мы становимся зависимыми

---

* Гемма с углубленным изображением.

от тех существ, которых сами и создали”. В любом случае, мы поступили очень мудро, создав их».

Стефану Цвейгу Фрейд доверительно сообщил: «Я был абсолютно счастлив в своей семье с моей женой и детьми, особенно имея дочь, которая столь полно соответствует всем требованиям отца, что встречается довольно редко». А своему сыну Эрнсту он писал: «Я с удивлением замечаю, сколько ясности ума и самостоятельности суждений стала проявлять она в своей научной работе. Если бы она была более честолюбивой... но, возможно, так оно и лучше для ее будущего».

Анна и мужчины: среди людей, окружавших Фрейда, ходило множество версий, объяснявших, почему Анна не вышла замуж. Ее отец не сомневался в том, что у дочери были проблемы с выбором мужа. Однажды он спросил у Кардинера, что тот думает по этому поводу. «А вы посмотрите на ее отца, – было ему ответом, – это идеал, с которым могут сравниться лишь немногие мужчины; и для нее, конечно же, немислимо полюбить человека, обладающего меньшими достоинствами».

Считалось, что Анна была влюблена в троих мужчин из ближайшего окружения Фрейда: Зигфрида Бернфельда, Ганса Лампля и Макса Эйтингона. Сама же она призналась в том, что любила своего двоюродного брата Эдварда Л. Бернейса. О своей любви она сказала ему лишь в 1980 году и услышала в ответ, что их брак стал бы «двойным кровосмешением». И действительно, оба они одновременно были детьми и Фрейда и Бернейсов: Анна Фрейд, сестра Зигмунда Фрейда – отца Аннерль, вышла замуж за Эли Бернейса, брата ее матери. Но разве не сам отец психоанализа открыл, что сильнейшим источником любви являются родственные, иными словами, инцестные отношения?

Градива

Место в литературе: героиня новеллы писателя Вильгельма Йенсена; анализу этого произведения Фрейд в 1907 году посвятил свою работу «Бред и сны в “Градиве” В. Йенсена».

Описание: «Слегка наклонив голову, она шла, придерживая левой рукой подол своего платья, ниспадавшего многочисленными складками до самых щиколоток, приоткрыв ноги, обутые в сандалии. Левая нога была впереди, а правая, готовая сделать следующий шаг, касалась земли лишь кончиками пальцев, тогда как ее подошва и пятка стояли почти вертикально».

Сюжет новеллы: Градива излечивает от навязчивой идеи друга своего детства Норберта Ханольда, молодого археолога, уехавшего в Помпеи на поиски барельефа с изображением девушки, жившей в античные времена, которую он увидел во сне и в которую влюбился. Градива возвращает ему способность любить живую женщину, каковой сама и является, и заставляет вспомнить о той нежной привязанности к ней, которую он испытывал в детстве, но потом вытеснил из своего сердца.

Место в творчестве Фрейда: метафора фрейдовской страсти к археологии и символ любовного трансфера, возникающего во время психоаналитического лечения. Не олицетворяла ли она собой те отношения, которые устанавливались между психоаналитиком и влюбленными в него пациентками? Она в некотором роде стала выразительницей того, что произошло у Анны О. с Брейером, у Сабины Шпильрейн с Юнгом, а у Эммы Экштейн, Ирмы, Доры и «фрейлейн 1920 года» – с Фрейдом.

Встреча в Ватикане: Фрейд увидел свою героиню в музее и сразу же написал об этом Марте: «Представь себе радость, которая обуяла меня, когда после столь долгого одиночества я увидел сегодня в Ватикане знакомое лицо дорогого мне существа; правда, узнавание было односторонним, поскольку речь идет о барельефе с изображением *Градивы*, висящем на стене». Он привез с собой гипсовый слепок с этого барельефа и прикрепил его к стене над своей психоаналитической кушеткой, украсив засушенным папирусом. С тех пор Градива не раз наблюдала, как на почве трансфера зарождалась любовь.

Хитросплетения любви и трансфера: в связи с этой историей Фрейд настаивал на том, что «любое психоаналитическое лечение является попыткой высвобо-

дить подавленное когда-то чувство». При этом в процессе любовного трансфера неизбежно происходило смещение образов: «Вновь пробудившаяся страсть, будь то любовь или ненависть, всегда избирает своим объектом персону врача». Но если Фрейд и разделял надежду Йенсена на то, что Эрос в конце концов одержит победу, он был вынужден отдавать себе отчет в том, что отличает психоаналитика от этой прекрасной дамы со столь грациозной походкой: «Градива может ответить на любовь, всплывшую в сознании из глубин подсознания; врач же этого сделать не может».

Любовь пациентки рождается благодаря условиям, созданным психоаналитическим обследованием, а не благодаря чарам и исключительным личным качествам аналитика, это совершенно ясно. Так что у врача нет абсолютно никакого повода гордиться подобной «победой». Если вдруг молодая женщина влюбляется в своего аналитика, то ему не следует ни отвечать на ее пылкие признания, ни пытаться погасить ее чувства. Ему следует добраться до скрытых во мраке подсознания причин этой перенаправленной на него любви.

Та любовь, которая обуревала лежавших на кушетке пациенток, была лишь «повторением давних событий», отголоском детских привязанностей, но, согласно Фрейду, «именно в этом и заключается истинная сущность любой любви». «Не существует ничего такого, что не имело бы своего прототипа в детстве». Раз за разом на глазах у психоаналитика, в пространстве между креслом и кушеткой, возникала любовь, уже однажды родившаяся. И долгом врача было вернуть своей пациентке не просто способность любить, а способность пользоваться этим «ценным даром» в реальной жизни.

Фрейд признавался в том, что порой у него возникало сильное искушение отдаться чувству и броситься в «прекрасное приключение», но влекло его не «грубое плотское вожделение», а «более утонченные желания, не имеющие сексуальной направленности». Хилда Дулиттл, Лу Андреас-Саломе и Мария Бонапарт ответили этим желаниям Фрейда.

В случаях с девушками-подростками, юными девственницами, «красавицами» и «умницами», отправлен-

ными на психоаналитическое лечение их отцами, – такими, как Дора или «Фрейлейн с признаками женской гомосексуальности», которую он лечил в 1920 году, – Фрейда постигли разочарования. Может быть, чувства этих девушек были сродни его собственным юношеским переживаниям и подавляемому желанию лишения девственности? Первая сбежала от него, а спустя двадцать лет он сам неожиданно прервал лечение второй, посоветовав ей обратиться к психоаналитику-женщине.

О риске влюбиться: Юнгу, который ответил на чувства Сабины Шпильерн, красавицы с длинной косой, родом из России, Фрейд признавался: «...Сам я действительно ни разу не попал в то положение, в котором оказались вы, но множество раз был очень близок к этому, и лишь ценой невероятных усилий мне удалось избежать подобной развязки». Тремя месяцами ранее он предостерегал Юнга: «Быть оклеветанным или опаленным жаром той любви, с которой нам приходится сталкиваться, – наш профессиональный риск».

А другому своему ученику, Теодору Рейку, он напоминал: «Не забывайте, что эти положительные чувства подобно ветру приводят в движение крылья наших мельниц».

Минна

Девичья фамилия: Бернейс.

Семейное положение: незамужняя.

Родилась: 18 июня 1865 года.

Умерла: 13 февраля 1941 года в Лондоне.

Отношение к Фрейду: его свояченица.

Проживала по адресу: с ноября 1895-го по июнь 1938 года в доме № 19 по Берггассе, последние годы – в доме № 20 на Мэрсфилд-гарденс в Лондоне.

Обычный маршрут: чтобы попасть в свою собственную комнату, она должна была пройти через супружескую спальню сестры и зятя.

Как она его называла: Зиги.

Как он ее называл: Минна, «мое самое близкое доверенное лицо» (неопубликованное письмо Флиссу

от 21 мая 1894 г.); свои письма к ней он подписывал: «твой брат Зигмунд».

Отличительная особенность: заставляет строить догадки на свой счет всех, кто интересуется жизнью Фрейда. Вопрос: возбуждала ли она у него желание?

Описание: известно, что она умела прекрасно вышивать, обладала язвительным умом и способностью выбирать подарки, доставлявшие удовольствие. Как и ее сестра, любила читать.

Что она сказала о нем: когда Марта рассказала ей о своих первых свиданиях с Зигмундом, она прокомментировала это таким образом: «Со стороны господина доктора очень любезно уделять нам так много внимания».

Что он говорил о ней: в те времена, когда она была невестой Игнаца Шёнберга (по свидетельствам очевидцев, она так и не смогла утешиться после его смерти), Фрейд считал, что из них четверых Игнац и Марта были лучшими, а они с Минной – «менее добрыми и подверженными диким страстям». И добавил к этому: «Два столь похожих друг на друга человека, как мы с Минной, никогда бы не смогли составить вполне счастливую пару». В то время он даже предположить не мог, что она проживет в его семье сорок три года.

Как он однажды признался, Флисс и Минна были единственными, кто в 90-х годах девятнадцатого века смог оценить его работу и поддержать на этом пути.

Совместный отдых: множество раз Минна сопровождала зятя во время его небольших путешествий, которые он любил совершать летом. В 1907 году, например, они вместе были во Флоренции, откуда она вернулась в Мерано, любимое курортное местечко женской половины их семейства, а он отправился в свой дорогой Рим. В 1908 году они провели неделю на берегу озера Гарда, а в 1913-м были «семнадцать восхитительных дней» в Вечном городе. В 20-х годах они регулярно ездили вместе на лечение в Бад-Гастейн, перед тем как присоединиться к остальным членам семьи.

Ее влияние на теорию психоанализа: может быть, именно она была целомудренной музой идеи сублимации и любви, не имеющей сексуальной цели, а также той женщиной, которая подсказала ему следующую

мысль: «Каким бы странным это ни казалось, но я полагаю, следует допускать возможность того, что в самой природе сексуальных побуждений заложено нечто, мешающее достижению полного удовлетворения».

Лу

Девичья фамилия: фон Саломе.

Фамилия по мужу: Андреас.

Имя: Луиза.

Дети: не было.

Родилась: 12 февраля 1861 года.

Умерла: 5 февраля 1937 года в возрасте семидесяти пяти лет в Гёттингене.

Профессия: писательница и психоаналитик.

Отношение к Фрейд: друг и последовательница.

Как он ее называл: *la Versteherin* – «все понимающая», «очень дорогая Лу», «умеющая видеть проблемы».

Как она его называла: дорогой профессор.

Что она писала о нем: «Мне нравятся многие внешние проявления характера Фрейда, в частности, его манера входить в аудиторию (например, на лекцию), проскальзывая туда бочком, я бы сказала, что в этом его движении сквозило желание остаться в одиночестве... Это впечатление усиливалось, когда вы обращали внимание на его голову и его взгляд, такой спокойный, умный и твердый».

Что он говорил о ней: после смерти Лу Фрейд признался, что всегда восхищался ею и очень любил ее как друга, что был к ней очень привязан, но, «как это не странно, без тени сексуального влечения».

Эпистолярные встречи: в течение четверти века они обменивались письмами. «Я вам пишу, чтобы раскрыть свое сердце, поскольку наша встреча в ближайшее время невозможна ни с той, ни с другой стороны. Как жаль, что нам приходится отказываться от стольких вещей!» – писал он Лу, а она более оптимистично отвечала: «Мы обязательно встретимся, даже если нам придется ковылять навстречу друг другу, перебирая костылями, и можно сказать, что я уже начинаю ковылять с радостным нетерпением». Фрейд писал ей о му-

зыка: «Я завожу какую-нибудь мелодию, обычно самую простенькую, а вы подхватываете ее на октаву выше». Лу в ответ писала о сладостях. Получив его «Введение в психоанализ», она написала ему: «Насладившись вначале всем этим целиком, я принялась “копаться” в пирожном, исследуя его кусочек за кусочком и выбирая оттуда самые крупные и самые свежие изюминки».

Несмотря на различие темпераментов и мировоззрений и благодаря тому, что они спокойно относились к разногласиям и секретам друг друга, за двадцать пять лет их дружба ни разу ничем не была омрачена, ни разу Учитель ни в чем не упрекнул свою столь независимую в суждениях ученицу. Лу была единственной сестрой пятерых братьев (а Фрейд был старшим братом пяти сестер), но старый профессор всегда считал, что братьев у нее было шестеро. Не себя ли он причислял к ним?

Ее любовь к психоанализу: однажды Фрейд в шутку заметил ей: «Мне кажется, что психоанализ является для вас неиссякаемым источником новогодних подарков!»

Ее влияние на теорию психоанализа: в своей книге «Любовь к нарциссизму» она развила мысли Фрейда, с которым постоянно обсуждала многие теоретические вопросы.

Паула

Фамилия: Фихтль.

Семейное положение: неизвестно.

Родилась: в 1902 году.

Профессия: служанка.

Отношение к Фрейду: его прислуга.

Описание: с 1929 года она стала домашней работницей в семье Фрейда и вместе с ним уехала в эмиграцию в Лондон. Благодаря ее памяти на рабочем столе Фрейда в его лондонском жилище на Мэрсфилд-гарденс были расставлены в первоначальном порядке античные статуэтки. Она оставалась на службе у Анны Фрейд до 1982 года. А в Вене именно она открывала дверь пациентам, и те очень ценили ее радушный при-

ем. Хилда Дулиттл, Джозеф Уэртис и Абрам Кардинер запомнили ее хорошенькой молоденькой девушкой с кокетливой наколкой в волосах и в маленьком фартучке на талии.

Что она говорила о нем: «Doktor Freud ist sehr sympathisch, und gut und nett» (доктор Фрейд очень симпатичный, добрый и любезный человек).

Что он говорил о ней: об этом ничего не известно. Зато известно, что во время одного из традиционных психоаналитических собраний по средам он рассказывал о своей кухарке. По его наблюдениям, кухарки часто страдают психоневротическими заболеваниями (в частности, паранойей), а у хороших кухарок обязательно присутствует какое-нибудь серьезное нарушение. Его собственная кухарка готовила особенно хорошо именно перед очередным обострением болезни...

Ее влияние на творчество Фрейда: оценить его практически невозможно, но разве не Паула в течение десяти лет, вместе со знаменитой фрейдовской кушеткой, была неотъемлемым атрибутом психоаналитического лечения?

Иветт

Сценическое имя: Иветт Гильбер.

Фамилия по мужу: Шиллер.

Родилась: в 1867 году.

Профессия: Эстрадная певица и декламатор, создала особый жанр французской легкой музыки – «песенки конца века». Пела в парижских кабаре и кафе «Мулен Руж», «Диван Жапоне», «Консер Паризьен» и «Амбассадор».

Отношение к Фрейду: друг.

Как она его называла: просто Фрейд или – в письмах к нему – «дорогой великий человек».

Как он ее называл: мой друг Иветт.

Описание: зеленое платье и длинные черные перчатки.

Особая примета: ее рисовал Тулуз-Лотрек.

Что он говорил о ней: «Почему нас пробирает дрожь, когда мы слушаем “Пьянчужку”, и почему мы

совершенно искренне отвечаем “да” на вопрос: “Скажите, я красива?” Как мало мы об этом знаем!»

Ее первое посвящение: «Ученому от артистки».

Первый концерт: в августе 1889 года, по совету госпожи Шарко, Фрейд сбежал с заседания Международного конгресса по гипнотизму, проходившего в Париже, и пошел послушать ее в «Эльдорадо».

Первая встреча: Фрейд познакомился с певицей, чьи игривые песенки очень любил, благодаря племяннице Иветт – Еве Розенфельд, которая в 1929 году проходила у него психоаналитическое лечение. С тех пор он ни разу не пропустил ни одного ее выступления в Вене, куда она время от времени приезжала. Она присылала ему бесплатные билеты, а он посылал ей в гостиницу «Бристоль» букет цветов. И в каждый ее приезд они находили время встретиться за чашкой чая в компании Марты и Макса Шиллера.

Последние встречи: когда, следуя в эмиграцию, Фрейд остановился в Париже, Мария Бонапарт устроила в его честь прием и пригласила на него Иветт Гильбер. В сумрачные часы его жизни ей удалось немного развлечь своими песнями этого старого человека, который когда-то мечтал о славе в салоне госпожи Шарко. И он добился этой славы, как и она, приподнимая завесу, маскирующую самое непристойное в человеческом существе.

В октябре 1938 года в Лондоне, перед самой своей смертью, он в последний раз вышел из дома, чтобы вновь услышать в ее исполнении «Фиакр», «Пьянчужку» и «Ее пупок, как цифра пять...».

Ее влияние на теорию психоанализа: видимо, никакого; она не прочла ни одной работы Фрейда, тогда как он, напротив, любил комментировать ее творчество. Но у них была одна общая любовь – к Парижу!

Х. Д.

Фамилия: Дулиттл.

Имя: Хилда.

Возраст: в 1933 году, когда она встретилась с Фрейдом, ей было сорок семь лет.

Отношение к Фрейду: пациентка.

Что они говорили друг другу: 8 марта 1933 года Х. Д. записала в своем дневнике: «Сегодня, когда я вошла в его кабинет, Профессор сказал мне: “Я как раз думал о ваших словах, что нет никакого смысла любить семидесятилетнего старика”. Я никогда не произносила подобных слов и сразу же сказала ему об этом. Он улыбнулся, скривив губы в этой своей ироничной усмешке».

Любовь, опять любовь: в возрасте пятидесяти одного года Фрейд писал Юнгу: «Когда я одолею свое либидо (в обычном смысле), я напишу трактат о любовной жизни рода человеческого».

В пятьдесят девять лет он заметил: «То, что относится к любви, не может сравниться ни с чем другим; об этом нужно писать на отдельном листе, на котором не место ничему другому».

А когда Хилда Дулиттл прислала ему букет белых гардений на его восьмидесятилетие, он поблагодарил ее следующими словами: «Жизнь в моем возрасте не легка, но весна все равно прекрасна, и любовь тоже».

Любовным признаниям обычно нет места между строк полицейской картотеки или на полях биографии ученого. И все же любовь порой принимает странные обличья, выбирает окольные пути и изъясняется намеками. Следует ли их расшифровывать и разоблачать? Говорить о любви совсем не безопасно. Это значит обещать ее. И требовать ответной любви. И рисковать тем, что можешь ее потерять.

Было бы верхом неприличия написать: «Я люблю Фрейда. Он вызывает у меня нежность. Эта грусть, которой переполнены его глаза, и этот его взгляд старого человека, говорящий: “Я освободился от всех человеческих иллюзий”, переворачивают мне душу. И я с волнением вижу, как несмотря ни на что, почти вопреки собственной воле он пытается обуздать свою последнюю тоску: волшебную любовь, ту, что неотделима от другой, первой любви – любви к матери».

Любить – значит мечтать, но и страдать тоже.

ВЕНА МЕЖДУ ДВУМЯ СЕАНСАМИ

Маски и подозрения

Фрейд не любил Вену. Всю жизнь он испытывал к ней «личную неприязнь». В этой ненависти к столице империи Габсбургов, видимо, сконцентрировалась вся его неудовлетворенность жизнью. Он обращался к Вене с упреками и жалобами, словно она была не городом, а человеком – плохой матерью или никудышной любовницей. А она обманывала, отталкивала и унижала его. Вена удручала Фрейда и была источником его разочарований. Когда он был ребенком, она вырвала его из зеленого рая Фрайбурга, в юности показала враждебное лицо антисемитизма, в период жениховства удерживала его вдаль от Марты, жительницы Гамбурга, а когда он стал ученым, отказывала ему в признании, которого он так ждал от нее.

Вена всегда была одинаковой, не похожей ни на Фрайбург, ни на Париж («В моей Франции все было гораздо красивее», – писал Фрейд Марте в 1886 г.), ни на Берлин, где жил его двойник, его alter ego, его друг 90-х годов Вильгельм Флисс («С какой остротой ощущаю я расстояние, отделяющее Вену от Берлина...»). Не походила Вена и на Рим – воплощение его мыслей об Эдипе, этот дорогой для него Вечный город, по которому он всю жизнь испытывал ностальгию. Нет, решительно, «Вена – это всегда Вена, то есть нечто отвратительное». Жить там было для него «несчастьем»,

и все же он оставался верен ей в течение семидесяти восьми лет. До самого своего вынужденного отъезда в Лондон он копил на нее обиду, но когда пришло время расставаться с той, что увидела рождение его детища – психоанализа, он не смог удержаться от вздоха: «Мы так и не смогли разлюбить тюрьму, из которой нас освободили».

А Вена кружилась в вихре вальсов, развлекалась, старалась забыться, наслаждаясь тортом «Захер» и яблочным штруделем, и одновременно загнивала. Королевско-императорская *Какания*, как назвал ее Роберт Музиль в своем «Человеке без свойств», умирала. Это были *последние дни человечества* (Карл Краус вынес эти слова в заглавие своей трагедии). Вена превратилась в столицу лжи и хитрости: буржуа там рядился в аристократа, архитектура создавала лишь иллюзию реальности, политическая жизнь замерла, сексуальные отношения являли собой сплошное лицемерие, а язык утратил всякий смысл. Появилась масса новых вопросов. Музыка, живопись, литература, физика, даже политика оказались во власти сомнений по поводу того, что есть содержательность, а что пустота; что подлинность, а что прикрасы; что есть предмет, а что сущность языка. Шёнберг, Малер, Климт, Шиле, Гофмансталь, Шницлер, Музиль, Людвиг Больцман, Отто Бауэр и Теодор Герцль отвергли ценности и мировоззрение предшествующих поколений. Они все перевернули с ног на голову, сбросили покровы с того, что в приличном обществе всегда пряталось от посторонних глаз, и придумали новый мир, который в чем-то стал и нашим тоже.

Хотел того Фрейд или нет, но он был одним из этих венцев. Он жил в Вене, и его творчество питало этот город – город подозрений, разлада, бесчисленных вопросов и маргинальных личностей. Его книга об истерических больных увидела свет в тот самый год, когда Густав Малер стал директором венского Оперного театра и создал свою Вторую симфонию. В самом начале двадцатого века Фрейд написал «Толкование сновидений» и «Три очерка по теории сексуальности». В это же самое время Климт порвал с Академией и основал собственное направление («новое венское искусство»),

Отто Вейнингер выпустил книгу «Пол и характер», а Гуго Гофмансталь в соавторстве с Рихардом Штраусом работал над «Электрой». Умерли Антон Брукнер и Иоганнес Брамс. Герцль формулировал принципы своего Еврейского государства. Еще один журналист, Карл Краус, основал знаменитую сатирическую газету «Факел». На эти же годы пришлись строительство Адольфом Лоосом кафе «Музеум», постановка пьес Шницлера и выход в свет его «Лейтенанта Густля», который печатался по главам в «Нойе Фрейе Пресс». В 1911 году «Остроумие и его отношение к бессознательному» Фрейда появилось одновременно с оперой Штрауса и Гофмансталя «Кавалер роз». В следующем году Фрейд опубликовал «Тотем и табу», а Шёнберг написал своего «Лунного Пьеро».

И если, на наш взгляд, Фрейд принадлежал этой почти мифической Вене, сам он при первой же возможности стремился прочь из этого города. «В противоположность гиганту Антею я набираю новые силы лишь тогда, когда нога моя касается земли, лежащей за пределами города, в котором я живу», – писал Фрейд Флиссу. Каждое лето сильная жара гнала венцев за город, в горы или к морю. Проведя некоторое время с семьей, Фрейд устремлялся в страну вина и оливкового масла. Лишь на земле Италии обретал он беззаботность и радость жизни. Он гулял там, посещал церкви и музеи, покупал вазы, статуэтки и чаши для своей коллекции древностей и изображал из себя элегантного господина в шелковом костюме с гарденией в петлице.

Возвращаясь на Берггассе, в девятый округ Вены, он вновь окунался в свою повседневную размеренную жизнь, подчиненную раз и навсегда заведенному порядку. Каждое утро он вставал около семи часов, приходивший на дом парикмахер приводил в порядок его бороду, после чего Фрейд завтракал в кругу семьи. Прежде чем приступить к утреннему приему пациентов, который проходил с восьми утра до часа дня, Фрейд просматривал свежую газету. После приема – обед и прогулка быстрым шагом по центру города, потом опять работа до девяти часов вечера. Ужин и следовавшая за ним вечерняя прогулка завершали день.

Может быть, он и не любил Вену, но знал ее как свои пять пальцев. Не было ни одной улицы, ни одной площади, ни одного участка Кольца, которые не слышали бы звука его шагов. Он исходил весь город, меля его вдоль и поперек своими огромными шагами, в снег и в жару, при свете дня и под покровом ночи, в одиночестве и в компании. Он знал все музеи, художественные галереи, антикварные лавки, книжные магазины и, конечно же, кафе. Как, впрочем, знал он и венские фонари, под одним из которых ждал всегда жену и дочерей, встречая их из театра.

Его двойник Артур Шницлер

Если узы, связывавшие Фрейд с Веной, были сплетены из любви и ненависти, то для его отношений с соотечественниками было характерно чередование периодов, когда он к ним тянулся и когда избегал. Именно так было с писателем и драматургом Артуром Шницлером.

Жизненный путь двух мужчин был на удивление схожим, они шли почти параллельным курсом. Артур Шницлер был сыном известного врача-ларинголога (у него лечились все красавицы певицы) и сам также получил медицинское образование. Как и Фрейд, он прослушал курс лекций по психиатрии у профессора Мейнерта, учился у Бернгейма в Нанси, проявлял интерес к истерии и гипнозу. В 1889 году Шницлер защитил диссертацию, посвященную проблемам афонии (потеря слуха), а двумя годами позже Фрейд написал свою – по афазии (потеря речи). После этого их пути как будто бы разошлись.

Фрейд всегда преклонялся перед людьми, которые, подобно Леонардо да Винчи и Гёте, обрели бессмертие, проявив себя и в искусстве, и в науке. Он завидовал поэтам, обладавшим интуитивным знанием мира бессознательного, тогда как сам он, избрав суровый путь науки, должен был биться за то, чтобы придать определенную форму своим прозрениям, и подкреплять свои идеи о человеческой душе фактами и доказательствами. Для него было недостаточно просто

рассказать историю, закрутить интригу или создать драму.

Когда в 1899 году он увидел в театре пьесу Шницлера «Парацельс» – речь в ней шла о сновидениях, любви, безумии, истине и гипнозе, – то был поражен широтой познаний, которыми обладал автор.

Они жили в одном городе и бывали у общих друзей (у Лу Андреас-Саломе, например). Партнером Фрейда по игре в тарок был младший брат писателя – Юлиус Шницлер, но Артур Шницлер и Фрейд никогда не встречались. По случаю пятидесятилетия психоаналитика они обменялись двумя письмами. Фрейд счел себя польщенным и не скрывал радости и гордости, узнав, что его труды стали источником вдохновения для писателя, которым он восхищался и которому даже завидовал. «Я часто с удивлением задавался вопросом; откуда вы знаете о той или иной не известной другим вещи, до которой сам я дошел только в результате долгих и сложных исследований», – писал Фрейд Шницлеру. После этого обмена письмами между ними вновь установилось молчание.

Множество раз Фрейд обращался в своих работах к произведениям Шницлера. В 1918 году в качестве иллюстрации к «Табу девственности» он использовал его «поучительную сказку» «Судьба барона фон Лейзенборга», а годом позже в статье «Жуткое» (другое название «Чуждое») Фрейд заявил, что обычно он «внимательно прислушивается к словам поэта», но рассказ Шницлера «Пророчество» вызвал у него «чувство неудовлетворенности, своего рода обиду». У него появилось странное ощущение, что с ним обошлись фамильярно. Может быть, его обида на писателя была вызвана тем, что тот очень ловко завел его в те зоны царства страха, где наши вытесненные из сознания суеверия вдруг вылезают наружу?

В 1922 году, поздравляя Шницлера с шестидесятилетием, Фрейд под большим секретом признался ему, что в течение всех этих лет не только не искал с ним встреч, но и избегал их, поскольку «боялся увидеть в нем своего двойника». И добавил: «Это совсем не значит, что мне свойственно отождествлять себя с другим лицом или я не вижу существующей между нами

разницы в дарованиях, но, погружаясь в ваши великолепные творения, я, похоже, нахожу в них в поэтическом обличе гипотезы, темы и результаты исследований, которые всегда считал своими собственными». И с горечью подытожил: «Извините меня за то, что впадаю в психоанализ, но ведь ничего другого я не умею делать. Знаю лишь, что с помощью психоанализа невозможно добиться любви к себе». Возможно, в этих словах Фрейда прорвалась та ревность, которую он когда-то испытал, борясь за руку Марты с двумя другими претендентами, музыкантом и художником. «Я думаю, что между артистами и учеными, погруженными в свои исследования, всегда существовала неприязнь. Мы знаем, что искусство вкладывает в руки первых ключ, позволяющий им без труда отмыкать женские сердца, тогда как мы, ученые, в смущении замираем перед этой странной замочной скважиной и вынуждены долго мучиться в поисках подходящего ключа».

Мастер по сбрасыванию покровов, Фрейд не любил говорить о себе. Каждое из своих интимных откровений он окружал тайной и сопровождал множеством стыдливых уверток. Хотя с навестившим его в мае 1934 года итальянским поэтом Джованни Папини он был более разговорчив, чем обычно. Папини весьма удачно и тонко подготовил свой визит, предварительно послав Фрейду подарок в виде мраморной древнегреческой статуэтки, изображавшей Нарцисса, «в знак уважения первооткрывателю нарциссизма». «Ваш приход большая радость для меня, – якобы сказал ему Фрейд, – ведь вы не пациент мой, не коллега, не последователь и не родственник». Поэтому он был с Папини откровенным и признался ему, что стал ученым «по воле обстоятельств, а не по призванию», что душа его всегда рвалась к творчеству, и, если бы не бедность, он непременно стал бы литератором. «С самого детства моим тайным героем был Гёте... Всю жизнь я занимался лишь тем, что пытался заставить своих пациентов поступать, как Гёте. Исповедь – это освобождение, а именно в этом заключается суть психоаналитического лечения... И все же мне удалось в какой-то мере перехитрить судьбу и осуществить свою мечту: под маской врача я всегда оставался писателем».

Если бы Фрейд был персонажем Шницлера, он вполне мог бы стать героем новеллы под названием «Возвращение на Берггассе». Однажды, — это было еще в период между его помолвкой и свадьбой, — он, молодой ученый, занимавшийся проблемами неврологии и не нашедший еще своего места в жизни, случайно встретился на одной из улиц Вены со своим бывшим одноклассником Генрихом Брауном, будущим деятелем социалистического движения. Когда-то этот последний разбудил у Фрейда интерес к революционным идеям, и под его влиянием наш герой даже собирался поступать на юридический факультет университета, но потом все же переориентировался на медицину. Молодые люди, которые давно не виделись, принялись обмениваться новостями; Генрих показал приятелю фотографию барышни, с которой был помолвлен, а Фрейд рассказал о своей невесте. Друзья вместе отправились в гости к зятю Брауна — лидеру социалистической партии Виктору Адлеру. Молодой доктор вспомнил, что однажды в университете поспорил с Адлером и даже грубо обозвал его, готов был вызвать своего оппонента на дуэль, но тот был старше, воспринял все довольно спокойно и не дал конфликту разрастись. Между тем Виктор Адлер уже получил от жизни все то, о чем Фрейд пока только мечтал: добился прочного общественного положения и имел счастливую семью, состоящую из жены и сына. Во время обеда у Виктора, который жил в доме № 19 по Берггассе, Фрейд познакомился с маленьким Фрицем, тому был годик или два. Когда этот ребенок вырос, он прославился не столько как секретарь Третьего Интернационала, сколько как убийца австрийского премьер-министра Штюргка. Попрощавшись с хозяином дома, Фрейд напоследок с завистью окинул взглядом квартиру своего старшего товарища и отправился в городскую больницу Вены, преодолевая крутой подъем улицы, на которой жил Адлер.

Лет десять спустя, движимый непонятными причинами, Зигмунд Фрейд, ставший к тому времени отцом многочисленного семейства, решил снять для себя

довольно маленькую и не очень удобную квартиру в доме № 19 по Берггассе. Там витал еще аромат прежних грез. Детская спальня Фридриха была переделана в кабинет Фрейда. Пришел черед нового хозяина дома попытаться изменить этот мир.

Может быть, таким образом Фрейд выражал верность революционным идеям своей юности? Или он верил в то, что жилище может передать его обитателям удачу и счастье тех, кто жил там до них? В любом случае, он прожил в этом доме сорок семь лет, ни разу даже не передвинув мебель.

Вéнец среди венцев

«Каждое венское кафе, несмотря на гастрономические ароматы, было похоже на платоновскую академию». Именно так Герман Бар описывал на стыке двух столетий Вену, на улицах, в кафе и театрах которой встречались все те, кто строил и перестраивал культурную и интеллектуальную жизнь австрийской столицы.

И не было ничего удивительного в том, что Антон Брукнер давал уроки игры на фортепьяно физику Людвигу Больцману, а философ Brentano был пациентом доктора Йозефа Брейера. Так же как было абсолютно естественным, что в этом городе, породившем в разгуле распада и разложения в немыслимо короткое время самые сумасшедшие новаторские научные и художественные идеи, Фрейд – вéнец среди венцев – играл в карты с братом Артура Шницлера, жил в квартире, которую до него занимал Виктор Адлер, поддерживал отношения с сестрой философа Людвиг Витгенштейна, читал в «Нойе Фрейе Пресс» критические статьи Теодора Герцля, а пьесу последнего «Новое гетто» ходил смотреть в театр. И что среди его пациентов были Герман Свобода – друг Отто Вейнингера, Густав Малер, чьи жалобы психологического характера он слушал с гораздо большим удовольствием, чем его музыкальные произведения, и невестка архитектора Ферстеля. Эта последняя ловко устроила так, чтобы на одном из светских приемов ее представили министру, от которого зависело присвоение Фрейду звания про-

фессора. Она пообещала этому министру – большому ценителю живописи – картину Бёклина в обмен на положительное решение, касающееся Фрейда. Позже баронесса Мария Ферстель взяла за правило приглашать детей Фрейда на праздник, который она устраивала под Рождество, а однажды пригласила в свою ложу в Бургтеатре двух старших детей психоаналитика на спектакль «Вильгельм Телль».

Новые теории Фрейда почти не замечались научным миром, книги продавались крайне плохо, но зато идеи его снискали ему симпатии в литературной среде, поскольку поэтам и писателям были близки поднимаемые им проблемы. Попытка путем самоанализа и толкования сновидений добраться до глубин человеческой души, социально-политическая проблематика его работ и, наконец, литературный талант привлекли к Фрейду внимание писателей из «Jung-Wien» («Молодой Вены»), объединившей в своих рядах Германа Бара, Артура Шницлера, Теодора Герцля, Гуго фон Гофманстала, Леопольда фон Андриана, Феликса Зальтена и Карла Крауса.

Правда, симпатия, которую они испытывали к Фрейду, не мешала этим литераторам критиковать его. Вот что писал Шницлер последователю и другу Фрейда Теодору Рейку: «Что касается дорог, ведущих в самые сокровенные уголки человеческой души, то их гораздо больше и они много разнообразнее, чем думают психоаналитики, погружаясь в свои сновидения, а потом истолковывая их. И, кстати, множество тропинок из тех, что вы (психоаналитики) и вы (Рейк) пытаетесь повернуть в царство тьмы, на самом деле лежат под открытым небом». Не менее критичным показал себя и Карл Краус: «Психоанализ – это то психическое заболевание, от которого оно само считает себя лекарством».

Венское кафе

Хотя сообщение о рождении психоанализа было сделано Фрейдом на родном языке профессора Шарко (слово «психоанализ» впервые было употреблено

им в статье на французском языке, вышедшей в свет 30 марта 1896 года, язык Гёте пополнился этим словом только спустя полтора месяца), но в течение почти полувека пациенты Фрейда слушали его аналитические разборы на немецком языке с венским акцентом. Фрейд ненавидел Вену, но жил в этом городе. И Вена, эта неблагодарная Вена, была не только обрамлением, но и той хорошо унавоженной почвой – правда, поневоле, – на которой вырос и расцвел психоанализ. Как и большинство венцев, создатель психоанализа с удовольствием посещал венские кафе. Фрейд любил посидеть в них за кружкой пива или за чашечкой отменного кофе, его подавали обычно со стаканом воды, и в меню было множество видов кофе на любой вкус: Teeschale, Nuss, Kapuziner, Schale Gold... Пролистывая в кафе газеты и журналы, часто это был очередной номер «Лейпцигер Иллюстрирте», Фрейд пополнял список «очиток», которые он потом проанализировал в своей книге *«Психопатология обыденной жизни»*.

Жесты, разговоры, каждодневные встречи, улицы Вены, ее заведения, ее вывески – все это служило Фрейду материалом, при помощи которого он познавал механизмы проявления бессознательного. Его собственная повседневная жизнь давала пищу для его книг. Читая эти произведения не для того, чтобы познать глубину человеческой души, а для того, чтобы найти в них некоторые детали фрейдовской биографии, мы открываем для себя Фрейда, завидовавшего какому-то щеголю, носившему более красивые, чем у него, желтые ботинки, или забывавшего прийти вовремя, чтобы встретить жену из театра... Чтобы проиллюстрировать законы, царящие в мире психики, Фрейд без колебаний рассказывал о различных не самых лучших чертах своего характера, будь то мелочность или что-то иное, о том, что великие люди (как, впрочем, и все остальные) обычно предпочитают не выставлять на всеобщее обозрение. Забывчивость, которая одолела его, когда дело коснулось возобновления запаса промокательной бумаги – *fließpapier*, потому что ее название вызывало у него неприятные ассоциации с именем берлинского друга; ошибка

при выписке чека, по которому он собирался снять деньги в сберегательной кассе, чтобы отправить их на лечение родственнику; выпадение из памяти адреса лавки одного торговца; ошибка при чтении заголовка в газете – все это в качестве примеров попадало на страницы его книг. Его научной лабораторией был не только мир собственной психики, но и особый взгляд на этот мир, позволявший ему путем анализа искать и находить в нем доказательства, необходимые для подтверждения гипотезы о существовании бессознательного. А поскольку кроме радостей, получаемых от занятий наукой, больше всего Фрейд ценил магию слов, то, например, рассказ об одной неприятной для него встрече вылился в зарисовку с натуры сценки из венской жизни: «В жаркий летний вечер я читал лекцию о связи истерии с извращениями; все, что я говорил, меня почему-то не удовлетворяло и казалось несущественным и неважным. Я был утомлен, не испытывал никакого удовольствия от работы и стремился прочь от этого копания в человеческой грязи к своим детям и красотам Италии. В таком состоянии духа я отправился из аудитории в кафе, чтобы посидеть немного на воздухе и слегка перекусить, поскольку обедать мне не хотелось. Но со мной пошел один из моих слушателей; он попросил разрешения посидеть со мной, пока я буду пить кофе и давиться своим бутербродом...»

Множество венских кафе оказались связанными с историей психоанализа: например, «Ридль» и «Бауэр», где первые психоаналитики из Венского психоаналитического общества любили собираться после официальной части заседания своего кружка по средам. В такой обстановке Фрейд мог говорить, перескакивая с пятого на десятое, о самых разных вещах и, в частности, о телепатии, о чем никогда не упоминал на научных заседаниях и что считал «личным делом». Своему биографу Джонсу Фрейд писал по поводу того, как следует отвечать любопытствующим о его пристрастии к телепатии: «Спокойно отвечайте, что мое обращение к телепатии является моим личным делом, точно таким же, как то, что я еврей, что я страстный курильщик и многое другое, и что телепа-

тия, по сути, не имеет никакого отношения к психоанализу».

Сидя в «Ронахере» или поглядывая из огромных окон «Альзерхофа» на заснеженную ночную Вену, мужчины и женщины оживленно обсуждали своего Учителя, споря так, будто от этого зависела судьба мира...

Летом Фрейд любил приходить в «Центральное», это кафе, построенное по проекту архитектора Ферстеля, любили посещать многие писатели. Зимой же он предпочитал кафе «Ландтманн», расположенное рядом с Бургтеатром. В его залах с высокими потолками и радующей глаз обстановкой всегда можно было найти укромный уголок и, сидя за мраморным столиком на обитом бархатом диванчике, провести целый день, предаваясь мечтам, играя в шахматы (что Фрейд частенько делал в молодые годы), листая газеты, наслаждаясь горячим шоколадом или просто лениво ожидая начала спектакля в находящемся по соседству театре. Те, кто приезжал из-за границы для прохождения курса психоанализа у Фрейда, в этих венских кафе могли коротать время между сеансами. Именно так поступала Хилда Дулиттл, подолгу сидевшая за их столиками. Она любила писать там о своих чувствах и впечатлениях, которые навевали на нее Вена, ее психоаналитик, современная ей политическая жизнь, да и сами эти кафе.

Психоаналитический дневник

5 марта

«Я пролистывала газеты, в них пишут об ужасных вещах, которые творятся в последнее время. Я не могу говорить о том, что касается меня самым непосредственным образом; мне не удастся рассказать Зигмунду Фрейду в Вене в 1933 году о тех жестокостях, которые творятся против евреев в Берлине».

13 марта

«Я чувствую себя совершенно разбитой, меня гложет чувство неудовлетворенности. Сегодня в конце сеанса мне очень досаждала Джофи, которая разгули-

вала рядом, и мне казалось, что Профессор уделяет больше внимания ей, а не моим рассказам. Меня также смущал чей-то смех, раздававшийся из-за двери. Обычно я редко слышу то, что происходит в зале ожидания или прихожей».

14 марта

«Видела плохой сон. Прихожу в себя, завтракая венским кофе с булочками, потом иду забирать гравьюру с фотографии Зигмунда Фрейда, которую несколько дней назад заказала в одной из лавок на Рингштрассе».

16 марта

«В этот самый момент, когда я пишу эти строки за мраморным столиком кафе, на моей тетради лежит букетик фиалок, и мне очень хочется плакать».

17 марта

«Я сижу в кафе “Виктория”, в уголке, на мягком диванчике под огромной люстрой. Наблюдая за игрой света на ее хрустальных подвесках, я думаю о Венеции».

20 марта

«В воскресенье я чудесно провела время, походив по музеям. Там были картины Тициана Вечеллио, Якопо да Страда и Якопо Пальмы, также статуи... и еще работы Джованни Баттисты Морони. На одном из полотен был изображен итальянец эпохи Возрождения, явно принадлежавший к типу утонченных интеллектуалов, он стоял рядом со столиком, заставленным статуэтками; это навело меня на мысль о портрете Зигмунда Фрейда с вереницей разных фигурок на столе перед ним».

25 марта

«Я почувствовала себя изнуренной и взвинченной. У себя в комнате я приготовила горячий чай с лимоном и приняла лекарство... ночью я хорошо отдохнула. С самого утра стоял колючий холод, но немного позднее потеплело, и я вышла на солнышко».

Без даты

«Профессор посоветовал мне посетить Шёнбрунн и осмотреть апартаменты герцога Рейхштадтского».

2 июня

«В эту субботу я покидаю Вену.

По совету Профессора, я прекращаю вести дневник».

Опера, бал и кино

Для иностранных пациентов Фрейда Вена была миром, лежащим где-то между сном и реальностью: миром с каждодневной дорогой от гостиницы до Берггассе, с кафе, где они ожидали времени своего сеанса, с музеями, со старинными церквями, дворцами и памятными местами, связанными с именами Моцарта, Бетховена, Шуберта и Иоганна Штрауса, которые они посещали в те дни, когда не были целиком погружены в собственный внутренний мир.

Мария Бонапарт, например, много времени проводила в одиночестве. Она никого не хотела видеть. Была сконцентрирована исключительно на себе самой. Чувствовала себя целиком захваченной, поглощенной психоанализом: когда она бывала в Вене, ничего другого для нее просто не существовало. Правда, однажды вечером она выбралась в Оперу, расположенную по соседству, послушать тетралогия Вагнера, которой дирижировал Вейнгартнер. Несколько раз она присутствовала на консультациях профессора Вагнера-Юрегга в психиатрической клинике городской больницы и начала работать над переводом на французский язык работы Фрейда «Леонардо да Винчи. Воспоминание детства». Уезжая из Вены в Париж, она забыла в гостинице «Бристоль» свое обручальное кольцо... Ей было сорок три года, а Фрейду семьдесят.

...Американский психиатр Абрам Кардинер, в то время еще холостяк, был не прочь познакомиться с девушкой из хорошей семьи. Преисполненный надежд, он отправился на бал, который давал городской муниципалитет Вены, и там проникся симпатией к своей партнерше по вальсу, милой молодой девушке. Они начали встречаться, но как только ее семья узнала, что он еврей, прекрасная плясунья сразу же куда-

то пропала. Он попытался найти утешение в музыке: ходил в мюзик-холл, на концерты и, конечно же, в Оперу, где его потрясла постановка «Тристана и Изольды». Однажды вместе с коллегами он нанял молодого пианиста филармонического оркестра, которого попросил сыграть полностью партитуру оперы «Кавалер роз». А еще счастливый случай свел Кардинера с одной «очень состоятельной» дамой, и та пригласила его на концертное исполнение «Женщины без тени» Рихарда Штрауса.

Однажды Фрейд с удивлением заметил, что Кардинер пришел к нему на сеанс в состоянии крайнего возбуждения. Доктор провел свое маленькое расследование и выяснил, что друзья-американцы Кардинера (они тоже проходили курс у Фрейда), подшутили над ним. У них было заведено пить вместе кофе и проводить время за разговорами в ожидании своего часа отправляться на Берггассе, так вот, один из студентов, улучив момент, подсыпал в чашку Кардинера кофеин...

Лу Андреас-Саломе помимо участия во всех мероприятиях, связанных с психоаналитической деятельностью (включая контакты с отступником Адлером, про которого она говорила, что его терапевтические методы так же отличаются от фрейдовских, как мазь от скальпеля: «Мы ожесточенно спорили, идя по улице и под конец почти перейдя на бег; он вежливо бежал рядом со мной: это было очень трогательно»), любила бывать в литературной среде. 15 февраля 1913 года вместе с Бер-Хофманом, Вассерманом и Шницлером она была на генеральной репетиции «Ящика Пандоры» Ведекинда. А в среду, 19 февраля, ходила вместе с Тауском и его сыновьями в кино, в «Уранию». В своем дневнике она записала, что не могла удержаться и не подшутить над тем, как они были поглощены этим зрелищем, и одновременно отдавала должное кино: «Только кинематографическая техника позволяет с такой скоростью показывать последовательно сменяющиеся одна другую картинки, этот процесс очень напоминает нашу собственную способность воспроизведения зрительных образов и в какой-то мере передает их зыбкость».

Рождество она встретила в семье писателя Рихарда Бер-Хофмана; ее часто приглашали на семейный ужин на Берггассе, после которого она иногда допоздна засиживалась наедине с Фрейдом в его кабинете. Он всегда провожал ее до гостиницы, и они продолжали беседовать, идя по улицам и паркам Вены. «Покидая его с подаренными им розами в руках, я радуюсь тому, что повстречала его на своем пути и что могу рассматривать наше общение как отправную точку новой ступени моего развития».

Она вновь вернулась к своему Учителю в августе 1913 года: «Этот мой приезд в Вену был сказочно прекрасным, вместе с Тауском мы приехали ко мне в гостиницу, я заняла свой старый номер – номер 28, все с теми же цветами в горшках на окнах; тот же самый обслуживающий персонал был так же сердечен и приветлив. В этом почти опустевшем и изнывающим от жары городе было что-то такое, что невозможно передать словами».

Прогулки

После утреннего приема и после ужина Фрейд неизменно совершал прогулку по улицам Вены. По своей Берггассе он поднимался до Вотивкирхе и оттуда шел в сторону Шоттенгассе, переходящей в Герренгассе, на углу которой во дворце Герберштейна располагалось знаменитое кафе «Гринштейдль» – любимое место встреч писателей из «Jung-Wien». Продолжая путь, Фрейд доходил до лавки торговца сигарами у церкви Святого Михаила. В день он выкуривал штук двадцать сигар, поэтому ему часто приходилось пополнять их запас. Этот маршрут, который он проделывал дважды в день, стал настолько привычным для Фрейда, что он перестал обращать внимание на дома, мимо которых проходил. Когда он пересекал Михаэлерплац, справа от него оставался Хофбург – резиденция императора Франца Иосифа, а слева – строгое здание без каких-либо архитектурных украшений, построенное Адольфом Лоосом для самого лучшего портного в Европе – венца Гольдма-

на. «Человек, надевающий сегодня на себя бархатный пиджак, не может быть художником, это либо паяц, либо толстосум. Мы стали более утонченными и изящными, – писал Лоос. – Люди, жившие племенами, должны были одеваться в разные цвета, чтобы отличаться друг от друга. Современный человек пользуется своей одеждой как маской. У него настолько яркая индивидуальность, что ее уже невозможно выразить с помощью костюма». А между тем человек, сформулировавший понятие Я, в прекрасно сшитом строгом костюме классического силуэта из дорогой английской шерсти и с галстуком-бантом, шел своей дорогой.

Пополнив запас сигар, Фрейд шел мимо дворцов и кондитерских до Бауэрмаркта, где находился книжный магазин «Букум», принадлежавший его издателю Гуго Геллеру. Фрейд отдавал ему рукопись или забирал оттиск своей очередной книги для правки. После этого он возвращался домой либо через Старый город, либо, если хотел еще пройтись, по Рингу. Иногда он прогуливался вдоль набережных Дунайского канала и тогда поднимался на свою Берггассе со стороны блошиного рынка – Тандельмаркта.

Если Фрейд гулял не один, а в сопровождении детей, он развлекал их, рассказывая разные забавные истории. Особенно им нравилась одна, в ней говорилось о бабке дьявола, которая устроила прием и собиралась подать гостям кофе в чашках своего самого красивого сервиза. Она поставила их на поднос и понесла, но, пролетая над Веной, случайно опрокинула любимую посуду на венский квартал Франциосифка, с тех пор крыши расположенных там домов украшены причудливыми печными трубами и затейливыми узорами.

Уик-энды и досуг доктора Фрейда

По субботам после полудня Фрейд читал лекцию в психиатрической клинике, которая находилась в двух шагах от Берггассе. Чтобы попасть в аудиторию, располагавшуюся в самом конце обширного комплекса

зданий рядом с Башней глупцов, необходимо было пересечь многочисленные внутренние дворы городской больницы и пройти под несчетным количеством узких арок. Излагая перед слушателями свои идеи, Фрейд не пользовался записями, полагаясь на ассоциации и прекрасную память. Говорил он медленно, четко произнося каждое слово. Время от времени он устремлял взгляд на свое кольцо, сжимая и разжимая пальцы правой руки, или проводил кончиком ручки по письменному столу, словно эти движения помогали ему сконцентрироваться.

И каждую субботу, вечером, после двух часов такой интенсивной умственной работы Фрейд отправлялся в самое сердце Вены – на Биберштрассе, 11 к своему другу доктору Леопольду Кёнигштейну. Там он присоединялся к своим партнерам по игре в тарок, с которыми весело проводил время за дружеским ужином. Ужин этот, как правило, состоял из многочисленных блюд, и вечеринка обычно заканчивалась глубоко за полночь. Никакие силы, кроме самой смерти, не могли помешать друзьям еженедельно собираться на их традиционную партию в карты.

Когда в 1931 году Фрейд узнал о смерти Оскара Рие, с которым «что только им не приходилось делить за полтора поколения», он написал Марии Бонапарт: «Неизбежная судьба каждого – видеть смерть старых друзей, надо уповать на судьбу, чтобы она уберегла нас от несчастья пережить тех, кто моложе». За всю свою долгую жизнь Фрейду удалось сохранить всего нескольких друзей, оставшихся вне его психоаналитической деятельности, с которыми он мог делить все – и радости, и горе, не боясь того, что эмоции разрушат их верную дружбу. Ему было просто необходимо уберечь несколько дорогих сердцу людей от своих профессиональных забот.

Воскресенье Фрейд традиционно посвящал семье. По утрам он иногда водил детей в музеи, или слушал Мартина, читавшего ему поэмы собственного сочинения, или играл со всей своей «стайкой» в игру «Сто путешествий по Европе». Он был нежным и внимательным отцом, который видел своих детей в основном по воскресеньям или во время летнего отпуска,

но зато, общаясь с ними, сполна одаривал их своим вниманием и любовью.

На воскресный обед Фрейды обычно отправлялись на Грюне Торгассе к матери Зигмунда, там собиралась вся семья: дети и внуки Амалии. Александр, младший брат Фрейда, развлекал родственников, насвистывая по памяти целые оперы или рассказывая забавные истории о жителях самых разных уголков Австро-Венгерской империи, чьи акценты он очень точно имитировал.

Во второй половине дня уже Марта принимала у себя гостей, на традиционный чай с пирожными к ней приходили ее подруги Берта Паппенгейм – она же знаменитая Анна О., и Анна Хаммершлаг, превратившаяся в Ирму в одном из сновидений Фрейда, также у нее бывали супруги Розанес и жены друзей-медиков. Иногда Фрейд присоединялся на некоторое время к общей беседе, но чаще всего ему приходилось принимать многочисленных зарубежных гостей, последователей и молодых коллег, с которыми всегда с удовольствием дискутировал; он уводил их в свой кабинет-библиотеку, где курил сигару за сигарой, так что в комнате было не продохнуть, и, не прерывая беседы, крутил в руках какую-нибудь статуэтку из тех, что стояли на его столе. Иногда, когда погода благоприятствовала, Фрейд увлекал гостей с собой на прогулку по Рингу, узким улочкам Старого города или аллеям Бельведера, откуда открывался изумительный вид на Вену.

На неделе, если у него было свободное время, Фрейд любил читать книги по археологии и древней истории, а также английские романы, среди них он особо выделял приключения одного персонажа, имевшего общую с ним страсть к тайнам и к поиску ключей, с помощью которых эти тайны можно было открыть. Этот персонаж принадлежал перу Конан Дойла, и звали его Шерлок Холмс. Фрейд купил автобиографию еще одного своего двойника – Шлимана. «Этот человек нашел свое счастье, откопав сокровища Приама. Как же справедливо утверждение, что только воплощение в жизнь мечты детства может принести счастье», – писал Фрейд Флиссю. А однажды он всю

ночь напролет проговорил со своим другом, археологом Эммануэлем Леви, о Древнем Риме.

Фрейд не был заядлым театралом или любителем массовых зрелищ: однажды он побывал на лекции Марка Твена, как-то вечером выбрался в театр на «Эдипа-царя» в постановке знаменитого режиссера Макса Рейнхардта, в другой раз отправился в Зальцбург, чтобы послушать оперу «Дон Жуан», а в пожилые годы несколько раз бывал на концертах своей приятельницы Иветт Гильбер. И если внимание Фрейда, ставшего к тому времени тоже знаменитостью, было целиком поглощено певицей, то остальной зал не сводил глаз с хрупкой фигуры мужчины с бородой и сигарой.

С «братьями» по ложе «Бнай Брит»

В 1897 году, чтобы выйти из своей изоляции, оправиться от смерти отца, а также в ответ на процветавший в Вене антисемитизм, Фрейд вступил в еврейскую организацию, проповедовавшую идеи просветителей и боровшуюся за единство и солидарность еврейского народа. В течение двадцати пяти лет дважды в месяц, вечером по вторникам, он посещал собрания ложи, названной «Вена» и имевшей штаб-квартиру на Университетской улице, в двух шагах от его дома. До 1923 года, когда у него обнаружили рак челюсти, Фрейд был одним из активных членов этой организации. Он принял участие в создании новой ложи, уговорил брата и нескольких друзей вступить в нее, живо интересовался вопросом о роли женщины в этой организации, читал там свои лекции. До того, как в 1902 году Фрейд организовал психоаналитический кружок, да и после этого тоже, члены «Бнай Брит» были его первой аудиторией, перед которой он излагал свои новые теории. В декабре 1897 года он рассказывал «братьям» о толковании сновидений, над книгой об этом он как раз тогда работал. В 1899 году прочел лекцию о психологии забывания, а в 1900-м – о психической жизни детей и романе Золя «Плодовитость». Эта лекция послужила поводом вот

для какого сновидения Фрейда: он увидел себя ищущим книгу, которую забыл захватить с собой в «Бнай Брит», он заблудился в лабиринте улиц, никак не мог найти дорогу домой и все время думал о своем докладе, поскольку не чувствовал уверенности в том, что готов к нему. То, что он забыл книгу, а потом и дорогу, было всего лишь предлогом для того, чтобы выиграть время. Видимо, той ночью Фрейд боялся, что его «братья» по «Бнай Брит» не окажут ему такого же теплого приема, как обычно, что всегда доставляло ему большую радость.

В своей последней известной нам лекции в 1917 году он рассматривал вопрос об искусстве и фантазировании. За долгие годы Фрейд представил на суд этой аудитории многие интересовавшие его темы, он говорил о случайностях и суевериях, о романе Анатоля Франса «Восстание ангелов» и личностях Гамлета и Хаммурапи, о смерти и остроумии. До конца жизни Фрейд ощущал свою принадлежность к друзьям, с которыми встречался вечером по вторникам.

Психоаналитическая генеалогия

Друзья по ложе «Бнай Брит», партнеры по игре в тарок, коллеги-медики, гости, приходившие на чай на Берггассе, – круг общения Фрейда был достаточно узким, но дружеские узы в нем усиливались еще и узами родственными.

Оскар Рие, педиатр, лечивший детей Фрейда, был женат на Мелани Бонди – сестре Иды Бонди, на которой был женат Флисс, так что Оскар и Вильгельм были свояками. Людвиг Розенберг, еще один партнер по картам, женился на сестре Оскара Рие. Брейеры и Хаммершлагги были соседями по дому и породнились, поженив своих сына и дочь.

В следующем поколении эта дружеская генеалогия слилась с психоанализом. Психоаналитиком стал Роберт Флисс (хотя его отец рассорился с создателем этой теории), эту же профессию избрала дочь Людвиг-га Розенберга Анни Катан. Одна из дочерей Оскара Рие вышла замуж за психоаналитика Германа Нунбер-

га, а вторая – Марианна – за Эрнста Криса, став и сама психоаналитиком. Она родилась 27 мая 1900 года в Вене, а умерла 23 ноября 1980 года в Лондоне у Анны Фрейд, в том последнем доме, в котором жил Зигмунд Фрейд, перед тем как покинуть этот мир. В истории сохранилось упоминание о том, что Фрейду не нравилась манера Марианны коротко стричь волосы.

«*Finis Austriae*»

На письменном столе Фрейда, всегда под рукой, лежала стопка чистой писчей бумаги, которую он использовал для кратких повседневных записей.

В субботу 12 марта 1938 года он написал всего два слова на латыни: «*Finis Austriae*». Под барабанный бой, с развевавшимися на ветру знаменами немецкие войска пересекли австрийскую границу. Австрийский канцлер ушел в отставку. Однажды в субботу привычная тишина Берггассе была нарушена настойчивыми криками продавцов газет. Фрейд отправил горничную Паулу купить ему свежий номер. Она убежала и вернулась с экземпляром «Абенда».

Мартин вспоминал, что его отец надеялся на то, что этот номер ежедневной газеты внесет ясность в ситуацию и развеет всеобщее беспокойство. Фрейд пробежал глазами заголовки, после чего скомкал газету и швырнул ее в угол. «Никто из нас не проронил ни слова, – писал Мартин, – поскольку мы поняли, что, если он с таким отвращением и досадой отбросил газету, значит, события развивались самым неблагоприятным образом».

Еще в 1933 году Фрейд понял всю серьезность того, что происходило в Германии. 10 июня 1933 года он написал Марии Бонапарт: «Мир превращается в огромную тюрьму, и самая худшая из ее камер – это Германия. Что станет с австрийской камерой, пока неясно...» Фрейд все еще надеялся, что Церковь станет заслоном на пути фашизма и что австрийский фашизм, если он все-таки проявит себя, будет не таким ужасным, как нацизм. «Какая опасность грозит лично мне? Я не могу поверить, что со мной может произой-

ти то, что мне весь день описывали Рут и Марк [два психоаналитика]».

Когда нацисты начали бросать в огонь его книги, он прокомментировал это так: «Какой прогресс! В Средние века сожгли бы меня самого».

Фрейд продолжал принимать пациентов. Хилда Дулиттл была обеспокоена тем, что происходило, гораздо больше самого Фрейда, вот одна из ее записей того периода: «Опять видела свастику. Теперь она была нарисована мелом. Спускаясь вниз по Берггассе, я шла от одного знака к другому, словно они были нарисованы на тротуаре специально для меня. Они вели к самой двери Профессора, возможно, они были и на других улицах и вели к другим дверям, я не пошла проверять. Никто не стирал эту свастику. Да и не так просто было бы убрать с тротуара этих предвестников смерти, нарисованных мелом».

22 марта 1938 года Фрейд сделал запись на своей бумаге для заметок: «Анна в *гестапо*».

В этот период у него проходили курс двое пациентов, он объявил им, что больше не сможет их принимать, и посоветовал уехать. «Когда расстроено сознание, невозможно проявлять интерес к подсознанию», — запомнил слова Фрейда Смайли Блантон.

Благодаря Марии Бонапарт, американскому послу Буллиту и их связям в дипломатических кругах, а также солидному выкупу Фрейд и его семья вовремя успели выскользнуть из сети, накрывшей Вену. Представители СС потребовали, чтобы Фрейд подписал бумагу, в которой говорилось, что они с ним хорошо обращались, он выполнил их требование, спросив, нельзя ли ему добавить в текст еще одну фразу: «Могу от всей души рекомендовать гестапо кому угодно». Фрейд уезжал из Вены, позволив себе напоследок эту едкую шутку, но мог ли он знать, что она аукнется Аушвицем?

4 июня Фрейд навсегда оставил город, в котором появилось на свет его детище и к которому, несмотря на ненависть, он был привязан. В три часа ночи в вагоне Восточного экспресса он пересек французскую границу. Спасен! Он провел в Париже несколько часов, окруженный заботой друзей, особенно старались

поддержать его Иветт Гильбер и Мария Бонапарт. Последняя вручила Фрейду маленькую статуэтку Афины, сопроводив свой подарок словами:

Афина
Мир! Разум!
Приветствует тех, кто вырвался
Из ада умалишенных!

Наутро он переправился на пароме через Ла-Манш и высадился в Дувре. Ему было восемьдесят два года и, несмотря на свой рак, он все еще любил жизнь. Вот и исполнилась мечта его детства: теперь он будет жить в Англии. Ночью в поезде, который вез его в Лондон, он, конечно же, видел сны. Ему снилось, что он высаживается в Певенси, как до него, в 1066 году, это сделал Вильгельм Завоеватель.

Бессознательное не знает ни смерти, ни времени.

ГРИБЫ, ГАРДЕНИИ И ЛЕСНАЯ ЗЕМЛЯНИКА

У Фрейда было несколько пристрастий, и он очень трепетно к ним относился: изо дня в день, из года в год пополнялись коллекции его статуэток, его сигар, его грибов, а также перечень его друзей, с которыми он состоял в переписке. На полках шкафов в кабинете оставалось все меньше места из-за постоянно прибывающих древностей; самые последние свои приобретения Фрейд любил выставлять на обеденный стол во время семейной трапезы. Пепельницы из китайского нефрита всегда были переполнены окурками от его сигар. Он обожал ходить в лес за ягодами и регулярно это делал. Все это истинная правда, только Фрейд никогда об этом не рассказывал. Он выдвигал новые теории, анализируя собственные сновидения, собственные ошибки и остроты, равно как собственные «покрывающие воспоминания», но для разговора о своих пристрастиях у него никогда не находилось слов. Это было его личное дело. Это были его личные пристрастия.

Стефану Цвейгу, который пытался создать его литературный портрет, Фрейд напоминал, что определяющим в его характере было отнюдь не «мелкобуржуазное воспитание». И настойчиво просил не идеализировать его персону. «Ваше описание совершенно не согласуется с тем, что я, как любой другой человек, страдал от мигреней и усталости, что я был страст-

ным курильщиком (и хотел бы оставаться им и поныне), считавшим, что сигара, как ничто другое, помогает сохранять самообладание и поддерживать высокую работоспособность; что, несмотря на мой скромный образ жизни, о котором столько сказано, я шел на большие жертвы ради пополнения моей коллекции древнегреческих, древнеримских и древнеегипетских вещей; что в действительности я прочел гораздо больше книг по археологии, чем по психологии; что до войны мне было просто необходимо хотя бы один раз в год несколько дней или недель провести в Риме (один раз я там был и после войны)», – писал Фрейд Цвейгу.

На официальных фотопортретах Фрейд предстает перед нами суровым и сдержанным человеком, ученым, отрешенным от мирских забот. Но известно ли моим читателям, что, позируя для этих снимков, Фрейд специально придавал своему лицу соответствующее выражение? Об этом писал его сын Мартин. А на тех нескольких снимках Фрейда, что удалось сделать его близким, он, напротив, выглядит очень человечным, нежным, пылким и чуть-чуть грустным. Может быть, это следы чего-то такого, что лежит по ту сторону принципа удовольствия? Фрейд был восторженной и увлекающейся натурой, и, судя по всему, он всю свою жизнь делал выбор не в пользу реального и конкретного мира, а устремлялся к выдуманному им идеалу. Видимо, идеалистическая дружба без примеси чувственности целиком отвечала его душевным запросам и воспринималась им как одна из сублимированных форм любви (объектом которой могли быть не только женщины, но и мужчины, как, например, Флисс или Юнг). Но о своей дружбе, о сублимации своих страстей, о своем еврействе и пристрастиях своей повседневной жизни Фрейд почти ничего не писал.

Естественно предположить, что то, о чем Фрейд умалчивал, все эти черные континенты, белые пятна и темы, не подлежащие обсуждению, гораздо больше могли бы рассказать о нем, чем любые автобиографические материалы. Но, возможно, все это существовало именно потому, что о нем очень мало говорилось.

Это касалось его культа древностей, породившего археологическую метафору, характеризующую процесс поиска истины во время психоаналитического исследования: там тоже нужно было производить «раскопки», все глубже и глубже проникая в недра бессознательного, чтобы добраться до самого древнего фрагмента, самого первого впечатления, спрятанного в прошлом пациента. Волшебный сей мир был для него «ни с чем не сравнимым утешением в жизненных передрягах». Можно ли безнаказанно подвергнуть анализу то, что приносило ему это «утешение»: его сигары, письма, предметы древности и грибы?

Тайны природы

«Откуда же они берутся?» – возникает вопрос при виде грибов, появившихся в лесу после того, как дождик хорошенько промочил землю. Вылезая украдкой из недр земли, они заставляют задуматься о тайнах зачатия. Во всяком случае, у Фрейда они вызывали именно такую ассоциацию, и этими мыслями он поспешил поделиться в письме со своим другом Флиссом: «Я знаю в Аусзее чудный лес, где изобилие папоротников и грибов, нам нужно обязательно туда съездить, чтобы ты мог посвятить меня там в тайны мира низших животных и детей. Думаю, у меня рот откроется от изумления, когда я услышу то, что ты можешь мне рассказать».

Удивительно слышать подобные высказывания из уст сорокалетнего мужчины, отца шестерых детей. То, что он так сильно был привязан к другу, с которым на протяжении долгих лет вел диалог в письмах, Фрейд объяснял специфической чертой своего характера: «Ничто не может заменить мне общения с другом, эта потребность подпитывается во мне чем-то совершенно необъяснимым, возможно, присутствующим в моей душе женским началом». Фрейд разделял идеи Флисса о бисексуальности, и не исключено, что его фантазии, связанные именно с этой теорией, выливались в тот интереснейший спектакль, который он устраивал, отправляясь летом с детьми на традиционную грибную «охоту».

«Наш набег на грибы никогда не совершался наугад, – вспоминал Мартин, старший сын Фрейда, – отец всегда предварительно производил разведку». «Мы входили в лес без малейшего шума, пряча наши тщательно свернутые сумки под мышками, чтобы не спугнуть грибы», – рассказывала младшая дочь Фрейда Анна Луизе Андреас-Саломе, посвятив ее тем самым в одну из сокровеннейших тайн своего семейства. «Мы никогда не обсуждали эту тему с людьми, не входившими в наш узкий круг», – подчеркивал Мартин. Это было занятие только для посвященных. Да и не все любят собирать грибы.

Ярко-красная с белыми крапинками шляпка мухомора, замеченная в траве, являлась сигналом к тому, что рядом может быть вожделенный белый гриб. «Когда отец находил хорошее место, он вел туда все свое маленькое войско, у каждого солдатика было свое место на определенном расстоянии один от другого, вся цепь начинала движение, словно хорошо вымуштрованный пехотный взвод, прочесывающий лес. Мы делали вид, что охотимся на дичь, которую трудно было найти и еще труднее схватить. Мы объявляли конкурс на лучшего охотника, и каждый раз победителем оказывался отец», – писал в своих воспоминаниях Мартин.

Кто же придумал эту военно-охотничью метафору, отец или сын? В любом случае, после атакующего маневра Фрейд приступал к разыгрыванию «примитивной» сцены, бросаясь к замеченному им красавцу грибу, на который он набрасывал свою тирольскую шляпу. Пленив таким образом выбранный им гриб, он давал сигнал победы, дуя в серебряный свисток, вынутый им из жилетного кармана. Собрав детей, разделявших его радость, он снимал шляпу с гриба и выставлял напоказ находку, ласково называя гриб «бэ-би», если это был молодой экземпляр. Что касается «стариков», то их они не брали, поскольку эти большие, перезревшие и дряблые грибы потеряли упругость и те вкусовые качества, которые так ценили гурманы.

Упоминания о грибах и старинных каменных и глиняных вещицах часто переплетались в рассказах о

фрейдовских удовольствиях, как, например, в письме Фрейда Флиссу об одном дне отпуска, проведенном им в августе 1899 года в Берхтесгадене: «Целыми днями мы собирали грибы. В первый же дождливый день я отправился пешком в сторону моего любимого Зальцбурга, где в последний раз откопал несколько древнеегипетских фигурок. Они поднимают мне настроение и рассказывают о прежних временах и дальних странах».

И эта связь не была чисто формальной. Два фрейдовских увлечения, доставлявшие ему массу удовольствия, были тесно связаны с его давними фантазиями. Коллекционирование статуэток и «охота» на грибы превращали Фрейда в сублимированного и лишеного плотских желаний Дон Жуана. А также в беременную женщину и кормилицу, когда он из-под своей пухлятой шляпы выпускал на свет молоденького бородача или приглашал к обеду за семейный стол «новоорожденную» – статуэтку, пополнившую его археологическую коллекцию. Корни этих культов, ассоциирующихся с тайной и волшебством, уходили еще глубже: к древнеегипетским гравюрам Библии его детства и к близости с нянькой, водившей его в церковь и рассказывавшей о Боге, святых и преисподней.

Лавируя между верностью и отступничеством, взрослый Фрейд окружил себя безмолвными идолами, а в конце лета советовал своей дочери Анне каждый день возлагать букет цветов к статуе Мадонны, установленной на лесной опушке, чтобы та была благосклонна к их грибной «охоте»...

Одно длинное письмо

Фрейд жил с пером (ручкой «Монблан») в руке. Если психоанализ представлялся ему в виде литературного произведения, к которому он все время добавлял новые страницы, то свою жизнь он превратил в одно бесконечное письмо. С молодых лет и до самой старости он описывал свое существование день за днем: свое настроение, свои путешествия, свои мысли, свои ощущения, испытываемые в том числе и при написа-

нии письма, а также выражал свои чувства к адресату. Флюс, Зильберштейн, Марта, Флисс, Юнг, Абрахам, Лу, Цвейг... – список корреспондентов Фрейда слишком длинный, чтобы приводить его здесь полностью. Сам же он имел специальный журнал для регистрации своей корреспонденции: письма полученные, письма отправленные (ответ он обычно писал в тот же день).

Едва почувствовав «избирательное сродство», Фрейд желал, чтобы дружба нашла свое отражение в письмах. Стремясь к абсолютной правде и мечтая о полной откровенности, он обещал своим собеседникам ничего от них не утаивать, но взамен они должны были стать «его вторым Я», его самой первой и самой лучшей аудиторией. Чтобы трудиться в одиночку над созданием своего детища, Фрейду было необходимо общение с другом, находившимся вдали от него.

...18 сентября 1872 года Фрейду было шестнадцать лет, и он писал своему другу Эмилю Флюсу, у которого только что гостил во Фрайбурге на каникулах: «Я не забыл своего обещания, возвратившись домой, во всех подробностях описать вам мое путешествие... Я буду писать вам голую правду, но только вам одному; надеюсь, что никто посторонний не сможет прочесть эти строки. Если же такое все-таки случится и вы не сможете этому помешать, ничего не говорите мне об этом, иначе вы будете получать от меня лишь обтекаемые фразы, из которых ничего не сможете почерпнуть». Уже в этом первом опубликованном письме Фрейда прочитывается желание «сказать все» избранному собеседнику, способному сохранить тайну и выслушать доброжелательно и с интересом его признания. Как это похоже на то, что спустя многие годы превратится в формулу психоанализа. Может быть, Фрейд просто перенес специфику, характерную для разговора в письме с невидимым собеседником, в кабинет психоаналитика? Часто письма Фрейда к Вильгельму Флиссу, человеку, с которым он дружил уже в зрелые годы, изобиловали проявлениями того, что позже Фрейд назовет трансфером – элементом, характерным для взаимоотношений аналитика с пациентом во время психоаналитического лечения. Но эта особая манера ведения диалога была свойственна

всем письмам Фрейда, начиная с его переписки в юношеском возрасте. Тогда, после «небольшого романа» о своем путешествии поездом из Фрайбурга в Вену, Фрейд выразил беспокойство по поводу отношения Эмиля Флюса к его письму: «Жаль, если мой рассказ не оправдал ваших ожиданий и показался вам недостойным вашего “молчания”». Закончил он письмо обещанием нового рассказа со следующей почтой.

Но эпистолярная дружба имела свои требования: Фрейд нуждался в друзьях, быстро отвечавших на его письма. 24 июля 1873 года он закончил письмо Эдуарду Зильберштейну следующими словами: «Если твой ответ прилетит ко мне со скоростью орла или с быстротой молнии, я буду очень рад...» А Флисса он упрекал: «Демон! Почему ты мне не пишешь? Как у тебя дела? Неужто тебе больше не интересно то, чем я занимаюсь?»

Эрнста Блюма, одного из своих старых пациентов, вновь приехавшего к нему для психоанализа в 1922 году, Фрейд спросил, почему тот ни разу не написал ему. Блюм ответил, что как только он вспоминал о том количестве приходивших Фрейду писем, которые он ежедневно видел на столике в прихожей доктора, он сразу отказывался от затеи написать Фрейду, чтобы не обременять его еще и своими письмами. В ответ же он услышал: «Сколько удовольствия я мог бы получить, читая ваши письма!»

Марте Фрейд написал более девятисот длинных писем за время их затянувшейся помолвки. Ежедневно, а порой даже по нескольку раз в день он слал своей невесте слова любви, а также излагал взгляды на жизнь и в мельчайших подробностях описывал свою повседневную жизнь молодого ученого.

«27 июня 1882 года, вторник,
утро, лаборатория

Моя милая невеста,

Я вырвал несколько листов из своей рабочей тетради, чтобы написать тебе в то время, пока идет эксперимент. Перо я похитил с рабочего стола профессора [Брюкке]. Люди вокруг меня думают, что я занят расчетами, относящимися к моему эксперименту... Передо

мной, в моем аппарате, что-то варится и бурно кипит, и именно этим я должен сейчас заниматься. И все это напоминает нам о необходимости проявлять смирение и ждать...»

По пути в Гамбург, куда он ехал в гости к невесте, Фрейд остановился в кафе, чтобы написать ей еще одно письмо, хотя и предполагал, что оно дойдет до Марты позже, чем приедет он сам.

«Я был единственным клиентом, сидевшим в маленьком зале, заставленном множеством столов и стульев, но мне пришлось ждать целую вечность, пока мне принесли кофе, в который недоложили сахара, – моей Мартхен нужно будет класть в мой кофе больше сахара. Правда, торт оказался вкусным. Какой же я расточительный! Я съел целых два куска, один – за мою маленькую Марту. А теперь мне нужно быстро поставить точку, иначе я оставлю в этом кафе все свое состояние в уплату за электричество, чернила и износ мебели; все те прекрасные слова, что я хотел тебе сказать, останутся невысказанными. Но мы устроим с этими каракулями соревнование и посмотрим, кто из нас первым доберется до Марты».

И жених, и письмо оказались в одном поезде...

Фрейд балансировал между радостями сублимации и надеждами на осуществление своих желаний: «Моя дорогая, моя невеста, моя женушка, знаешь ли ты, что я провел целых два дня, не имея новостей от тебя, и уже начинаю волноваться? Ты заболела или сердисься на меня? Для меня нет ничего лучшего, чем писать тебе как можно чаще, я готов делать это весь день, но и работать я также готов целый день, чтобы добиться права ласкать тебя в течение долгих лет».

Но вот Марта стала женой Фрейда, и тому понадобились другие побудительные мотивы для переписки. Через год после женитьбы он познакомился с Флиссом, а поскольку тот жил в Берлине, то они начали обмениваться письмами. Их переписка продлилась с 1887 по 1904 год. Первые же слова, адресованные Фрейдом Флиссу, ясно говорили о его намерениях: «Несмотря на то, что это мое письмо имеет чисто утилитарную цель, уверяю вас, что я с удовольствием продолжил бы свое общение с вами». Сугубо интим-

ный характер установившейся между ними переписки был обязан в том числе и тому, что Флисс просил Фрейда сообщать ему о малейших изменениях его настроения, его недомоганиях, периодах хорошего самочувствия и плодотворной работы, чтобы на основе этих данных рассчитать его биологические ритмы. Дело было в том, что Флисс собирал доказательства для выдвинутой им идеи, что если женский жизненный цикл равен двадцати восьми дням, то у мужчин он составляет двадцать три дня, и эта цикличность оказывает большое влияние на физическую, психическую и интеллектуальную жизнь человека.

«Как я себя чувствовал? Если сказать одним словом, то как собака – омерзительно. Но вчера вечером это прошло. Я вновь почувствовал себя человеком с присущими ему человеческими чувствами» (13 марта 1895 г.). «Сегодня, после целой недели несчастий, продолжавшейся от одной особо выделенной даты до следующей, я проснулся прекрасно отдохнувшим» (29 марта 1897 г.). А потом в их отношениях наступила «нарциссическая» и «гомосексуальная» фаза, они как бы видели себя друг в друге: «Следствием той тайной биологической симпатии, о которой ты так часто говорил, стало то, что мы оба почти одновременно почувствовали в своем теле скальпель хирурга» (6 ноября 1898 г.).

После разрыва с Флиссом Фрейд никому больше не поверял в письмах того, о чем писал своему берлинскому другу на пике их дружбы и духовной близости: «Существа, подобные тебе, ни в коем случае не должны исчезнуть. Нам, всем остальным, очень не хватает людей твоего типа. Я не знаю, как мне благодарить тебя за то сочувствие, то понимание и ту поддержку, что ты оказываешь мне в моем одиночестве; с твоей помощью я открыл для себя смысл существования, кроме того, ты вернул мне здоровье, чего никто другой сделать не мог. Имея перед глазами твой пример, я смог собраться с собственными интеллектуальными силами, уверовать в правильность своих суждений... и, подобно тебе, безропотно принимать все уготованные мне удары судьбы. За все это прими мою благодарность» (1 января 1896 г.).

Юнг, как и Флисс, подарил Фрейдю свою эпистолярную дружбу, которая была тому так необходима, но после периода идеализации в их отношениях наступил период разочарований. Мечта о беззаветной дружбе с одним-единственным человеком не осуществилась. Количество людей, с которыми Фрейд начал вступать в дружескую переписку, росло, он как бы стал делить свою дружбу между многими, чтобы обезопасить себя от сильного потрясения или предательства в случае разрыва с одним из корреспондентов путем компенсации за счет продолжения связей с другими. Всем им он писал о своих заботах, радостях, идеях и о состоянии своего духа. А также о своих повседневных увлечениях.

Повседневные радости

Путешествуя с братом по Тиролю, Фрейд отправил домой письмо, датированное 20 апреля 1905 года:

«Дорогие мои,

У нас все хорошо. Алекс почистил мое перо, и сейчас, в ожидании жаркого и салата, у меня есть немного времени, чтобы рассказать вам о событиях сегодняшнего дня. Должен признать, что Траминер просто великолепен.

Мы поднялись на Дрейкирхен в теплый, но пасмурный день... Подобный подъем впервые в жизни – дело отнюдь не простое, но мои новые ботинки оказались превосходными, я чувствовал себя так, будто родился в них. Пока торговцы с Фюрихгассе будут продавать такую обувь, они смогут – во всяком случае, что касается меня, – показывать язык клиенту до и после покупки. Итак, мы шли бодрым шагом и минут через срок пять сделали привал на поляне среди незабудок... Мы вышли наконец из леса, открывшийся перед нами вид напоминал географическую карту... Перед нами лежал безлюдный чарующий мир: горы, леса, цветы, реки и озера, замки, монастыри и ни единого человеческого существа. На обратном пути мы попали под дождь, но не сильный. После всего этого обед пока-

зался нам вкуснейшим. Завтра мы уезжаем в Санкт-Ульрих и Волькенштейн.

Целую. Папа».

Поездки, во время которых Фрейд оказывался вдали от семьи, служили ему прекрасным поводом для ярких и подробнейших описаний, чувствовалось, что это занятие доставляло ему огромное наслаждение. «Это письмо обязано своим появлением тому, что несколько дней назад мы зачем-то купили голубую марку, и тому, что сегодня идет дождь... Минна отдыхает в своей комнате; а я думаю пойти съесть гранат (за десять сантимов), потом покурить и разложить пасьянс. С годами у меня открылось множество талантов, позволяющих мне наслаждаться радостями жизни» (25 сентября 1908 г.).

Из Палермо, где он гулял в компании Шандора Ференци, Фрейд писал Марте, что он сожалеет о том, что один наслаждается этой красотой, не имея возможности доставить ту же радость всей семье. «Мне следовало стать не психиатром и так называемым создателем нового направления в психологии, а фабрикантом, производящим какие-нибудь товары повседневного спроса типа туалетной бумаги, спичек или застежек для обуви» (15 сентября 1910 г.).

20 сентября 1912 года Фрейд писал своим из Рима, где вновь был с Ференци: «Вчера вечером после ужина мы даже сходили в театр на новую оперетту патристического содержания. Для меня это было уже несколько чересчур, плюс ко всему выпитый мною в антракте кофе, видимо, не пошел мне на пользу. Но сейчас, перед ланчем, я опять бодр. Должен признаться, что никогда прежде я не уделял себе самому столько внимания и никогда не жил в такой праздности, потакая всем своим желаниям и капризам».

Пятью днями позже он уточнил: «Каждый день я вставляю в петлицу свежую гардению и изображаю из себя богача, который может позволить себе любую прихоть».

Но повседневная жизнь доставляла Фрейду также немало забот и неприятностей. В 1912 году его голова была занята мыслями о диссидентстве Юнга и о буду-

пцем психоаналитического движения. «На данный момент самой серьезной проблемой стало то, что семиты и арийцы (или антисемиты), которых я пытался заставить слиться в единое целое на почве служения психоанализу, вновь отделились друг от друга, словно вода от масла», – с сожалением констатировал Фрейд. А потом разразилась Первая мировая война.

26 июля 1914 года Фрейд писал из Карлсбада, где проходил лечение, своему другу и коллеге Карлу Абрахаму: «Одновременно с сообщением об объявлении войны, нарушившим покой в нашей санатории, я получил ваше письмо, которое принесло мне долгожданное облегчение. Наконец-то мы окончательно избавились от Юнга и его приспешников! Всю свою жизнь я стремился найти друзей, которые не будут эксплуатировать меня, чтобы потом предать, и вот теперь, когда я не так уж далек от естественного конца этой жизни, надеюсь, я их нашел».

В письмах Фрейда рассказы о проблемах метафизического порядка чередовались с рассказами о повседневных заботах физической, бременной жизни: «В Вене перестали печь белый хлеб; еще большее беспокойство вызывает то, что в сберегательных кассах и банках нельзя снять со счета больше двухсот крон. Посмотрим, как долго мы сможем обходиться без денег в повседневной жизни» (2 августа 1914 г.).

Периоды работоспособности сменялись у Фрейда унынием, об этом свидетельствует его запись от 10 января 1915 года, а 1 апреля того же года он написал, что «восемь месяцев войны гнетут [его], как дурной сон». Своему американскому другу Джеймсу Патнему Фрейд доверительно рассказывал: «Я совершенно не боюсь Господа Бога. Если вдруг нам суждено встретиться, у меня к нему будет гораздо больше претензий, чем у него поводов для критики в мой адрес. Я спрошу у него, почему он не дал мне лучших интеллектуальных способностей, и он не сможет мне возразить, что это я не сумел в полной мере воспользоваться предоставленной мне так называемой свободой... Я никогда не делал ничего постыдного и никогда не причинял никому зла, но поскольку мне и не хотелось этого, то гордиться особо нечем... Как было бы

хорошо, если бы и остальные люди вели себя таким же образом!»

Во время войны частная медицинская практика резко сократилась, а научные исследования приостановились. Временами Фрейд чувствовал себя столь же одиноким, как в начале своей психоаналитической деятельности. Каждое письмо было для него драгоценной ниточкой, связывавшей его с остальным миром. Лу Андреас-Саломе он рассказывал о том, как проводил лето 1915 года: «Пишу вам из идиллического убежища, которое мы упрямо и настойчиво создавали для себя вместе с женой, но в нашу идиллию постоянно вторгаются, нарушая ее, тревожения нынешнего момента. Около недели назад наш старший сын написал нам, что одна пуля пробила ему кепи, а другая чиркнула по руке, но он продолжает оставаться в строю, а сегодня наш второй вояка [Эрнст] объявил нам, что получил приказ завтра отбыть к месту службы, он также отправляется на север [на российский фронт]... Поскольку мы не смеем задумываться о том, что ждет нас в будущем, мы живем только сегодняшним днем, стараясь взять от него все, что он может нам дать».

Гастрономические пристрастия

На Берггассе никогда не пахло цветной капустой: хозяин дома не любил этот овощ. Как, впрочем, не любил он блюда из птицы, велосипед и зонтики! Радовали его в основном солнцелюбивые плоды земли: артишоки, спаржа, початки кукурузы. И, конечно, грибы.

Одной из главных забот военного времени стало добывание пищи. «Как вы видите, я стал писать крайне неразборчиво, – заметил Фрейд в одном из писем К. Абрахаму. – Возможно, это происходит в том числе и из-за непривычной для меня пищи – раньше я всегда ел много мяса» (22 марта 1918 г.). В другом письме Фрейд обрисовал ситуацию, в которой оказалась его семья: «Последнее время, вот уже почти год, наша жизнь приобрела одну своеобразную черту, я вам о

ней ничего не рассказывал; дело в том, что теперь наши продовольственные запасы пополняются исключительно благодаря моим пациентам и ученикам, с которыми я связан узами дружбы. Мы живем только за счет этих подношений, уподобясь семье врача, зарабатывавшего таким образом на жизнь в незапамятные времена. Сигары, муку, жир, сало и т.д. мы либо получаем в виде подарков, либо покупаем по очень умеренным ценам при посредничестве наших венгерских друзей с Ференци и Эйтингоном во главе, а также благодаря нескольким семействам из Будапешта, благосклонно относящимся к психоанализу; кроме того, и здесь, дома, я нашел таких же учеников-кормильцев» (29 мая 1918 г.).

В 1919 году, так как ситуация несколько не улучшилась, Фрейд обратился за помощью к своему племяннику Самуэлю из Манчестера: «У нас очень плохо с продуктами. (Несколько дней назад селедка стала для нас настоящим праздником!) У нас нет мяса, не хватает хлеба, нет молока, картофель и яйца крайне дороги... Вот список продуктов, в которых мы нуждаемся больше всего: жир, говядина, какао, чай, галеты».

Но лес всегда дарил Фрейду дикорастущие ягоды, он обожал их собирать: малину, чернику, ежевику и ту лесную землянику, которой так не хватало ему, по его словам, в Америке. В 1909 году во время своей поездки в Соединенные Штаты Фрейд часто страдал от расстройства желудка и, хотя его пищеварение и раньше нередко доставляло ему неприятности, во всем винил американскую кухню. Чтобы подчеркнуть свое недовольство, он выразил презрение следующими словами: «Это страна, где даже нет лесной земляники!»

Фрейду ни разу в жизни не приходилось самолично месить тесто, но в магазин за продуктами, по крайней мере однажды, он ходил. Это произошло во время семейного отдыха то ли в Аусзее, то ли в Берхтесгадене – Мартин, поведавший эту историю, не запомнил точного места. Из-за продолжительных и обильных дождей их дом оказался отрезанным от остального мира, а провизия подходила к концу. И тогда Фрейд, надев никербокеры и крепкие ботинки и забросив за спину самый большой рюкзак, отправился в горы на

поиски какой-нибудь деревни, где можно было раздобыть еды. Вечером он вернулся с туго набитым рюкзаком и был встречен как герой детьми, особо заинтересовавшимися огромным батоном салями, торчавшим среди других продуктов.

Но если Фрейд любил хорошо поесть, то спиртного он практически не употреблял. Правда, из одного его письма Флиссу следовало, что в 1899 году друг прислал ему ящик «марсалы», которой он воздал должное. Позже Оскар Рие посылал Фрейду на Рождество хорошие вина, а Ференци снабжал его токайским из королевских погребов Венгрии. А когда-то в Париже на приемах у Шарко Фрейд попробовал и оценил французские вина. Позднее, отдыхая летом в Италии, он познал вкус местных итальянских вин, которыми наслаждался вдали от своего венского кабинета. Он стал столь тонким знатоком вин, что однажды, отведав молодого вина под ласковым итальянским солнцем Тиволи, пожаловался, что предложенный ему напиток пахнет марганцовкой!

Но с 1923 года из-за рака челюсти Фрейд был вынужден носить протез, прозванный им «монстром», с тех пор он никогда уже не получал от еды прежнего удовольствия.

*«Перл», «Соберанос», «Рейна-Кабана»
и любовь к собакам*

С присущим ему чувством юмора Фрейд сообщал друзьям последние новости о своем здоровье. 10 мая 1923 года он писал своей дорогой Лу:

«Могу сообщить вам, что я вновь начинаю говорить, жевать, работать и даже курить – конечно, весьма своеобразно, понемногу и очень осторожно, так сказать, на мещанский манер. Мой семейный врач даже подарил мне мундштук на мой день рождения, который был отмечен с такой помпой, словно я опереточная дива или словно это мой последний день рождения.

Прогнозы, которые делают врачи после операции, неплохие. Вы знаете, что это означает просто-напро-

сто некоторое отдаление той угрозы, что нависла над моим будущим. Моя жена и дочь с нежностью ухаживали за мной. Я полностью разделяю ваше мнение по поводу нашей беспомощности перед физической болью и считаю, как и вы, что это очень неприятно и даже подло. Будь возможность свалить вину за все это на кого-нибудь конкретного, я бы так и сказал ему».

А Карлу Абрахаму, этому неисправимому оптимисту, он писал: «Сегодня я сделал перевязку, встал с постели и запахнул все, что от меня осталось, в одежду. Спасибо вам за все новости, письма, приветствия и вырезки из газет. Если я смогу спать без уколов, то вскоре вернусь домой».

Несмотря на несколько десятков операций и проблем с протезом, жизнь взяла свое, и Фрейд вновь приступил к приему своих многочисленных пациентов. Конечно, он быстро уставал, его правое ухо «вышло из строя», а процесс приема пищи «не терпел посторонних глаз». Но вот что Фрейд писал 1 апреля 1925 года Максу Эйтингону: «В окружении трех нежных созданий [Марты, Минны и Анны], постоянно заботящихся обо мне, я не могу позволить себе хныкать, для меня это хороший повод учиться держать себя в руках. Однако все мы ужасно устаем».

К счастью, в качестве утешения у него всегда были дорогие его сердцу сигары, от них он никак не мог отказаться, и его близкие следили за тем, чтобы их запас не иссякал. «Еще хочу вам сказать, что маленькие сигары сорта “Перл” оказались очень неплохими. Их запас подходит у меня к концу. Если человек из Берхтесгадена [где Эйтингон доставал хорошие сигары] не может доставить мне “Соберанос”, я с удовольствием возьму прекрасные сигары сорта “Рейна-Кабана”, которые мне уже однажды предлагались в качестве замены», — вспоминал Макс Шур одно из писем Фрейда.

То ли из-за болезни, то ли из-за того, что ему было тяжело общаться с людьми, а может быть, под влиянием Марии Бонапарт, Фрейд, который до того терпеть не мог животных, вдруг проникся нежностью к собакам. В конце своей жизни, словно позабыв о том, что у него не всегда была тяга к существам типа Топси, Джофи, верного Вольфа и ласковой Люн Ю, Фрейд при-

знался, что искренняя, без какой-либо двусмысленности привязанность к ним доставляла ему истинное наслаждение. Поглаживая одну из своих собак – чау-чау с золотистой шерсткой, Фрейд как-то поймал себя на том, что напевает арию Октавио из «Дон Жуана»: «Дружбы связь скрепила нам сердца», *Così saremo amici*.

Посвящая К. Абрахама в скромные радости своего летнего отдыха, Фрейд писал: «Время здесь идет совершенно незаметно. Оглядываясь вечером на события прожитого дня, замечаешь, что почти нечего вспомнить: несколько фантазий за рабочим столом, сеанс с одним американцем, несколько забавных эпизодов, героем которых стал наш пес Вольф (вы пока с ним не знакомы: из-за своей ревнивой и необузданной любви к хозяевам и недоверия к чужим, из-за сочетающихся в его характере свирепости и покорности он часто становится объектом всеобщего внимания), а также несколько писем, корректура авторских оттисков, визиты наших родственников из Америки и т. д.»

По воспоминаниям Мартина, собака Джофи, обычно присутствовавшая на психоаналитических сеансах Фрейда, сидя под столом, уставленным произведениями античного искусства, начинала зевать точно в момент окончания приема очередного пациента! Правда, Фрейд считал, что иногда собака могла ошибиться и подать свой сигнал на минуту раньше срока.

Еще одна семейная история гласила, что Вольф, собака-волк, которого Анна ежедневно выгуливала в Пратере, однажды убежал от нее и потерялся; выбежав из парка, он запрыгнул в первое попавшееся такси и стал настойчиво демонстрировать водителю свой медальон на ошейнике, где значилось: «Профессор Фрейд, Берггассе, 19». Уступив напору этого необычного пассажира, таксист доставил собаку владельцу, а тот не поспешил расплачиваясь за оказанную услугу. Фрейд считал своих питомцев настоящими членами семьи и, наверное, не удивился бы, увидев, что, оставшись в одиночестве, они читают! Но у Фрейда не всегда было такое взаимопонимание с представителями животного мира; десятью годами ранее описывае-

мого времени Лу Андреас-Саломе сделала в своем дневнике запись о трогательной встрече Фрейда с «нарциссической» кошкой.

Кошка на психоаналитической кушетке

«Это произошло в то время, когда кабинет Фрейда еще был на первом этаже; кошка проникла к нему через открытое окно и поначалу не вызвала у него, не отличавшегося любовью к собакам, кошкам и другим животным, никаких положительных чувств, а в тот момент, когда она спрыгнула с кушетки, где вначале пристроилась, на пол и принялась тщательно исследовать и обнюхивать экспонаты его коллекции древностей, временно расставленные на полу, он пришел в ужас; он, естественно, не решался прогнать ее, опасаясь, что, испугавшись, она может неосторожным движением причинить вред его обожаемым сокровищам, но когда увидел, что кошка проявляет явный интерес к его археологическим находкам, выражает свою симпатию к ним громким мурлыканьем и не наносит им никакого ущерба, двигаясь между ними с неподражаемой грацией и гибкостью, его сердце дрогнуло, и он даже приказал принести ей молока. С этого дня кошка стала ежедневно приходить во фрейдовский кабинет, инспектировать его коллекцию и лакомиться молоком из блюдца. Несмотря на то, что восхищение Фрейда этой кошкой и его привязанность к ней непрерывно возрастали, сама она не обращала на него никакого внимания; черные и блестящие зрачки ее зеленых глаз равнодушно скользили по нему, не выделяя среди других вещей. Если он хотел привлечь ее внимание и получить нечто большее, чем эгоистичное и нарциссическое мурлыканье, он должен был опустить на пол одну из своих ног, обычно удобно вытянутых в шезлонге, и начать мерно раскачивать носком ботинка, что завораживающе действовало на кошку. Эти, можно сказать, односторонние отношения уже длились достаточно долго, когда однажды утром Фрейд обнаружил, что кошка, расположившаяся на его диване, больна: она тяжело дышала, и ее

лихорадило; несмотря на то, что ее сразу же принялись лечить с помощью обертываний и окружили всеческой заботой, она умерла от воспаления легких, оставшись в памяти Фрейда символом истинного эгоизма, завораживавшего своим спокойствием и безмятежностью».

Зигмунд Фрейд, абонент номер А-18-170

Будучи изобретателем нового направления в науке, ставшего частью нашей жизни, Фрейд предпочитал держаться в стороне от достижений современной ему техники и неохотно ими пользовался. В своей работе «Недовольство культурой» он задумывался над тем, может ли принести счастье технический прогресс. «Разве не доставляет мне удовольствия и не способствует возрастанию во мне ощущения счастья то, что я по своему желанию в любое время могу услышать голос своего ребенка, живущего за сотни километров от меня, а также то, что сразу же после высадки на берег моего друга, совершившего долгое и трудное путешествие по морю, я могу получить от него известие, что у него все в порядке?» – задал себе вопрос Фрейд и ответил на него с некоторой долей пессимизма и даже с ностальгическими нотками: «Если бы не было железных дорог, наши дети никогда бы не покинули родного города, и нам бы не понадобился телефон, чтобы услышать их голоса. Если бы не было трансатлантического судоходства, мой друг не предпринял бы своей поездки, и я прекрасно обошелся бы без телеграфа, поскольку мне не нужно было бы беспокоиться о судьбе друга». Не произошло ли здесь наложения образов? Не видел ли Фрейд внутренним взором в тот момент, когда приводил эти примеры, поезд, уносивший его из счастливого детства во Фрайбурге, и пароход, увозивший его сводных братьев Эммануила и Филиппа в Англию? Технический прогресс соединился в его мозгу с неизбежным и болезненным расставанием.

Тем не менее уже в 1890 году у Фрейда, наряду с другими венскими врачами, появился собственный телефон. Телефонный аппарат повесили довольно

высоко на стене в прихожей квартиры, которую занимало его семейство. По воспоминаниям Мартина, это дребезжащее устройство вызывало у детей смешанное чувство страха и любопытства. «Прошло довольно много времени, прежде чем мы решились начать пользоваться им. Но в любом случае, нам некому было звонить: ни у кого из наших друзей не было телефона», – вспоминал Мартин. Фрейд ненавидел этот аппарат и лично отвечал на звонок только тогда, когда дома больше никого не было. Он настолько привык во время беседы внимательно смотреть на собеседника, что чувствовал себя неуютно, разговаривая не с человеком, стоящим перед ним, а с неодоушевленным микрофоном. Вот что примерно в то же время писал о чудесном и обманчивом «телефонном общении» Марсель Пруст в своей книге «У Германтов»: «...После нескольких секунд молчания [я] неожиданно услышал голос, который до сих пор напрасно казался мне знакомым, напрасно потому, что всякий раз, когда бабушка со мной разговаривала, я следил за тем, что она говорит, по раскрытой партитуре ее лица, на котором большое место занимали глаза, самый же голос ее я слышал сегодня впервые... Одиночество голоса являлось как бы символом, отражением, прямым следствием другого одиночества, одиночества бабушки, впервые расставшейся со мной».

Фрейд как мог избегал телефонных разговоров, и никогда телефонный аппарат не мог заменить ему его ручку с широким пером, когда он хотел обратиться к друзьям. Впрочем, он точно так же не пользовался пишущей машинкой и не проявлял интереса к радио, которое внимательно слушал лишь во время серьезных политических событий. Свое «воздушное крещение» Фрейд принял в семьдесят пять лет на борту самолета немецкой авиакомпании «Люфтганза», когда летел в Берлин на лечение. А первым автомобилем, в который он сел, был «фиат» с откидным верхом. Этот «фиат» принадлежал одному итальянцу из Падуи, он вместе со своей семьей остановился в той же гостинице «У озера» в Лавароне, что и семейство Фрейдов. Автомобиль мог развивать скорость сорок километров в час, в то время, то есть в 1906 – 1907 годах, считалось,

что это максимальная скорость, которую может выдержать человеческий организм. Но поездкам на автомобиле Фрейд предпочитал пешие прогулки по горам. В свободном костюме для отдыха, с пристежным воротничком и при галстуке – ни при каких условиях он не появлялся без этого предмета своего туалета, равно как никогда не пил из бутылки прямо из горлышка, – он гулял, наслаждаясь природой, цветами, тишиной, а порой – чистой водой озера. Фрейд был прекрасным пловцом, но не позволял себе никаких фантазий. Следя за тем, чтобы не замочить бороду, которую чопорно держал над водой, он всегда плавал размеренным брассом. Естественно, он был в благопристойном купальном костюме, какой носили в то время: костюм закрывал не только плечи купальщика, но частично и руки. Фрейд обожал купание и подчас подолгу находился на берегу озера, прося принести ему прямо туда прохладительные напитки и сигары со спичками.

Графологическая экспертиза

20 июля 1932 года в одном из номеров французского журнала «Вю» появился репортаж о профессоре Фрейде и анализ его почерка, сделанный неким А. Хольцем. Вот каким увидел Фрейда автор статьи: «Это человек с большим воображением, но не фантазер, он обладает хорошей интуицией и очень точно определяет сильные и слабые стороны человека. Хорошо развитая наблюдательность в паре со способностью логически увязать любой символ с реальной жизнью позволяют ему подмечать едва уловимые связи между отдельными элементами и устанавливать их воздействие друг на друга. Он не производит впечатления сентиментального человека, энергичен, объективен и мыслит, как человек, увлеченный своим делом. Его не заботит общественное мнение. Он фанатик Истины, и ему не требуется одобрение со стороны».

На той же странице журнала можно было увидеть фотографию старого профессора из Вены, на которой он был запечатлен на балконе своей квартиры с

двумя собаками чау-чау. Фрейд не мог понять, чем вызван такой интерес к его личности практически во всем мире. По поводу некой охотницы за автографами знаменитостей он написал одному из друзей следующее: «Вы прекрасно поняли, как я отношусь к охотникам за автографами. Но если действительно одним росчерком пера можно чем-то помочь достойному человеку, нуждающемуся в этом, то не стоит колебаться, можно даже признать, что подобное сумасбродство иногда приносит пользу. Прошу вас в интересах вашего протеза не преминуть довести до сведения вашей богатой дамы, что получить автограф, подобный тому, что вложен в это письмо, обычно очень трудно».

Профессору Векслеру, создателю знаменитого теста на определение уровня развития интеллекта, Фрейд направил письмо, в котором скромность содействовала с утверждением, что невозможно оценить не столько его творчество, сколько его личность: «Что касается вашего желания, чтобы я передал рукописи моих работ в наш университет в Иерусалиме, то мне трудно ответить на это что-либо определенное. Вы предполагаете, что этот университет многое для меня значит, и не ошибаетесь; возможно, мы с вами расходимся во мнениях относительно ценности этих рукописей. Для меня они не представляют никакой ценности, и мне никогда бы не пришло в голову передать их в дар университету. Обычно я их просто выбрасывал в корзину для бумаг, как только работы были напечатаны, и так продолжалось до тех пор, пока один человек не сказал мне, что мои рукописи достойны лучшего применения. Он сказал, что в мире, среди богатых людей, есть множество сумасшедших, способных заплатить наличными за эти страницы, написанные моей рукой, в том случае если я вдруг стану знаменитым. С тех пор я их храню и жду, когда моя известность принесет столь ощутимые плоды. Дело в том, что это единственная имеющаяся у меня возможность что-либо пожертвовать или оставить в наследство нашим собственным организациям типа “Ферлага”, Венского института или Берлинского санатория; и я думаю также, что такое наследство будет благо-

склонно принято моими семью внуками. До объявления войны я слышал, что один известный коллекционер старых документов собирался приобрести и мои бумаги тоже. Но началась война, и больше ни о чем подобном речи не было. Поскольку мне это ничего не стоит, я продолжаю ждать, говоря себе, что, может быть, через какое-то время после моей смерти стоимость этих сокровищ будет такова, что целесообразность их хранения будет оправдана. На самом деле я не испытываю *pretium affectionis** к этим рукописям и ни в коем случае не хочу обидеть Иерусалимский университет, отказавшись передать их ему, тем более что в настоящее время их ценность остается весьма сомнительной. Если Иерусалимский университет имеет другую точку зрения на этот счет, я могу принять ее во внимание и в своем завещании высказать пожелание, чтобы мои рукописи были переданы ему в том случае, если по истечении определенного срока после моей смерти на них не найдется покупателя».

В юности Фрейд не всегда проявлял подобные скромность и мудрость, но чувство юмора всю жизнь было его спутником. Когда в возрасте двадцати девяти лет, снедаемый честолюбивыми желаниями и мечтой нарушить покой человечества с помощью великого открытия, он сжег все свои заметки, письма и черновики научных статей, накопившиеся за десять лет, то сразу же написал Марте, что сделал одну вещь, которая – он ни минуты в этом не сомневался – «доставит однажды массу трудностей целой толпе людей, которые еще не родились, но родятся на свое несчастье»: его будущим биографам! «Пусть они помучаются, не будем облегчать их задачу... Я уже сейчас радуюсь при мысли о тех ошибках, что они наделают», – добавил он, счастливый оттого, что «показал нос» потомкам!

---

* Страстная привязанность к предмету, представляющему ценность (*лат.*).

...

И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне*.

Гёте. Фауст
(Эпиграф к «Психопатологии
обыденной жизни»)

Итак, наше путешествие закончено. Мужчина с сигарой во рту больше не разгуливает по улочкам Вены. Ни одна пациентка, ни один пациент Фрейда не поднимаются больше с замиранием сердца на второй этаж дома на Берггассе. Знаменитая фрейдовская кушетка, молчаливо хранящая чужие тайны, по-прежнему пребывает в изгнании в доме на Мэрсфилд-гарденс в Лондоне. А психоанализ больше не тот, что был прежде.

Подобно старым семейным альбомам, которые можно без усталости перелистывать, несмотря на то, что каждое лицо и каждый вид в них хорошо знакомы, Фрейд стал частью нашей культуры. Почти что частью нашей личной жизни. И все потому, что он всегда занимался теми вещами, из которых состоит наша повседневная жизнь, бился над установлением загадочной связи событий, размышлял о наших желаниях, нашем языке, наших секретах, нашем детстве, наших снах и нашем теле.

Став больше родственником, чем учителем, он рассказал нам о том, что загнанное вглубь все время пытается прорваться на поверхность, что то, о чем молчат губы, выдают руки и что лишь сознание может одержать верх над бессознательным.

Обретут ли радость правнучки Фрейда?

---

* Перевод Б. Пастернака.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валерий Лейбин. Прогулка с Фрейдом</i>	6
<i>Введение</i>	22
<i>Глава первая. НЕОБЫЧНЫЙ ДОКТОР (1886–1895)</i>	25
Дама, прищелкивающая при разговоре	27
Гувернантка, директор и сгоревший пудинг	37
Вареная говядина, девственница и Восточные Альпы	49
<i>Глава вторая. ФРЕЙДОВСКИЕ ПОРТРЕТЫ (1895–1913)</i>	53
Эмма Экштейн	56
Эмма Гольдман	59
Генрих Гомперц	61
Дора, она же Ида Бауэр	63
Ольга Хёниг	68
Первые ученики	69
Маленький Ганс	71
Человек с волками	74
Густав Малер	75
Бруно Гётц	76
Сабина Шпильрейн	77
Евгения Сокольницкая	80
<i>Глава третья. НА КУШЕТКЕ ПРОФЕССОРА ФРЕЙДА (1913–1939)</i>	83
Посетители Берггассе	90
В кабинете доктора Фрейда	94
Психоаналитические сеансы	97
Выключатель, шахматная партия и путешествие на поезде	105
<i>Глава четвертая. ВЕНСКИЙ ЕВРЕЙ</i>	111
Счастливое дитя Моравии	111
Странствующий галицийский еврей	116
Венские евреи	122
Уникальная Библия Филиппсона	124
Прогулка по Пратеру	128
Наука и любовь	133
Продолжение рода	140
Время сновидений	145
Оплошности, ошибки и забывчивость в повседневной жизни	153
Разбитая посуда и «культурная» сексуальная мораль	158
Таинственная и нерушимая верность	161

<i>Глава пятая. НА БАЛУ ЛЮБВИ</i>	166
Амалия	167
Няня	169
Анна	170
Гизела	173
Сара	174
Марта	175
Матильда	178
София	180
Аннерль	181
Градива	183
Минна	186
Лу	188
Паула	189
Иветт	190
Х. Д.	191
<i>Глава шестая. ВЕНА МЕЖДУ ДВУМЯ СЕАНСАМИ</i>	193
Маски и подозрения	193
Его двойник Артур Шницлер	196
Первый визит на Берггассе	199
Венец среди венцев	200
Венские кафе	201
Психоаналитический дневник	204
Опера, бал и кино	206
Прогулки	208
Уик-энды и досуг доктора Фрейда	209
С «братьями» по ложе «Бнай Брит»	212
Психоаналитическая генеалогия	213
«Finis Austriae»	214
<i>Глава седьмая. ГРИБЫ, ГАРДЕНИИ И ЛЕСНАЯ</i>	
ЗЕМЛЯНИКА	217
Тайны природы	219
Одно длинное письмо	221
Повседневные радости	226
Гастрономические пристрастия	229
«Перл», «Соберанос», «Рейна-Кабана» и любовь к собакам	231
Кошка на психоаналитической кушетке	234
Зигмунд Фрейд, абонент номер А-18-170	235
Графологическая экспертиза	237

Флем Лидия

Ф71 Повседневная жизнь Фрейда и его пациентов / Пер. с фр. И. А. Сосфеновой; Предисл. В. Лейбина. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 242[14]с.: ил. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02567-9

Если кого-то и можно назвать знатоком повседневной жизни, так это Зигмунда Фрейда. Свою научную теорию – психоанализ – Фрейд построил на основе частной и интимной жизни собственной и своих пациентов, всех тех «пустяжков», которым до него мало кто придавал значение. А он подверг все это научному анализу и сформулировал гипотезу о существовании мира бессознательного.

Профессиональный психоаналитик, Лидия Флем рассказывает в своей книге о Фрейде и его пациентах, описывает атмосферу, которой жила Вена на рубеже XIX–XX веков, где Фрейд провел основные годы своей жизни. Посетители врачебного кабинета Фрейда под пером Л. Флем перестают быть примерами клинических случаев и превращаются в живых людей из плоти и крови.

УДК 616.89 (092)

ББК 56.14

Флем Лидия

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ФРЕЙДА И ЕГО ПАЦИЕНТОВ

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. Б. Трофимова**

Художественный редактор **Н. С. Штефан**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректор **А. М. Коссовская**

Лицензия № ЛР 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 19.12.2002 Подписано в печать 04.04.2003. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 13,44 + 0,84 Тираж 6000 экз. Заказ 33174

Издательство АО «Молодая гвардия» Адрес издательства: 103030, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: [http:// mg. gvardiya.ru](http://mg.gvardiya.ru) E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, Сушевская ул., 21

ISBN 5-235-02567-9

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А.-Г. Аман

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕРВЫХ ХРИСТИАН. 95—197»**

Э. Драйтова

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
А. ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ»**

П. Фор

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ
ВО ВРЕМЕНА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ»**

И. Клауас

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
В ЗАМКАХ ЛУАРЫ
В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Ф. Декрузет

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА К. ГОЛЬДОНИ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Ги Шоссинан-Ногаре
**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕН И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ
ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ»**

П. Монтэ
**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН
ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ФАРАОНОВ»**

В. Марочкин
**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО РОК-МУЗЫКАНТА»**

Ж. Ленотр
**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРСАЛЯ ПРИ КОРОЛЯХ»**

М. Дефурно
**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИСПАНИИ В ЗОЛОТУЮ ЭПОХУ»**

Ж. Брюнель-Лобришон, К. Дюамель-Амадо
**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВО ВРЕМЕНА ТРУБАДУРОВ. XII—XIII ВЕКА»**

**Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru**

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

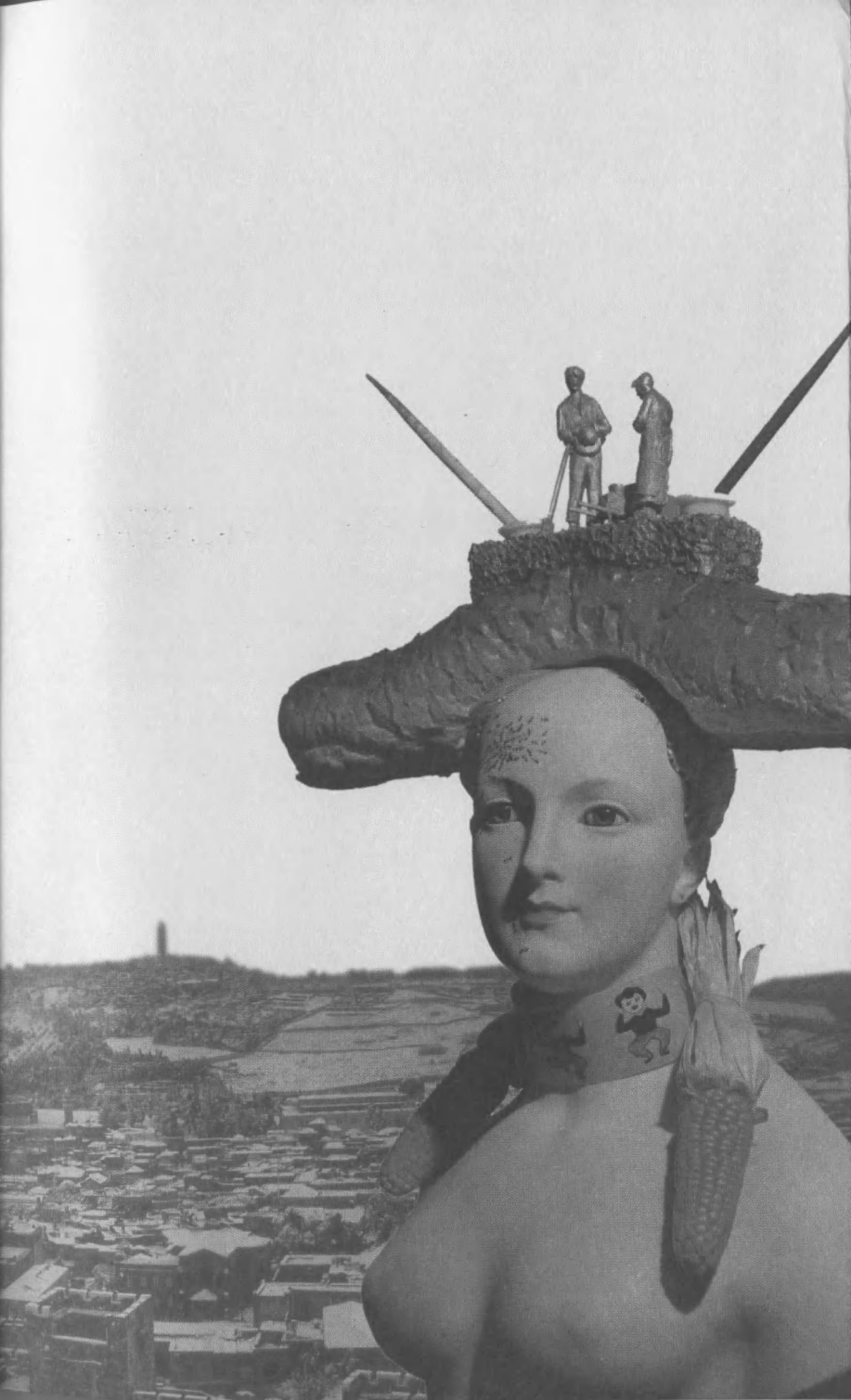

**В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.**

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».
Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.
www://mg.gvardiya.ru © book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНА ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

Ж. Ленотр

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРСАЛЯ
ПРИ КОРОЛЯХ

П. Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Г. Андреевский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

А. Зверев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ПАРИЖА

ISBN 5-235-02567-9

9 785235 025677

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ